КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО

КЪ ОБЛИЧЕНІЮ СОЦІАЛИЗМА.

Составилъ съ возможнымъ примѣненіемъ къ программѣ духовныхъ семинарій

А. Л. Рождественскій.

Губ. г. Владиміръ.
Скоропечатня И. Конль.
1910 г.

Прим 38 г.

193[illegible]
39

Современный соціализмъ и его главные виды.

Понятіе о соціализмѣ. Общій характеръ его. Соціализмъ есть ученіе, требующее замѣны частной собственности на орудія или средства производства обобществленіемъ (соціализаціею) производительныхъ силъ. Ученіе это не есть только экономическая теорія. но представляетъ собою цѣлостное міро-и жизнепониманіе или, по крайней мѣрѣ, стремится стать таковымъ. Исходя изъ положенія, выставленнаго еще французскими энциклопедистами (Руссо), что все зло въ жизни человѣческой коренится въ частной собственности, обусловливающей собою экономическое, а за нимъ и всякія другія неравенства между людьми, современный соціализмъ въ обобществленіи орудій производства видитъ единственное средство къ искорененію этого зла и къ устроенію истиннаго счастія человѣка, къ водворенію рая на землѣ. Отъ такого строя матеріальной жизни человѣка онъ ставитъ въ полную зависимость и его духовное благосостояніе, ограничивая послѣднее исключительно земными цѣлями и интересами. Такимъ образомъ началомъ и концомъ жизни человѣка поставляется въ соціализмѣ земля. Отсюда всякій соціализмъ неизмѣнно проникнутъ духомъ матеріализма и атеизма, хотя указанныя черты въ соціалистическихъ ученіяхъ выступаютъ и не всегда съ одинаковою рѣзкостью и опредѣленностью. Такой взглядъ на общій характеръ соціализма раздѣляется и многими изъ приверженцевъ его. „Ученіе соціализма,—говоритъ, напр., одинъ изъ нихъ—располагаетъ человѣка къ *атеизму*... Соціалистъ не можетъ принадлежать къ паствѣ какой-либо изъ христіанскихъ церквей,—до такой степени ученіе и жизнь церкви *идутъ въ разрѣзъ со всѣмъ*, что составляетъ *основныя начала* соціализма“ (А. Исаевъ. О соціализмѣ нашихъ дней).

Отсюда вытекаетъ необходимость для пастырей православной церкви изученія современныхъ соціалистическихъ ученій и способовъ борьбы съ ними,—необходимость тѣмъ болѣе настоятельная и неотложная, что ученія эти въ послѣднее время, особенно подъ вліяніемъ недавно пережитой, а отчасти еще и доселѣ переживаемой нашимъ отечествомъ политической смуты, получили широкое распространеніе въ обществѣ, пріобрѣтая себѣ послѣдователей даже среди простого народа, не говоря уже объ интеллигентныхъ слояхъ его.

Различныя направленія въ соціализмѣ. Цѣль у всѣхъ соціалистовъ одна—уничтоженіе частной собственности на орудія производства и передача послѣдняго, равно какъ и распредѣленія продуктовъ производства въ завѣдываніе общества. Но способы достиженія этой общей для соціализма цѣли понимаются различными его приверженцами неодинаково. Отсюда возникли различныя направленія въ соціализмѣ. Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія:

1) Такъ называемый „христіанскій соціализмъ“, ведущій свое дѣло подъ знаменемъ и во имя Христа съ цѣлію уловленія христіанъ.

2) Научный или Марксовскій (марксизмъ), иначе называемый еще соціалъ-демократическимъ. Въ лицѣ его соціалистическое ученіе впервые выступило въ качествѣ научно обоснованной теоріи. Второе названіе онъ получилъ отъ имени своего основателя, а третье указываетъ на основную проникающую его тенденцію—интернаціоналистическую, такъ какъ онъ ставитъ себѣ задачею, на мѣсто нынѣ существующихъ дѣленій людей по націямъ и государствамъ, объединить все человѣчество въ одно общество, основанное на чисто демократическихъ началахъ, и при посредствѣ этого общества организовать правильное производство и равномѣрное распредѣленіе продуктовъ. При осуществленіи этой задачи онъ не чуждается и революціонныхъ средствъ, хотя и не настаиваетъ на нихъ. Что же касается средствъ политическихъ, то онъ допускаетъ участіе въ законодательной (парламентарной) работѣ конституціонныхъ государствъ, но только отрицательное, ставя себѣ цѣлью всячески тормозить законодательную дѣятельность государства, направленную къ улучшенію нынѣ существующаго строя общественной жизни, и тѣмъ способствовать его скорѣйшему крушенію (по принципу: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“).

3) Государственный соціализмъ—двухъ видовъ: а) просто государственный соціализмъ, заключающій въ себѣ въ сущности очень мало соціалистическаго, такъ какъ онъ признаетъ институтъ частной собственности и классовыя различія между людьми, но стремится лишь общее направленіе экономической жизни страны всецѣло сосредоточить въ рукахъ государства. Гораздо болѣе заслуживаетъ указаннаго наименованія: б) такъ называемый *Лассалевскій* соціализмъ (по имени своего основателя—Лассаля, современника Маркса). Исходя изъ идеи „желѣзнаго закона заработной платы“, въ силу котораго при современномъ строѣ экономической жизни наемная плата рабочихъ будто бы неизмѣнно держится около нѣкотораго средняго уровня, представляющаго собою minimum средствъ потребныхъ для поддержанія существованія рабочаго и его семьи,— онъ признаетъ невозможность улучшенія въ положеніи рабочихъ, пока они сами не станутъ и предпринимателями. Средство для этого—учрежденіе производительныхъ товариществъ или артелей рабочихъ, которыя, будучи основаны при поддержкѣ государства, должны постепенно сокрушить силу частнаго капитала и такимъ образомъ подготовить почву для чистаго соціализма; а чтобы побудить къ этому государство, онъ рекомендуетъ участіе рабочихъ въ парламентѣ въ видѣ особой, самостоятельной рабочей партіи („Всеобщій нѣмецкій рабочій союзъ“, основанный Лассалемъ). Такимъ образомъ онъ стремится осуществить задачу соціализма мирнымъ путемъ и на національной почвѣ.

4) Ревизіонистскій соціализмъ, явившійся, какъ результатъ критики, пересмотра (revisio) основоположеній марксизма, изъ коихъ нѣкоторыя онъ совершенно отвергаетъ, другія же допускаетъ съ извѣстными ограниченіями или же полностью. Называется онъ еще *реформистскимъ*, потому что допускаетъ *положительное* участіе въ законодательной, парламентарной

работѣ, видя въ немъ единственно вѣрное и надежное средство къ осуществленію общесоціалистическихъ задачъ (путь реформъ). Главные представители его—Бернштейнъ и Фольмаръ.

5) Революціонный соціализмъ, также выдѣлившійся изъ марксизма, но составляющій полную противоположность реформистскому, такъ какъ считаетъ единственно скорымъ и надежнымъ способомъ осуществленія соціалъ-демократическихъ чаяній—путь революціи.

6) Аграрный соціализмъ, требующій соціализаціи не всѣхъ орудій производства, а только одной земли. Наиболѣе видный представитель его—англичанинъ Генри Джорджъ.

7) Особо стоитъ отъ перечисленныхъ видовъ соціализма, такъ назыв., анархическій коммунизмъ или анархизмъ (теоретическій), характеризующійся предпочтеніемъ индивидуальнаго начала въ пониманіи нормальнаго строя общественной жизни коллективному, безъ отрицанія послѣдняго. Онъ требуетъ передачи орудій производства въ распоряженіе не всего общества, взятаго въ его цѣломъ, а отдѣльныхъ *автономныхъ* союзовъ рабочихъ, съ прекращеніемъ всѣхъ государственныхъ функцій (законодательныхъ, административныхъ, судебныхъ) и съ правомъ свободнаго перехода ихъ членовъ изъ одного союза въ другой. Основу порядка въ будущемъ обществѣ онъ видитъ въ чувствѣ солидарности, имѣющемъ охватить всѣхъ людей послѣ уничтоженія классовыхъ различій и господства однихъ надъ другими, вслѣдствіе чего внѣшнее принужденіе со стороны государства окажется ненужнымъ, такъ какъ оно замѣнится свободными договорами и соглашеніями. Путь къ достиженію этого „идеальнаго“ строя жизни—насиліе; всякія политическія средства отвергаются.—Главные представители этого направленія—Прудонъ, Максъ Штирнеръ, Бакунинъ. Безнравственность средствъ и утопичность цѣлей, указываемыхъ анархизмомъ, служатъ причиною слабаго успѣха его въ обществѣ.

Изъ отмѣченныхъ въ современномъ соціализмѣ направленій особеннаго вниманія заслуживаютъ а) такъ наз. „христіанскій соціализмъ“, какъ представляющій собою наибольшій соблазнъ для истинно-вѣрующихъ христіанъ, и б) соціализмъ Марксовскій или соціалъ-демократическій, какъ самый распространенный изъ видовъ соціализма и притомъ пытающійся подкопать и расшатать устои современнаго общества оружіемъ науки.

Примѣчаніе 1-е. Подъ орудіями, или средствами производства разумѣются всѣ тѣ матеріальныя блага или цѣнности, которыя служатъ къ созданію новыхъ цѣнностей. Сюда относятся: земля, сырые матеріалы, заводы, фабрики, машины, пути сообщенія,—словомъ, все, что не служитъ для непосредственнаго потребленія, или пользованія.

Примѣчаніе 2-е. Коммунизмъ (communio bonorum) есть система общности имуществъ, или общественное хозяйство, какъ извѣстная опредѣленная форма экономической жизни (и ученіе о ней). Соотвѣтственно двумъ родамъ матеріальныхъ благъ (орудія производства и продукты потребленія), различаются слѣдующіе виды коммунизма: 1) крайній, или полный, представляющій собою обобществленіе и орудій производства и самаго пользованія продуктами его (общія жилища, столовыя, больницы и т. п.; нѣкоторые изъ его представителей требовали даже общности женъ и дѣтей) и 2) умѣренный, или частный, представляющій собою обобществленіе одного только

какого-нибудь изъ указанныхъ видовъ благъ и, слѣдовательно, распадающійся на два соподчиненныхъ вида: а) коммунизмъ только *потребленія* продуктовъ и б) коммунизмъ только *производства* и распредѣленія продуктовъ, при частномъ пользованіи ими.—Современный соціализмъ относится преимущественно къ послѣднему виду коммунизма, хотя нѣкоторые изъ его послѣдователей мечтаютъ и объ осуществленіи полнаго коммунизма въ жизни.

Христіанскій соціализмъ.

Сущность этого направленія и различныя теченія въ немъ. Такъ называемый „христіанскій соціализмъ“ преслѣдуетъ тѣ же задачи, что и другіе виды соціализма, т. е. устраненіе экономическаго неравенства изъ жизни людей путемъ соціализаціи орудій производства, иными словами—водвореніе соціалистическаго строя общественной жизни на мѣстѣ нынѣшняго, капиталистическаго. Главное отличіе его состоитъ въ томъ, что онъ стремится обосновать требованія, предъявляемыя соціализмомъ къ современному обществу, на началахъ христіанскихъ. При этомъ одни изъ приверженцевъ его довольствуются лишь указаніемъ *на совмѣстимость* задачъ соціализма съ христіанскимъ ученіемъ; другіе идутъ далѣе, утверждая, что истинное христіанство *необходимо* приводитъ къ соціализму; третьи, наконецъ, позволяютъ себѣ кощунственно заявлять, что будто бы *самая сущность* христіанства, правильно понятаго, заключается не въ иномъ чемъ, какъ въ соціализмѣ, и что Самъ Божественный Основатель его былъ соціалистомъ и революціонеромъ. Первые, не касаясь, повидимому, самого христіанства, забываютъ, что современный соціализмъ не есть только экономическая теорія, но цѣлое міровоззрѣніе, по своимъ основнымъ началамъ совершенно противоположное христіанству. Вторые обнаруживаютъ недостаточное пониманіе сущности христіанства, когда ставятъ его *въ необходимую* связь съ одною опредѣленною формою соціально-экономической жизни и именно съ тою, которую стремится осуществить соціализмъ. Третьи, наконецъ, низводятъ само христіанство на степень простой соціально-экономической теоріи и тѣмъ совершенно извращаютъ его божественную сущность. Послѣдній взглядъ—самый враждебный христіанству, какъ міровоззрѣнію; первый—самый опасный для жизни христіанъ; второй и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи занимаетъ среднее положеніе между тѣмъ и другимъ.

Разборъ основаній, приводимыхъ въ пользу мнѣній о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ. Въ оправданіе изложенныхъ взглядовъ на отношеніе христіанства къ соціализму представители „христіанскаго соціализма“ ссылаются: а) на произвольно толкуемыя ими мѣста Евангелія, изъ которыхъ якобы усматривается, что Христосъ не признавалъ частной собственности, каковы напр.—Мѳ. VI, 19—21; XIX, 20—24; Лк. XII, 33; б) на тотъ фактъ, что первые послѣдователи Христа принадлежали будто бы исключительно къ сословію пролетаріевъ; в) особенно на строй жизни первыхъ христіанъ іерусалимской общины, какъ она изображается въ Дѣян. II, 32—35 и IV, 44—45; и, наконецъ, г) на мѣста

Евангелія, будто бы свидѣтельствующія о революціонномъ характерѣ дѣятельности І. Христа или, по крайней мѣрѣ, оправдывающія таковую дѣятельность, т. е. насиліе, совершаемое для торжества добра и справедливости,— напр. Лк. XII, 49—53; срв. Мѳ. X, 34—36 и 21.

Но всѣ указанныя мѣста новозавѣтныхъ писаній, будучи освобождены отъ предвзятыхъ толкованій, совсѣмъ не доказываютъ того, что ими хотятъ доказать представители „христіанскаго соціализма“. Такъ а) Мѳ. VI, 19—21 и XIX, 20—24 направлены лишь противъ излишней привязанности къ богатству, а не противъ частной собственности вообще, какъ таковой, что по отношенію ко второму изъ указанныхъ мѣстъ, помимо прямого смысла наставленія Спасителя богатому юношѣ (условная форма выраженія: „*если хочешь* быть совершеннымъ“ и слова „продай имущество *твое* и дай *нищимъ*“, внушающія мысль о личномъ распоряженіи собственностью, а не объ отказѣ отъ собственности и передачѣ ея въ распоряженіе другихъ, общества), со всею ясностью свидѣтельствуется сопоставленіемъ его (особенно 22 ст. и далѣе) съ параллельнымъ мѣстомъ изъ ев. Марка (X, 22—25, особ. ст. 24). Что же касается Лк. XII, 33, то, судя по контексту рѣчи (срв. ст. 32), наставленіе Спасителя обращено здѣсь собственно къ апостоламъ, для которыхъ обладаніе собственностью было дѣйствительно несовмѣстимо съ характеромъ предстоявшаго имъ служенія, а не ко всѣмъ вѣрующимъ вообще, при чемъ и здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, право личнаго распоряженія собственностью оставляется Спасителемъ во всей его неприкосновенности („продавайте имѣнія *ваши* и давайте *милостыню)*“. б) Утвержденіе, будто первые послѣдователи І. Христа всѣ безъ исключенія принадлежали къ сословію пролетаріевъ, ни на чемъ не основано и рѣшительно должно быть отвергнуто, какъ несогласное съ фактами евангельской и апостольской исторіи. Среди послѣдователей І. Христа, явныхъ и тайныхъ, были люди и знатные (Никодимъ) и богатые (Іосифъ Аримаѳейскій, Закхей, Лазарь съ сестрами), или просто зажиточные, собственники; въ числѣ послѣднихъ были даже нѣкоторые изъ апостоловъ до ихъ призванія къ новому служенію (сыновья Заведеевы, мытарь Левій). То же видимъ и во времена апостоловъ (самъ ап. Павелъ, проконсулъ Сергій Павелъ, Діонисій Ареопагитъ, евнухъ эѳіопской царицы и проч.) и мужей апостольскихъ, что подтверждается показаніями даже языческихъ писателей. Плиній Младшій, напр., въ извѣстномъ своемъ письмѣ къ имп. Траяну свидѣтельствуетъ, что въ его время христіанство исповѣдывали нѣкоторые cives Romani и люди omnis ordinis. Если же среди христіанъ первыхъ вѣковъ было больше бѣдныхъ и незнатныхъ, чѣмъ богатыхъ и знатныхъ, то это потому, что 1) первыхъ всегда и вездѣ бываетъ больше, чѣмъ вторыхъ, а 2) первые оказались болѣе воспріимчивыми къ евангельской проповѣди, чѣмъ вторые, будучи болѣе подготовлены къ ней самыми условіями и обстоятельствами своей жизни.

в) Ничего не говоритъ въ пользу христіанскаго соціализма и ссылка на общеніе имуществъ въ первой Іерусалимской общинѣ христіанъ. Это было явленіе исключительное въ апостольской церкви и кратковременное даже въ жизни самой Іерусалимской общины (одинъ изъ умѣренныхъ сторонниковъ

христіанскаго соціализма называетъ его исключительнымъ „праздникомъ христіанства“, впослѣдствіи не повторявшимся) и, что главнѣе всего,—явленіе, совершенно ничего общаго неимѣющее съ современнымъ соціализмомъ, какъ дѣло чисто добровольное, а не вынужденное, и притомъ простиравшееся только на потребленіе имуществъ, а не на производство ихъ. Будучи естественнымъ выраженіемъ исключительно высокихъ внутреннихъ переживаній первыхъ христіанъ, это общеніе скоро прекращается въ Іерусалимской церкви, по мѣрѣ ослабленія произведшей его причины, и остается совершенно неизвѣстнымъ другимъ апостольскимъ церквамъ (Дѣян. IV, 32; V, 3—4; VI, 1—6; XII, 12; XI, 29 и др.; 1 Кор. XVI, 1—3; 2 Кор. IX, 2 и др.). Ап. Павелъ также ничего не знаетъ о коммунизмѣ (Ефес. IV, 28; 2 Сол. III, 10—12 и др.).

г) Нельзя, наконецъ, согласиться и съ предвзятымъ толкованіемъ представителями христіанскаго соціализма евангельскихъ мѣстъ, представляющихъ собою якобы типичный образецъ рѣчей современныхъ агитаторовъ революціи, каковы: Мѳ. X, 34—36 и 21 и Лк. XII, 49—53, гдѣ подъ „огнемъ“, принесеннымъ Христомъ на землю, слѣдуетъ разумѣть огонь Божественной любви, долженствующій зажечь сердца человѣческія, а подъ мечомъ хотя и дѣйствительно имѣющее произойти раздѣленіе между людьми со времени Его пришествія, но раздѣленіе не внѣшнее, классовое, политическое, а внутреннее, религіозно-нравственное, раздѣленіе между вѣрующими и невѣрующими, при чемъ Спаситель смотритъ на него не какъ на цѣль Своего пришествія въ міръ, а какъ на одно изъ неизбѣжныхъ послѣдствій его.

Несостоятельность самыхъ мнѣній о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ, вытекающая а) изъ понятія о сущности того и другого и б) изъ неудачи бывшихъ доселѣ опытовъ такого совмѣщенія. Причины живучести этихъ мнѣній въ наше время. Вопреки указаннымъ выше мнѣніямъ христіанскихъ соціалистовъ, мысль о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ должна быть отвергнута, какъ несостоятельная, и прежде всего по слѣдующимъ принципіальнымъ соображеніямъ.

1. Христосъ не былъ соціальнымъ или политическимъ реформаторомъ, а тѣмъ болѣе соціалистомъ и, слѣдовательно, христіанство не есть какая-либо политическая или соціально-экономическая теорія. Истина эта раскрывается какъ изъ всего содержанія Евангелія, взятаго въ его цѣломъ, какъ благовѣстія о Царствѣ Божіемъ, Царствѣ не отъ міра сего (Іоан. XVIII, 36), такъ и изъ отдѣльныхъ мѣстъ его, ясно показывающихъ, что въ намѣренія нашего Спасителя не входило разрѣшеніе какихъ-либо земныхъ, соціальныхъ или политическихъ. вопросовъ, и что, наоборотъ, всякій разъ, когда Ему приходилось сталкиваться съ подобными вопросами, Онъ неизмѣнно отстранялъ ихъ отъ Себя, какъ не имѣющіе прямого отношенія къ Его миссіи, и пользовался ими главнымъ образомъ, какъ только внѣшнимъ, случайнымъ поводомъ для обращенія вниманія слушателей на лежащіе въ глубинѣ ихъ вопросы религіозно-нравственные (Лк. XII, 14— 15; XIII, 1—6; Мѳ. XXII, 21 и др.). Мало того, это сознательное невниманіе къ полити-

ческимъ вопросамъ времени было главнѣйшею причиною вражды къ Нему представителей іудейскаго народа, зараженныхъ земными чаяніями Мессіи, по существу своему и по условіямъ времени чисто революціонными (см. объ этомъ въ брошюрѣ Высокопр. Антонія, Архіепископа Волынскаго: „Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто І. Христосъ былъ революціонеромъ). Въ частности, что Христосъ не былъ соціалистомъ и революціонеромъ, это яснѣе всего усматривается изъ отношенія Его къ двумъ устоямъ соціальной жизни человѣчества, противъ которыхъ особенно враждуютъ современные соціалисты и революціонеры, не останавливаясь даже предъ насиліемъ, именно къ институту частной собственности и къ гражданской власти. Осуждая чрезмѣрное пристрастіе къ богатству, Христосъ въ то же время не отрицалъ частной собственности, что усматривается изъ отношенія его къ закону Моисееву и въ частности къ десятословію (Мѳ. V, 17; XIX, 18), изъ отношенія Его къ Закхею (Лк. XIX, 8—9) и другимъ собственникамъ (напр. къ Лазарю съ сестрами), изъ многочисленныхъ наставленій о милостынѣ, благотворительности къ неимущимъ, которые, по Его слову, всегда будутъ въ мірѣ (Мѳ. XXVI, 11), изъ признанія законности податей церковныхъ и гражданскихъ (Мѳ. XVII, 24—27; XXII, 17—21) и пр. Не отрицалъ Онъ и личнаго употребленія собственности не только для поддержанія жизни, но даже и для украшенія ея (Мѳ. IX, 10 и сл.; XXVI, 6—16, особ. 7). Наконецъ, Христосъ признавалъ законность власти и необходимость подчиненія ей (Мѳ. XXII, 21; Іоан. XIX, 11) и отрицалъ всякаго рода насиліе (Мѳ. V, 39; XXVI, 52—53; Лк. IX, 51—56 и др.).

2) Будучи неземного происхожденія и оставаясь неизмѣнно таковымъ же по своему существу и назначенію, христіанство не можетъ быть связано съ какою-либо опредѣленною политическою или соціально-экономическою системою: оно внѣ и выше всякой подобной системы. Оно есть религія духа и жизни (Іоан. VI, 63), а не внѣшней формы, чѣмъ и объясняется его необычайная всеобъемлемость и приложимость ко всѣмъ временамъ и условіямъ земного существованія людей, совмѣстимость его со всѣми формами политической и соціальной жизни ихъ, какъ бы онѣ ни были разнообразны, и въ томъ числѣ съ коммунистической. Оно явилось въ міръ не для того, чтобы продиктовать людямъ болѣе удобныя формы земного существованія (созданіе такихъ формъ есть дѣло свободнаго развитія людей и ихъ самодѣятельности), но чтобы произвести измѣненіе во внутреннемъ существѣ человѣка, безъ котораго всякія внѣшнія формы, какъ бы онѣ ни казались совершенными, остаются мертворожденнымъ трупомъ. Оно не считаетъ этихъ формъ безразличными для земной жизни своихъ послѣдователей, но признаетъ ихъ несущественными для той высокой цѣли, къ которой оно ведетъ человѣчество. Оно учитъ, что можно спасаться и въ бѣдности, и въ рабствѣ, и на одрѣ болѣзни, и въ тюрьмахъ, и въ изгнаніи, и даже на крестѣ.

3) Но не имѣя ничего противъ коммунизма, какъ извѣстной формы экономической жизни, даже одобряя и поощряя осуществленіе этой формы въ жизни своихъ послѣдователей тамъ, гдѣ это возможно по условіямъ чисто

нравственнымъ (общежительные монастыри); не осуждая, далѣе, коммунизма и какъ чисто научной, политико-экономической теоріи,—истинное христіанство, какъ религія духа и вѣчности, всѣмъ существомъ своимъ протестуетъ и не можетъ не протестовать противъ современнаго соціализма, который не хочетъ быть только теоріею, а объявляетъ себя *новою вѣрою* человѣчества, обѣщающею вытѣснить и замѣнить собою христіанство,—новымъ міровоззрѣніемъ, проповѣдующимъ культъ плоти, сосредоточивающимъ всѣ помыслы человѣка исключительно на интересахъ его земного, матеріальнаго благополучія и предлагающимъ ему забыть о Богѣ, о вѣчности, о благахъ духовнаго порядка—о томъ, что есть „едино на потребу".

Несовмѣстимость христіанства съ соціализмомъ ясно свидѣтельствуется и исторіею предпринимавшихся въ разныхъ странахъ попытокъ къ созданію системы христіанскаго соціализма. Таковы были попытки: во Франціи—свящ. Клода Фоше въ эпоху французской революціи 1789 г., Бюше и Ламенне въ 30 г.г. XIX ст., Ле-Пле и графа де-Мена около половины того же столѣтія; въ Германіи—еп. Кеттлера и сотрудника его, свящ. Муфанга, а изъ протестантовъ—придворнаго проповѣдника пастора Штеккера, во второй половинѣ прошлаго столѣтія; въ Англіи—адвоката Людлоу и сотрудниковъ его—священниковъ Мориса и Кингслея, бывшаго воспитателя Эдуарда VII, и др. Всѣ эти люди, называвшіе себя однимъ именемъ „христіанскихъ соціалистовъ", до крайности различались между собою и въ ученіи и въ жизни. Одни изъ нихъ съ самаго начала заявили себя ярыми революціонерами (Клодъ Фоше), а на соціализмъ смотрѣли, какъ на высшую, усовершенствованную форму христіанства (Бюше, Ламенне). Другіе (Ле-Пле, де-Менъ, Кеттлеръ, Штеккеръ, Кингслей), наоборотъ, не имѣя ничего общаго съ соціализмомъ, стремились только къ наилучшему, возможно полному осуществленію христіанскихъ началъ въ современной общественной жизни, не касаясь ея существующаго строя, и въ частности къ улучшенію положенія рабочихъ массъ частію средствами церкви (заботы о просвѣщеніи и благотворительность разныхъ видовъ) и государства (законодательство, направленное къ огражденію интересовъ трудящейся бѣдноты), а главнымъ образомъ—путемъ организованной самодѣятельности рабочихъ (кооперація и взаимопомощь разныхъ видовъ). Первые не имѣли ничего общаго съ христіанствомъ, хотя и прикрывались его именемъ; вторые лишь по недоразумѣнію называли себя соціалистами. Различна была и судьба движеній, произведенныхъ ихъ дѣятельностію въ средѣ рабочихъ массъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти движенія оставались на почвѣ христіанскихъ началъ, они оказывались стоящими въ непримиримой враждѣ съ чистымъ соціализмомъ (таковы, напр., Католическая ассоціація рабочихъ во Франціи и Общій евангелическій союзъ рабочихъ ферейновъ въ Германіи); наоборотъ, по мѣрѣ усвоенія началъ соціалистическихъ они неизбѣжно утрачивали связь съ христіанствомъ (таково, напр., современное соціалистическое движеніе среди духовенства въ Англіи, особенно такъ называемое его „лѣвое крыло", въ которомъ насчитывается до 300 священниковъ).

Сознаніе несовмѣстимости христіанства съ соціализмомъ присуще и многимъ изъ представителей послѣдняго. Въ эпоху такъ называемаго „утопическаго“ соціализма (въ первой половинѣ XIX столѣтія) нѣкоторые изъ послѣдователей его считали себя продолжателями евангельскаго ученія (Фурье, Сенъ-Симонъ, Пьеръ-Леру). Съ тѣхъ поръ направленіе рѣзко измѣнилось: въ литературѣ современнаго соціализма всюду сквозитъ желаніе развѣнчать авторитетъ христіанства, подорвать достовѣрность его историческихъ основъ, осмѣять его идейное содержаніе и даже втоптать въ грязь его возвышенное нравственное ученіе. „Христіанство и соціализмъ,—говорятъ напр. Бебель и Вандервельде,—относятся другъ къ другу, какъ огонь и вода“.

Если же, не смотря на все сказанное, нѣкоторые и нынѣ твердятъ о возможности христіанскаго соціализма, то дѣлаютъ это большею частію по недомыслію. Одни, не представляя себѣ истинной сущности христіанства, смѣшиваютъ съ соціализмомъ христіанскую политику и необходимость проведенія христіанскихъ началъ въ общественную жизнь (представители свѣтской интеллигенціи). Другіе, наоборотъ, не давая себѣ труда вникнуть въ сущность соціализма и оцѣнить его въ его цѣломъ, останавливаютъ свое вниманіе исключительно на томъ, что есть истиннаго въ немъ, именно на его отрицательной сторонѣ,—на тѣхъ требованіяхъ, которыя онъ предъявляетъ къ современной жизни во имя высокихъ нравственныхъ началъ, взятыхъ напрокатъ изъ христіанства,—на той безпощадной критикѣ, съ которою онъ, исходя изъ этихъ началъ, раскрываетъ язвы современнаго общества, громитъ его недостатки и такимъ образомъ вотъ уже цѣлое столѣтіе неустанно будитъ общественную совѣсть, и съ справедливостью которой не можетъ не согласиться всякій, въ комъ еще не заглохло нравственное чувство (представители духовнаго просвѣщенія). Третьи, наконецъ, объединяютъ въ своихъ воззрѣніяхъ недостатки первыхъ двухъ взглядовъ на христіанскій соціализмъ (учащаяся молодежь и простой народъ). Есть, впрочемъ, и такіе, которые отлично сознаютъ всю глубину пропасти, отдѣляющей христіанство отъ соціализма, но въ то же время стараются всячески сгладить это различіе изъ чисто лицемѣрныхъ, тактическихъ соображеній—чтобы, по слову Спасителя, прельстить, если возможно, и избранныхъ, т. е. истинно вѣрующихъ христіанъ, а не именующихъ только себя таковыми (сознательные приверженцы соціализма и его агитаторы).

Научный соціализмъ (марксизмъ).

Происхожденіе его. Своимъ научнымъ обоснованіемъ современный соціализмъ обязанъ Карлу Марксу, родомъ еврею изъ г. Трира (1818—1883), и отчасти другу и сотруднику его, Энгельсу, также еврею. Первоначально воззрѣнія ихъ были въ сжатомъ видѣ изложены въ „Манифестѣ коммунистической партіи“, составленномъ ими въ 1847 году по порученію союза коммунистовъ. Тогда уже ясно опредѣлилась и основная тенденція этихъ воззрѣній—интернаціоналистическая, выраженіемъ которой служатъ заключительныя слова „манифеста“, сдѣлавшіяся боевымъ кличемъ современ-

наго соціализма („пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“). Дальнѣйшую же обработку эти воззрѣнія получили въ ихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, изъ коихъ главнымъ считается „Капиталъ“ Маркса (въ трехъ томахъ,—первый вышелъ въ 1867 году). Здѣсь они выступаютъ уже въ видѣ стройной, законченной и научно обоснованной теоріи.

Историческія основы марксизма. Связь съ предшествовавшими теченіями западно-европейской общественной мысли. Теорія Маркса представляетъ собою не просто выдумку злонамѣренныхъ людей, поставившихъ своею задачею произвести во что бы то ни стало смуту въ обществѣ, а попытку осмыслить и оправдать на началахъ современной науки одно изъ выдающихся общественныхъ движеній нашего времени, называемое соціалистическимъ. Движеніе это, весьма обширное по своимъ размѣрамъ и глубокое по своему вліянію на общественную жизнь, охватившее собою все культурное человѣчество и такъ или иначе затронувшее всѣ основы и устои его жизни, въ то же время является весьма длительнымъ: оно началось съ конца XVIII в во Франціи и съ того времени, распространяясь постепенно по всѣмъ странамъ стараго и новаго свѣта, непрерывно возмущало и донынѣ продолжаетъ возмущать нормальное теченіе общественной жизни культурныхъ народовъ, по временамъ то усиливаясь, то ослабѣвая, а иногда принимая столь бурный характеръ, что отъ ударовъ его сотрясается все зданіе современнаго общества. Ясно, что ученіе, поставившее себѣ задачею научно оправдать указанное историческое явленіе, должно, помимо теоретическихъ началъ, изъ которыхъ оно выводитъ свое содержаніе, имѣть и основы историческія, которыя сообщаютъ отвлеченнымъ идеямъ жизненный и практическій характеръ, придаютъ имъ въ сознаніи человѣка то свойство принудительности, въ силу котораго онѣ, переходя въ убѣжденія человѣка, начинаютъ уже искать своего воплощенія въ жизни. Таковыми основами и служатъ для марксизма тѣ историческія причины, которыми вызвано и поддерживается соціалистическое движеніе. Причины эти двоякаго рода—отрицательныя и положительныя; первыя—болѣе фактическаго, матеріальнаго, вторыя—идейнаго характера. Къ первымъ относятся всѣ тѣ соціальныя нестроенія, которыя возникли и развились на почвѣ чрезвычайнаго подъема экономической жизни западно-европейскихъ народовъ, начиная со второй половины XVIII в.,—подъема, вызваннаго съ одной стороны примѣненіемъ новыхъ техническихъ изобрѣтеній въ производствѣ и открытіемъ новыхъ рынковъ для сбыта продуктовъ, а съ другой—раскрѣпощеніемъ промышленныхъ силъ и крайнею индивидуализаціею ихъ (со времени французской революціи 1789 г.). Ничѣмъ не сдерживаемая конкуренція въ производствѣ и, какъ плодъ ея, концентрація послѣдняго въ рукахъ сравнительно небольшого числа капиталистовъ, упадокъ и исчезновеніе среднихъ и малыхъ производствъ, экономическое рабство народа со всѣми тяжелыми матеріальными и моральными послѣдствіями его (обнищаніе народныхъ массъ, безсовѣстная эксплоатація рабочихъ силъ, непосильный и деморализующій фабрично-заводскій трудъ, разложеніе семьи, пьянство, грубый матеріализмъ и страстная жажда наслажденій, глухое недовольство и озлобленіе противъ состоятель-

ныхъ классовъ общества, обостряемое нерѣдко безумною роскошью послѣднихъ, и т. п.)—таковы общественныя язвы и недостатки, вызвавшіе и доселѣ питающіе соціализмъ. Къ положительнымъ причинамъ, обусловливавшимъ разсматриваемое явленіе, относится широкое распространеніе въ народныхъ массахъ съ начала XIX в. такъ называемыхъ „просвѣтительныхъ идей", вызвавшихъ французскую революцію. Послѣдняя, хотя и написала ихъ на своемъ знамени, но, какъ извѣстно, оказалась безсильною воплотить ихъ въ жизни современнаго общества. Одна изъ этихъ идей—идея братства съ самаго начала оказалась лишь декоративнымъ украшеніемъ, такъ какъ осуществленіе ея путемъ насилія (революціи) равносильно было ея самоотрицанію; двѣ же другія—идеи свободы и равенства—получили лишь частичное осуществленіе, именно—въ приложеніи къ такъ назыв. „третьему" сословію (буржуазіи или, нѣсколько общѣе, къ аристократіи ума и капитала); для остальной же массы народа онѣ были лишь свободою и равенствомъ нищеты. Задачу полнаго осуществленія этихъ идей въ жизни современнаго общества и взялъ на себя соціализмъ. Такимъ образомъ онъ является непосредственнымъ преемникомъ и продолжателемъ дѣла, начатаго революціею 1789 г., и вмѣстѣ съ нею законнымъ дѣтищемъ либерализма XVIII в. На эту историческую связь между ними указываетъ уже одно то обстоятельство, что нѣкоторые изъ дѣятелей революціи 1789 г. были въ то же время первыми вѣстниками соціалистическаго движенія XIX в. (Клодъ-Фоше, Бабефъ, монтаньяры). Но либерализмъ (XVIII в.) не былъ только исходною точкою, отправнымъ пунктомъ для того обширнаго движенія западно-европейской мысли, послѣднимъ этапомъ котораго является современный соціализмъ,—онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннею движущею причиною, одушевляющимъ началомъ, заключавшимъ въ себѣ зародыши всѣхъ тѣхъ идей, которыя на все послѣдующее время оплодотворяли это движеніе и сообщали ему жизненность и интенсивность. Помимо указанныхъ выше идей, сдѣлавшихся съ самаго начала лозунгомъ революціонно-соціалистическаго движенія (свобода, равенство, братство), современный соціализмъ обязанъ ему и своими главными теоретическими устоями, каковы: а) атеистическо-матеріалистическое міросозерцаніе, порожденное раціонализмомъ XVIII в. и съ того времени сдѣлавшееся неизмѣнною принадлежностью всякаго послѣдовательнаго либерализма, б) отрицательный взглядъ на частную собственность, какъ на источникъ всякаго неравенства между людьми и проистекающихъ отсюда нестроеній и бѣдствій человѣческой жизни (Руссо), и в) преувеличенная оцѣнка значенія труда, какъ источника матеріальныхъ цѣнностей (либеральные экономисты XVIII и начала XIX в.—Ад. Смитъ, Рикардо и др.). Наконецъ и своимъ практическимъ успѣхомъ, своимъ широкимъ распространеніемъ во всѣхъ слояхъ общества современный соціализмъ въ значительной мѣрѣ обязанъ тому же либерализму, несомнѣнно подготовившему ему почву своею открытою проповѣдью невѣрія и въ наукѣ и въ жизни, своимъ стремленіемъ совершенно разнуздать личность человѣка, освободить крайне эгоистическія проявленія ея отъ сдерживающихъ началъ религіи, нравственности, права, политики, государства, семьи и воспитанія, что сказалось между прочимъ и въ тѣхъ не-

строеніяхъ экономической жизни современнаго общества, которымъ соціализмъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ.

Краткое изложеніе ученія марксизма.

Теоретическими основами марксизма, по признанію Энгельса, послужили два „великія открытія“ Маркса: а) матеріалистическое пониманіе исторіи, или такъ называемая „теорія историческаго матеріализма“, и б) законъ такъ называемой „прибавочной цѣнности“. Первая (теорія) устанавливаетъ общій взглядъ на исторію человѣчества, а второй (законъ) даетъ основаніе для приложенія этой общей теоріи исторіи къ обоснованію соціализма.

Сущность теоріи историческаго матеріализма. Теорія историческаго матеріализма есть не что иное, какъ перенесеніе Гегелевской исторической теоріи съ ея діалектическимъ процессомъ *становленія* на почву матеріализма. Согласно этой теоріи, исторія человѣчества есть непрерывный процессъ *становленія,* въ которомъ нѣтъ ничего неизмѣннаго, а есть только вѣчное (постоянное) возникновеніе и исчезновеніе. Движущею и управляющею силою въ этомъ процессѣ, по Марксу, являются не какія-либо идеи (по Гегелю, абсолютная идея), а чисто матеріальныя и именно производственныя (экономическія) отношенія. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ отношеній и въ зависимости отъ нихъ измѣняются также и служащія простымъ отраженіемъ ихъ въ сознаніи человѣчества идеи—правовыя, нравственныя, религіозныя, философскія, политическія и всякія другія, которыя поэтому и называются въ теоріи Маркса „идеологическою *надстройкою*“ по отношенію къ экономикѣ, служащей для нихъ какъ бы основаніемъ, фундаментомъ. Поступательное движеніе (прогрессъ) исторіи совершается путемъ діалектическимъ, т. е. чрезъ образованіе противорѣчій и служащую выраженіемъ ихъ классовую борьбу. Смѣна основныхъ моментовъ въ этомъ процессѣ происходитъ по слѣдующей формулѣ: возникновеніе (т. е выступленіе на сцену исторіи) новыхъ производственныхъ силъ; измѣненіе экономическихъ отношеній (т. е. способовъ производства и обмѣна продуктовъ); становленіе ихъ въ противорѣчіе съ существующими (т е. сложившимися на почвѣ прежнихъ экономическихъ отношеній) правовыми отношеніями и вообще съ „надстройкою“; классовая рознь и борьба; соціальная революція и, какъ результатъ ея, преобразованіе „надстройки“ соотвѣтственно новымъ экономическимъ отношеніямъ. (Примѣры: 1) изъ жизни древняго Рима конца республики и начала имперіи—выступленіе даровой рабочей силы въ лицѣ обширнаго класса рабовъ, образовавшагося въ эпоху побѣдоносныхъ войнъ съ сосѣдними народами, и вліяніе этой новой производственной силы прежде всего на экономическую, а въ зависимости отъ нея и на всѣ другія стороны жизни Рима; 2) изъ жизни народовъ западной Европы второй половины XVIII и первой XIX в.—изобрѣтеніе пара и примѣненіе его къ техникѣ индустріальнаго производства, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ преобразованіе всего уклада жизни западно-европейскихъ народовъ).

Примѣненіе теоріи историческаго матеріализма къ оправданію соціализма. Признавъ за догматъ положеніе, что все безъ исключенія въ человѣческой жизни обусловливается состояніемъ экономики, т. е. способовъ производства и обмѣна продуктовъ, марксизмъ ищетъ и средствъ къ устраненію изъ жизни соціальнаго зла не въ мірѣ идей и ихъ реализаціи, какъ не имѣющихъ самостоятельнаго значенія въ жизни (всякая „идеологія“ есть только „надстройка“ надъ экономикою, служащая ея простымъ отраженіемъ въ головахъ людей), а въ экономикѣ данной эпохи.

Современный экономическій строй есть такъ называемый капиталистическій строй. Отличительная его черта и въ то же время коренное зло современной жизни—крайне неравномѣрное распредѣленіе матеріальныхъ благъ между людьми и, какъ слѣдствіе его, раздѣленіе людей на два враждебныхъ класса: собственниковъ, предпринимателей, капиталистовъ (буржуазія) и свободныхъ, но нищихъ тружениковъ (пролетаріатъ). На почвѣ борьбы между капиталомъ и трудомъ возникъ и держится весь современный общественный строй и вообще вся культурная жизнь современнаго человѣчества. Все въ ней, какъ отраженіе сложившихся экономическихъ отношеній,—право, политика, нравственность и даже религія—приспособлено къ поддержкѣ капитала и угнетенію трудящихся. Уничтоженіе народной нищеты возможно лишь чрезъ упраздненіе капитала, какъ чуждой и враждебной народу, хотя и созданной исключительно его трудомъ, силы, и именно путемъ отмѣны права частной собственности на орудія производства, т. е. чрезъ замѣну капиталистическаго строя экономической жизни соціалистическимъ. Согласно теоріи историческаго матеріализма, эта замѣна со временемъ и совершится *неизбѣжно*, сама собою, въ силу того же закона діалектическаго процесса, по которому все въ мірѣ развивается чрезъ обращеніе или переходъ въ свою противоположность. Но какъ это произойдетъ? На этотъ вопросъ Марксъ отвѣчаетъ теоріею „прибавочной цѣнности“, выведенною имъ изъ положенія экономистовъ XVIII и начала XIX в. (Адама Смита, Рикардо и др.), что „трудъ есть единственный источникъ и основа матеріальныхъ цѣнностей“. При нынѣшнемъ экономическомъ строѣ рабочій не пользуется всецѣло продуктомъ своего труда, ~~но~~ часть его идетъ въ пользу капиталиста. Эта часть, представляющая собою разницу между рыночною стоимостью вырабатываемыхъ продуктовъ и наемною платою рабочаго (т. е. собственно оплатою его труда, потребнаго для производства этихъ продуктовъ), и есть такъ называемая прибавочная цѣнность. Присоединяясь къ капиталу, она увеличиваетъ его и тѣмъ способствуетъ расширенію производства, а послѣднее, въ свою очередь,—дальнѣйшему накопленію прибавочной цѣнности и т. д. Не довольствуясь этимъ, такъ сказать, *естественнымъ* ростомъ капитала, алчные представители его стараются увеличить прибавочную цѣнность искусственными пріемами: а) чрезъ пониженіе наемной платы и увеличеніе рабочаго дня и б) чрезъ повышеніе продуктивности труда путемъ техническихъ усовершенствованій. Параллельно указанному росту капитала идетъ и обобществленіе труда, т. е. объединеніе все большаго и большаго количества рабочихъ въ одномъ общемъ, планомѣрно организованномъ производствѣ. Слѣдствіемъ этого двой-

ственнаго процесса (роста капитала и обобществленія труда) является постепенное исчезновеніе малыхъ и среднихъ производствъ и переходъ ихъ собственниковъ въ ряды пролетаріата. А неизбѣжная при нынѣшней анархической системѣ производства конкуренція между самими капиталистами, сопровождаясь частыми экономическими кризисами и, какъ слѣдствіемъ ихъ, сокращеніемъ большихъ производствъ и образованіемъ массы безработныхъ (т. наз. резервная индустріальная армія), способствуетъ дальнѣйшей концентраціи капитала въ рукахъ немногихъ капиталистовъ съ одной стороны и росту и обнищанію пролетаріата съ другой. Это обособленіе (дифференціація) труда и капитала будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока антагонизмъ между ними не сдѣлается совершенно невыносимымъ. Послѣднею каплею, имѣющею переполнить чашу терпѣнія пролетаріата,—тою искрою, которая должна произвести взрывъ долго сдерживаемаго и вслѣдствіе того все болѣе и болѣе накопляющагося озлобленія его противъ немногихъ остающихся капиталистовъ, будетъ возможный синдикатъ между послѣдними, цѣль котораго – устранить взаимно ослабляющую ихъ анархію въ производствѣ, чтобы держать народъ въ полномъ экономическомъ рабствѣ. Всеобщее возстаніе пролетаріата, дисциплинированнаго продолжительнымъ участіемъ въ обширныхъ, планомѣрно организованныхъ производствахъ, и ближайшая цѣль этого возстанія—„экспропріація экспропріирующихъ“ и будетъ естественнымъ концомъ капиталистическаго строя. На развалинахъ его создастся новый строй экономической жизни, соціалистическій, въ основѣ котораго будутъ лежать совершенно противоположные опредѣляющимъ нынѣшній ея строй принципы, а именно:

1) право общественной собственности на всѣ безъ исключенія орудія производства;

2) организація общественнаго труда на чисто демократическихъ началахъ, и

3) постепенное обобществленіе продуктовъ потребленія (распредѣленіе ихъ сначала пропорціонально количеству индивидуальнаго труда, а затѣмъ, по мѣрѣ того какъ послѣдній, вмѣсто бремени, самъ постепенно сдѣлается потребностью человѣка,—сообразно потребностямъ каждаго. И тогда соціалистическое требованіе: „каждый по своимъ способностямъ, каждому по его потребностямъ“ получитъ полное осуществленіе).

Соотвѣтственно измѣненію экономическихъ отношеній и въ зависимости отъ него измѣнятся и всѣ другія стороны соціальной жизни человѣчества. Въ какомъ направленіи произойдетъ это измѣненіе, т. е. какъ сложится жизнь будущаго общества на новой экономической основѣ,—ни Марксъ, ни его послѣдователи не даютъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, ссылаясь на то, что въ настоящее время нельзя предусмотрѣть будущихъ успѣховъ техники и другихъ матеріальныхъ факторовъ жизни. Несомнѣнно только одно, что въ грядущемъ соціалистическомъ строѣ общества не будетъ мѣста ни религіи, ни государству съ его политическими и правовыми учрежденіями, ни частной собственности, ни семьѣ въ ихъ теперешнемъ значеніи, такъ какъ вся эта „надстройка“ надъ современнымъ строемъ экономической жизни, служащая къ поддержкѣ интересовъ господствующаго класса, должна исчезнуть вмѣстѣ съ паденіемъ самого строя.

Библиотека Российской Академии

Критика марксизма.

Общій взглядъ на теорію Маркса. Марксизмъ не есть только экономическая или даже вмѣстѣ и политическая теорія, имѣющая своею задачею лишь расширеніе народныхъ правъ и улучшеніе матеріальнаго положенія рабочаго класса, но представляетъ собою цѣлое міровоззрѣніе, обнимающее всѣ стороны человѣческой жизни. Это усматривается и изъ самаго содержанія теоріи, какъ она изложена у Маркса и Энгельса, и изъ оффиціальныхъ программъ соціалъ-демократической партіи (напр. Эрфуртской 1891 г., въ которой наряду съ чисто экономическими и политическими требованіями содержатся и требованія, касающіяся воспитанія, семьи, религіи и пр.), и, наконецъ, изъ взглядовъ, высказываемыхъ отдѣльными представителями ея на партійныхъ съѣздахъ и въ публицистическихъ брошюрахъ. По Дицгену, напр., ученіе Маркса есть „Евангеліе новаго времени, имѣющее произвести переворотъ во всемъ нашемъ мышленіи". „Соціализмъ, говоритъ Вандервельде, не есть и не можетъ быть только экономической наукой, только желудочнымъ вопросомъ.... соціалисты стремятся произвести революцію во всей юридической, моральной, философской и религіозной надстройкѣ". Въ томъ же духѣ высказываются Баксъ, Каутскій и другіе правовѣрные представители марксизма.—Каково же это міровоззрѣніе?.

Сами соціалисты считаютъ его не только единственно яснымъ, послѣдовательнымъ и научно-обоснованнымъ, но и самымъ совершеннымъ въ практическомъ отношеніи, единственно способнымъ удовлетворить всѣ потребности и нужды человѣчества и привести его къ полному, возможному для него, счастью. Дѣйствительно, нельзя отказать въ нѣкоторой логической стройности соціалистическому ученію, какъ оно представлено въ теоріи Маркса; нельзя не признать также справедливости многихъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ современному обществу; нельзя не отдать дани уваженія той настойчивости, съ которою оно раскрываетъ язвы и нестроенія соціальной жизни и требуетъ ихъ устраненія; нельзя, наконецъ, не сочувствовать его мужественнымъ призывамъ къ общественному долгу и совѣсти въ защиту обездоленныхъ и угнетенныхъ классовъ. Но всего этого еще далеко недостаточно для совершенства теоріи, претендующей на міровое, универсальное значеніе, ставящей себѣ задачею коренное и притомъ всестороннее преобразованіе жизни человѣчества на новыхъ началахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому неизвѣстно, что логически-стройное развитіе можетъ исходить изъ завѣдомо ложныхъ основаній и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи не совпадать съ фактами дѣйствительности,—что высокія и благородныя требованія могутъ не соразмѣряться съ наличностью средствъ къ ихъ осуществленію,—что идеальные призывы къ чужой совѣсти могутъ вытекать изъ самыхъ низменныхъ побужденій,—что, наконецъ, самыя широкія обѣщанія могутъ оказаться совершенно несбыточными и потому не имѣть никакой практической цѣнности?. Отсюда для правильной оцѣнки ученія Маркса необходимо обратить вниманіе на его положительную сторону и, въ частности, разсмотрѣть а) тѣ теоретическія начала, изъ которыхъ оно исходитъ въ своемъ развитіи, б) тѣ основныя идеи, которыми

опредѣляется его сущность, какъ міровоззрѣнія, и, наконецъ, в) тѣ конечные выводы, которыми оно соприкасается съ дѣйствительностью и стремится усвоить себѣ жизненно-практическое значеніе.

Критика теоретическихъ основъ марксизма: а) несостоятельность теоріи историческаго матеріализма. Изложенный выше взглядъ Маркса на исторію человѣчества не можетъ быть признанъ состоятельнымъ, такъ какъ онъ всецѣло проникнутъ духомъ матеріализма. Это явствуетъ уже изъ самаго названія его „историческимъ *матеріализмомъ*“ или „*матеріалистическимъ* пониманіемъ исторіи“ и еще болѣе изъ его содержанія. По этому взгляду, сущность историческаго процесса заключается въ непрерывномъ измѣненіи матеріальныхъ производственныхъ отношеній, конечную цѣль котораго составляетъ матеріальное благо человѣчества, какъ основа всего его благосостоянія. Все, что лежитъ внѣ и выше этихъ отношеній,—политика, право, мораль, философія, религія,—словомъ, все, изъ чего слагается духовная жизнь человѣчества, вся, по терминологіи Маркса, „идеологія“ не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а есть только продуктъ экономики, „надстройка“ надъ ней, своеобразная переработка ея въ головахъ людей и потому измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ экономическихъ условій жизни и въ зависимости отъ нихъ. Такая точка зрѣнія на жизнь человѣчества и его исторію возможна только на почвѣ чистаго матеріализма, т.-е. міровоззрѣнія, по которому все существующее, не исключая и явленій духовнаго характера, есть лишь видоизмѣненіе, т.-е. такая или иная форма движенія, матеріи. И сами представители марксизма не скрываютъ своихъ матеріалистическихъ воззрѣній. По собственному признанію Энгельса, онъ и Марксъ сначала были гегельянцами, но затѣмъ, подъ вліяніемъ Фейербаха (особенно по выходѣ въ свѣтъ его „Сущности христіанства“), отъ чистаго идеализма Гегеля они перешли къ противоположному ему міровоззрѣнію—матеріалистическому монизму. Но они не удовлетворились понятіемъ механическаго матеріализма, который господствовалъ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX в. и на которомъ остановился и Фейербахъ (по этому міровоззрѣнію, въ основѣ всего лежитъ матерія съ вѣчно присущимъ ей движеніемъ, совершающимся всегда по одному и тому же кругу и производящимъ одни и тѣ же явленія), а усвоили себѣ эволюціонную точку зрѣнія на міровой процессъ. И въ этомъ они обязаны были прежде всего Гегелю: отъ него они заимствовали формальную идею діалектическаго развитія, хотя и наполнили ее совершенно инымъ содержаніемъ, замѣнивъ идеальную субстанцію Гегеля, какъ міровой субстратъ (то, что развивается), матеріальнымъ началомъ. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ правильности усвоенной ими точки зрѣнія на исторію человѣчества послужили для нихъ слѣдующія данныя изъ области современнаго естествознанія: 1) открытіе закона превращенія энергіи, по которому всѣ силы, дѣйствующія въ мірѣ, суть только различныя формы проявленія всемірнаго движенія (*а слѣдовательно и духовныя*), 2) открытіе органической клѣточки, какъ основной біологической единицы, изъ которой путемъ развитія и дифференціаціи происходятъ всѣ растительные и животные организмы (*не исключая человѣческаго*), и 3) установленіе

Дарвиномъ процесса этого развитія въ полной зависимости отъ условій окружающей среды (по отношенію къ человѣку, какъ условій, опредѣляющихъ *экономическую сторону* его жизни, короче—какъ *матеріальныхъ производственныхъ отношеній*). Такъ на почвѣ матеріалистическаго монизма, въ его новой, эволюціонной формѣ, по признанію Энгельса, сложилась пресловутая теорія историческаго матеріализма. Объ этой органической связи ея съ quasi—научнымъ матеріализмомъ свидѣтельствуетъ и вся позднѣйшая марксистская литература, въ которой эволюціонно-матеріалистическіе тезисы, служащіе къ обоснованію соціализма, приводятся, какъ всѣми признанныя аксіомы, не нуждающіяся въ доказательствахъ. Само собою понятно, что для цѣлей обличенія соціализма достаточно лишь обнажить его матеріалистическую основу, не касаясь ея оцѣнки по существу, такъ какъ послѣдняя составляетъ уже предметъ спеціально философскаго изслѣдованія. Слѣдуетъ указать лишь на одно отличительное свойство этого ученія, представляющее собою неизбѣжный логическій выводъ изъ указанной основы, именно—на его крайнюю атеистичность. Всякій послѣдовательный матеріализмъ, а слѣдовательно и марксизмъ, по существу своему атеистиченъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто утверждаетъ, что все идеальное, все, что мы называемъ духомъ, вытекаетъ изъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній, и есть не что иное, какъ продуктъ отраженія этихъ отношеній въ мозгу человѣка, тотъ не можетъ быть теистомъ. Ибо, если существуетъ только матерія и движеніе; если нѣтъ духа, какъ особаго, независимаго отъ нея начала,—то, значитъ, нѣтъ и личнаго Бога, Творца и Промыслителя вселенной, нѣтъ безсмертной души въ человѣкѣ, нѣтъ и загробнаго воздаянія. Марксизмъ, исходя изъ началъ матеріализма, всѣ эти возвышенныя истины, безъ которыхъ невозможна жизнь человѣка, какъ духовно-разумнаго существа, послѣдовательно и рѣшительно отвергаетъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ разсмотрѣнія его отношенія къ религіи вообще и въ частности къ христіанству.

б) Несостоятельность закона о прибавочной цѣнности. Теорія прибавочной цѣнности—второе изъ „великихъ открытій“ Маркса, положенныхъ имъ въ основу своего ученія,—представляетъ собою логическій выводъ изъ положенія, высказаннаго еще либеральными экономистами XVIII в., но большинствомъ представителей современной науки признаннаго несостоятельнымъ,—будто бы „трудъ есть единственная основа и источникъ матеріальныхъ цѣнностей“, или, что то же,—„продуктъ есть не что иное, какъ овеществленный трудъ“. Самый выводъ сдѣланъ Марксомъ при посредствѣ слѣдующихъ не менѣе произвольныхъ положеній: 1) будто мѣновая (рыночная) цѣнность продукта нисколько не зависитъ отъ потребительной его цѣнности (т. е. отъ степени полезности), но опредѣляется исключительно количествомъ труда, вложеннаго въ его производство, и никакими другими условіями; 2) будто количество труда, овеществленнаго въ томъ или другомъ продуктѣ, измѣряется только временемъ, потребнымъ для его производства, и 3) будто такъ называемая прибавочная цѣнность создается только *перемѣнною* частію капитала (расходуемою на наемъ рабочихъ) и не имѣетъ никакого отношенія къ постоянной его части (заключающейся въ сыромъ матеріалѣ, ма-

шинахъ, постройкахъ и т. п. орудіяхъ производства). Подробное разсмотрѣніе этихъ положеній составляетъ задачу политико-экономической науки; но и простого сопоставленія ихъ съ опытомъ повседневной жизни совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться въ ихъ полной несостоятельности. Такъ, прежде всего, для каждаго должно быть очевидно, что тотъ или другой матеріальный предметъ, будетъ ли это произведеніе природы или искусства человѣческаго, только тогда можетъ быть предметомъ обмѣна (товаромъ) и, слѣдовательно, имѣть ту или другую мѣновую цѣнность, а) если онъ имѣетъ какую-нибудь потребительную цѣнность, т. е. если онъ удовлетворяетъ какую-либо нужду человѣка, въ какомъ-либо отношеніи полезенъ ему (песокъ пустыни, картонные сапоги), б) если онъ не бываетъ въ одинаковой мѣрѣ доступенъ для пользованія всѣмъ людямъ (солнечный свѣтъ, воздухъ, вода въ деревнѣ и въ большихъ городахъ), и в) если въ то же время онъ можетъ быть предметомъ частной собственности. Что касается, далѣе, сравнительной стоимости такого продукта, т. е. степени его мѣновой цѣнности, то она опредѣляется: а) прежде всего качествами матеріала, изъ котораго онъ созданъ, т. е. различными физическими, химическими и вообще природными свойствами, обусловливающими степень его пригодности для человѣка (различная цѣнность шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій; цѣнность разныхъ сортовъ рыбы одного и того же улова; строевого лѣса и т. п.); б) важностью потребности человѣка, для удовлетворенія которой онъ предназначается; в) рѣдкостью того или другого продукта вообще въ природѣ и въ жизни (драгоцѣнные металлы и камни, антикварныя рѣдкости) или же въ данной мѣстности (вода въ безводной пустынѣ, лѣсъ въ степныхъ странахъ), г) степенью нужды въ немъ — дѣйствительной или мнимой (топливо въ холодныхъ и жаркихъ странахъ, предметы моды) и д) обусловливаемымъ указанными причинами отношеніемъ между рыночнымъ спросомъ на тотъ или другой продуктъ и предложеніемъ его. Имѣетъ важное значеніе для опредѣленія мѣновой цѣнности продукта, конечно, и трудъ человѣка, но лишь постольку, поскольку имъ обусловливается большая или меньшая степень пригодности продукта. При этомъ послѣдняя стоитъ въ зависимости не только отъ количества труда, вложеннаго въ производство того или другого продукта (и тѣмъ менѣе отъ количества времени, потраченнаго на это производство), но и отъ качества труда,— отъ совершенства замысла и исполненія его, обусловливаемыхъ природными дарованіями производителя (Пушкинъ и Тредьяковскій; великій артистъ, геніальный художникъ или музыкантъ и какая-нибудь посредственность), а также его опытностію и прилежаніемъ въ работѣ (примѣры различной оплаты работы въ одномъ и томъ же производствѣ). Если, такимъ образомъ, вообще мѣновая цѣнность продукта зависитъ не исключительно только отъ труда, вложеннаго въ его производство, но и отъ многихъ другихъ условій, то ясно, что тѣже самыя условія вліяютъ и на созданіе т. назыв. прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, положеніе Маркса, будто послѣдняя создается исключительно перемѣнною частію капитала, должно быть отвергнуто, какъ несостоятельное. И дѣйствительно, сама жизнь на каждомъ шагу опровергаетъ это положеніе. Всякій знаетъ, напр., что тѣ или

другіе продукты нерѣдко расцѣниваются на рынкѣ гораздо ниже стоимости ихъ производства. Извѣстно также, какое значеніе въ дѣлѣ опредѣленія мѣновой, а слѣдовательно и прибавочной цѣнности продуктовъ имѣютъ доброкачественность сырья, совершенство техники при обработкѣ, зависимость продуктивности работы отъ совершенства орудій производства (машинъ), удобство фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній, усовершенствованіе путей сообщенія,— словомъ, такое или иное состояніе производственныхъ средствъ, которыя Марксъ называетъ постоянною частію капитала. Наконецъ, нельзя не отмѣтить той узкой односторонности, въ которую впадаютъ марксисты при толкованіи основного положенія, изъ котораго они исходятъ въ своемъ ученіи о прибавочной цѣнности. Утверждая вслѣдъ за либеральными экономистами XVIII в., что „продуктъ есть овеществленный трудъ", они имѣютъ здѣсь въ виду лишь наемный трудъ рабочаго и отсюда выводятъ свое ученіе о прибавочной цѣнности, какъ неоплаченномъ трудѣ, незаконно присвояемомъ себѣ капиталистомъ. Но они забываютъ при этомъ о трудѣ, который несетъ капиталистъ по пріобрѣтенію и улучшенію производственныхъ средствъ, по организаціи самого производства и надзору за нимъ и, наконецъ, по сбыту продуктовъ его, каковой трудъ ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать ни легкимъ, ни маловажнымъ для успѣховъ производства; притомъ же этотъ трудъ соединяется нерѣдко съ огромнымъ рискомъ для благосостоянія его собственника. Забываютъ они также о томъ, что этотъ объединенный въ томъ или иномъ производствѣ трудъ капиталиста и рабочихъ возможенъ лишь при коллективной поддержкѣ всего общества, націи или государства; что начало, развитіе и успѣхъ всякаго производства зависитъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ условій, представляющихъ собою продуктъ многолѣтнихъ соединенныхъ усилій множества лицъ, живущихъ общегосударственною жизнію. Помимо такъ называемыхъ орудій производства, въ готовомъ видѣ получаемыхъ со стороны хотя и за опредѣленную плату, сюда относятся: извѣстный уровень культурной жизни страны, спокойствіе и порядокъ внутри государства, безопасность отъ внѣшнихъ вторженій, законы объ охранѣ личности и имущества и наблюденіе за ихъ исполненіемъ, организація системы обмѣна продуктовъ и тысячи другихъ условій, безъ наличности которыхъ невозможно никакое правильно организованное производство. Такимъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ продуктѣ производства овеществляется не только трудъ рабочаго, которому онъ ближайшимъ образомъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, но и трудъ капиталиста, стоящаго во главѣ производства, а также и коллективный трудъ всего общества, создавшаго условія, благопріятствующія возникновенію и развитію даннаго производства. А отсюда уже нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ марксисты, что рабочій имѣетъ право на пользованіе всѣмъ продуктомъ своего труда, а не частью только его, и что прибавочная цѣнность, поступающая въ пользу капиталиста, есть замаскированное грабительство.

Такимъ образомъ теорія Маркса о прибавочной цѣнности представляетъ собою сплошное заблужденіе и, какъ таковое, должна быть отвергнута; а вмѣстѣ съ нею теряютъ свое значеніе и всѣ тѣ построенія, которыя онъ возво-

дить на этой зыбкой основѣ въ цѣляхъ осужденія нынѣшней капиталистической системы производства въ самомъ ея существѣ, а не въ случайныхъ только проявленіяхъ. Но и въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ своихъ построеній Марксъ также мало считается съ опытомъ жизни, какъ и при началѣ ихъ, выводя одно за другимъ положенія, противорѣчащія фактамъ дѣйствительности, каковы: теорія неизбѣжной концентраціи капитала и исчезновенія среднихъ и малыхъ производствъ, теорія промышленныхъ кризисовъ и прогрессивнаго обнищанія рабочихъ массъ, и неизбѣжное усиленіе антагонизма между трудомъ и капиталомъ, имѣющее привести къ возстанію и диктатурѣ пролетаріата. Положенія эти частію относятся къ ни на чемъ не основаннымъ гипотезамъ, придуманнымъ Марксомъ ради предвзятой цѣли оправданія соціализма, частію же представляютъ собою неправильныя обобщенія наблюденій надъ промышленною жизнію западно-европейскихъ народовъ конца XVIII и первой половины XIX в., имѣющихъ лишь временный и мѣстный, слѣдовательно, случайный характеръ.

Статистика современной промышленности въ разныхъ культурныхъ странахъ и особенно въ странахъ съ высокоразвитымъ капиталистическимъ производствомъ (каковы, напр., Англія и Сѣверная Америка) представляетъ цѣлый рядъ неопровержимыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что а) во многихъ отрасляхъ промышленности среднія и малыя производства и предпріятія успѣшно конкурируютъ съ капиталистическими (напр., во всѣхъ видахъ сельскаго хозяйства; въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ предпріятіяхъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ ручной трудъ не можетъ быть замѣненъ машиннымъ производствомъ; въ розничной торговлѣ), б) сами капиталистическія производства постепенно переходятъ изъ частныхъ рукъ немногихъ капиталистовъ въ руки акціонерныхъ компаній съ громаднымъ количествомъ участниковъ изъ среды мелкихъ собственниковъ и даже самихъ рабочихъ; в) промышленные кризисы и сопровождающія ихъ банкротства по мѣрѣ развитія производительныхъ силъ страны нисколько не усиливаются въ объемѣ, въ смыслѣ расширенія района ихъ вліяній, и не становятся болѣе частыми; напротивъ, г) все болѣе и болѣе развивающаяся солидарность между капиталистами (синдикаты, тресты), умѣряемая разумнымъ вмѣшательствомъ правительства въ экономическую жизнь страны (ограниченіе свободной конкуренціи путемъ измѣненія таможенныхъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ. нормировка производствъ путемъ законодательнымъ, борьба съ промышленной авантюрой и т. п.) способствуетъ постепенному упорядоченію этой жизни, въ частности, предупрежденію кризисовъ и банкротствъ и ослабленію тяжелыхъ экономическихъ послѣдствій, проистекающихъ отъ нихъ для жизни всего общества; наконецъ, д) матеріальное положеніе рабочихъ по мѣрѣ развитія капиталистическихъ производствъ постепенно, хотя и медленно, улучшается,—въ частности, усиливается спросъ на рабочія руки, сокращается рабочій день, увеличивается наемная плата; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и матеріальная обезпеченность рабочихъ, чему содѣйствуютъ—участіе многихъ изъ нихъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, возникновеніе самостоятельныхъ рабочихъ кооперацій, потребительныхъ обществъ, кассъ взаимопомощи, введеніе государственнаго страхованія рабочихъ

на случаи увѣчья и смерти и т. п. Вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія указанныхъ фактовъ, характеризующихъ состояніе промышленной жизни современнаго культурнаго человѣчества, замѣчается постепенное ослабленіе антагонизма между трудомъ и капиталомъ, вмѣсто предполагаемаго, по теоріи Маркса, обостренія его.— Замѣчательно, что сами соціалисты—не говоря уже о такъ называемыхъ „ревизіонистахъ“, прямо и рѣшительно признавшихъ несостоятельность разсматриваемыхъ положеній марксизма, какъ не совпадающихъ съ фактами текущей дѣйствительности (Бернштейнъ, напр., отвергаетъ теорію Маркса о прибавочной цѣнности почти во всемъ ея объемѣ, со всѣми вытекающими изъ нея практическими слѣдствіями, якобы обусловливающими неизбѣжность крушенія капитализма), но даже правовѣрные марксисты — не особенно полагаются на неопровержимость выводовъ Маркса, касающихся будущности соціализма, когда неустанно призываютъ партію пользоваться всякими случайными затрудненіями экономической жизни современныхъ обществъ для болѣе энергичныхъ активныхъ выступленій въ цѣляхъ содѣйствія торжеству соціалистическихъ идей.

Несостоятельность основной догмы марксистской теоріи— ея ученія объ экономикѣ. Исходя изъ общаго эволюціонно-матеріалистическаго міросозерцанія, марксизмъ полагаетъ всю сущность историческаго процесса въ развитіи (измѣненіи) матеріальныхъ производственныхъ, или, что то же, экономическихъ отношеній. Въ зависимости отъ этихъ отношеній, развивающихся, какъ и все въ мірѣ, по законамъ строгой необходимости, стоитъ вся духовная или культурная жизнь человѣчества: религія, мораль, политическія и правовыя учрежденія, наука, искусство,—словомъ, вся такъ называемая „идеологія“, служащая „надстройкою“ надъ экономикой, простымъ отраженіемъ ея въ головахъ людей. Прогрессъ исторіи совершается діалектическимъ путемъ, т. е. чрезъ образованіе противорѣчій, возникающихъ всякій разъ съ выступленіемъ на сцену исторіи новыхъ производственныхъ силъ между измѣняющимися подъ вліяніемъ ихъ экономическими отношеніями и правовымъ укладомъ жизни и вообще „надстройкою“, сложившеюся на почвѣ прежняго экономическаго строя. Выраженіемъ этихъ противорѣчій служитъ классовая борьба, которая и опредѣляетъ собою весь ходъ исторической жизни человѣчества и, можно сказать даже, исчерпываетъ всю ея сущность. „Исторія всѣхъ существовавшихъ до настоящаго времени обществъ, говорится напр. въ коммунистическомъ манифестѣ Маркса, есть исторія классовой борьбы“. Послѣдняя опредѣляетъ собою и вполнѣ объясняетъ и всю исторію идей. „Люди, говоритъ Энгельсъ, черпаютъ свои воззрѣнія въ послѣднемъ счетѣ изъ тѣхъ практическихъ отношеній, на которыхъ основывается ихъ классовое положеніе“. Отсюда каждый классъ общества имѣетъ свое особое жизнепониманіе, и такъ какъ эти жизнепониманія въ силу классоваго антагонизма также борются между собою. то „господствующія идеи какого-либо времени, по мнѣнію марксистовъ, всегда суть только идеи господствующаго класса“.

Изложенное ученіе Маркса объ „экономикѣ“ и ея отношеніи къ „идеологіи“ не можетъ быть признано истиннымъ по слѣдующимъ основаніямъ частію принципіальнаго, частію фактическаго характера:

1) Утверждая, что всякая „идеологія“ происходитъ изъ „экономики“, ни Марксъ, ни его послѣдователи не даютъ сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія того, какимъ образомъ можетъ возникнуть вся совокупность идей, составляющихъ содержаніе духовной жизни человѣка, да и сама эта жизнь изъ столь несходныхъ съ нею матеріальныхъ производственныхъ отношеній. Голословное заявленіе, которымъ они довольствуются въ данномъ случаѣ, что „всякая идеологія есть лишь *отображеніе* въ головахъ людей *существующихъ* экономическихъ отношеній“ ровно ничего не объясняетъ и вноситъ только путаницу въ рѣшеніе вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, всякій образъ долженъ носить въ себѣ нѣкоторое подобіе того, что онъ отображаетъ; между тѣмъ въ матеріальныхъ производственныхъ отношеніяхъ нѣтъ ничего такого, что соотвѣтствовало бы тѣмъ общимъ идеямъ, при посредствѣ которыхъ человѣкъ воспринимаетъ своимъ сознаніемъ окружающую его наличную дѣйствительность и устанавливаетъ то или иное отношеніе къ ней (такъ называемыя категоріи—логическія, моральныя, правовыя, эстетическія и т. п., каковы, напр., идеи бытія и небытія, истины и лжи, добра и зла, прекраснаго и безобразнаго и множество другихъ). Далѣе, въ ряду этихъ идей есть и такія идеи, которыя не имѣютъ прямой связи съ наличной дѣйствительностью, но относятся своимъ содержаніемъ къ области возможнаго (идеи о будущемъ, идеи должнаго и проч.) и которыя, слѣдовательно, никоимъ образомъ не могутъ быть отраженіемъ въ сознаніи человѣка соотвѣтствующихъ имъ матеріальныхъ факторовъ, за отсутствіемъ таковыхъ въ дѣйствительности. Къ числу такихъ идей несомнѣнно принадлежитъ и проповѣдуемая Марксомъ и его послѣдователями идея будущаго соціалистическаго строя жизни.

2) Поставляя всю духовную жизнь человѣка въ полную зависимость отъ измѣняющихся матеріальныхъ отношеній, марксизмъ въ корнѣ подрываетъ всякое самостоятельное значеніе этой жизни, низводя ее на степень непрерывно смѣняющихъ другъ друга фантомовъ, призраковъ, иллюзій, которые держатъ человѣка въ постоянномъ обманѣ, приковывая къ себѣ его вниманіе, какъ къ чему-то весьма существенному и необходимому для жизни, на самомъ же дѣлѣ представляютъ собою лишь случайную накипь, или пѣну, вздымаемую матеріальною волною этой жизни и нисколько не вліяющую на ея теченіе. Для марксизма нѣтъ въ мірѣ идей ничего вѣчнаго, постояннаго, такъ какъ нѣтъ ничего такого и въ области матеріальныхъ отношеній, гдѣ все постоянно движется, течетъ, измѣняется. Если же не существуетъ вѣчныхъ идей, если нѣтъ въ мірѣ абсолютной истины, абсолютнаго добра, абсолютной красоты, то нѣтъ и не можетъ быть для человѣка ни истинной религіи, ни обязательной для всѣхъ нравственности, ни возвышающаго къ идеаламъ искусства, ни вообще прочной и постоянной культуры, не можетъ быть даже самой науки съ ея вѣчными, неизмѣняемыми понятіями и основоположеніями, не можетъ быть, слѣдовательно, и никакого научнаго соціализма.

3) Указывая причину измѣненія экономическихъ отношеній въ выступленіи на сцену исторической жизни новыхъ производственныхъ силъ, марксизмъ благоразумно умалчиваетъ о томъ, откуда появляются эти новыя силы. А между тѣмъ онъ не можетъ отрицать той очевидной истины, что появленію

и дѣйствію каждой такой силы должно предшествовать открытіе или изобрѣтеніе ея человѣкомъ и, слѣдов., нѣкоторое предварительное измѣненіе въ „идеологіи“. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ самомъ источникѣ экономики, мы имѣемъ наглядное доказательство обратнаго вліянія на нее „идеологіи“. Но и помимо того, исторія человѣчества представляетъ собою сплошное свидѣтельство о томъ, что идеологія гораздо чаще была причиною экономическихъ переворотовъ, чѣмъ наоборотъ. Припомнимъ исторію еврейскаго народа, вся жизнь котораго, не исключая и экономической ея стороны, всецѣло и исключительно опредѣлялась его религіею. Еще болѣе разительное доказательство представляетъ собою вліяніе христіанства на всѣ стороны человѣческой жизни и въ томъ числѣ на экономическую (чрезъ установленіе новаго, неизвѣстнаго языческому міру взгляда на трудъ, его достоинство и обязательность; чрезъ отмѣну рабства, улучшеніе положенія женщины, преобразованіе семьи, созданіе благотворительныхъ учрежденій и проч.). Наряду съ этимъ можно привести цѣлый рядъ историческихъ фактовъ мірового значенія, имѣвшихъ свою причину въ идеологіи, но никакъ не въ экономикѣ, хотя многіе изъ нихъ имѣли и громадное вліяніе на послѣднюю. Сюда относится, напр., исторія христіанскаго мученичества въ первые три вѣка христіанства; догматическіе и главнымъ образомъ христологическіе споры, волновавшіе христіанскій міръ въ послѣдующіе вѣка; крестовые походы, магометанство, гуманизмъ, реформація и т. д.. Даже сама французская революція, сдѣлавшая достояніемъ народной массы либеральныя идеи французскихъ энциклопедистовъ, вліянію которыхъ въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло, обязанъ, какъ мы видѣли выше, соціализмъ своими историческими, а отчасти и теоретическими основами, имѣла свой источникъ не столько въ экономическихъ и правовыхъ отношеніяхъ, сложившихся еще въ средніе вѣка, сколько въ возникшемъ на почвѣ протестантскаго раціонализма атеизмѣ и, какъ слѣдствіи его, въ нравственной распущенности высшихъ классовъ французскаго общества.

4) Поставляя исторію человѣчества въ полную зависимость отъ экономическихъ отношеній, развивающихся, какъ и всякія другія матеріальныя отношенія, по законамъ строгой необходимости, марксизмъ тѣмъ самымъ совершенно устраняетъ вліяніе человѣческой личности на ходъ исторіи, что равносильно совершенному отрицанію свободы въ человѣкѣ и признанію личности за простой продуктъ окружающей среды и, въ частности, экономическихъ условій,— такъ сказать, за „равнодѣйствующую“ этихъ условій. Но, во-первыхъ, если подъ средою разумѣть общество, въ которомъ живетъ и развивается личность, то такая среда состоитъ изъ личностей же, изъ коихъ каждая, заимствуя многое отъ общества, привноситъ въ него и нѣчто свое, сообразно степени своихъ дарованій—природныхъ и благопріобрѣтенныхъ, и именно, какъ плодъ личныхъ усилій, свободной самодѣятельности (великіе люди—больше, средніе—меньше). Если же имѣть въ виду внѣшнюю матеріальную среду, въ условіяхъ которой поставленъ жить и дѣйствовать человѣкъ, то такая среда уже по тому одному не можетъ служить единственнымъ опредѣляющимъ началомъ исторической жизни людей, что по мѣрѣ поступательнаго хода этой жизни она все болѣе и болѣе теряетъ свою власть надъ человѣкомъ и, наоборотъ,

сама постепенно дѣлается послушнымъ орудіемъ въ рукахъ человѣка. Исторія даетъ многочисленныя и неопровержимыя свидѣтельства могущественнаго вліянія личности на ходъ человѣческой жизни вообще и экономической въ частности—въ лицѣ, такъ называемыхъ, великихъ людей: основателей религіи, подвижниковъ, политиковъ-законодателей и полководцевъ, художниковъ, философовъ, ученыхъ-изобрѣтателей, отважныхъ мореплавателей и т. п.. Безъ Маркса не было бы и марксизма, такъ же какъ безъ Ницше ницшеанства или безъ Канта его философіи. И сами соціалъ-демократы на практикѣ отступаютъ отъ своего принципіальнаго взгляда на историческій процессъ, когда, не ожидая естественнаго хода событій, имѣющаго, согласно ученію Маркса, неизбѣжно закончиться водвореніемъ соціалистическаго строя жизни, употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы этотъ строй явился и плодомъ ихъ личнаго творчества.

5) Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ и того исключительнаго значенія, какое усвояетъ марксизмъ классовой борьбѣ въ ходѣ исторической жизни человѣчества. Что борьба классовъ вліяетъ на жизнь человѣческихъ обществъ, это—несомнѣнный фактъ; но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого факта, какъ то дѣлаютъ марксисты. Прежде всего, область дѣйствія этого историческаго фактора довольно ограничена, такъ какъ непосредственное вліяніе его не простирается за предѣлы внутренней жизни отдѣльныхъ обществъ. Да и въ этой ограниченной сферѣ человѣческой жизни далеко не все, изъ чего слагается жизнь общества и составляющихъ его единицъ, подчиняется указанному вліянію: интересы личности, семьи, науки, искусства, религіи стоятъ собственно внѣ сферы этихъ вліяній, т. е. имѣютъ свое особое, самостоятельное значеніе, хотя и могутъ сталкиваться съ классовыми интересами. Если бы духовная жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, а равно и цѣлаго общества была простымъ отраженіемъ классовыхъ отношеній, то она неизбѣжно носила бы на себѣ печать двойственности, розни, антагонизма, которымъ, по Марксу, характеризуются эти отношенія Тогда бы въ каждомъ обществѣ, у каждаго народа, сообразно количеству борющихся классовъ, было по нѣсколько различныхъ религій и моральныхъ системъ, у каждаго класса была бы своя наука, свое искусство, свой особый взглядъ на семью, воспитаніе и т. п., чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Но наиболѣе вѣрнымъ, наиболѣе надежнымъ руководителемъ въ оцѣнкѣ соціальнаго значенія классовой борьбы, какъ и другихъ соціальныхъ вопросовъ, является исторія. Она свидѣтельствуетъ, что духовная и вообще культурная жизнь человѣчества начала развиваться задолго до образованія человѣческихъ обществъ на основѣ классоваго дѣленія (патріархальный или родовой періодъ жизни народовъ); она представляетъ, далѣе, примѣры человѣческихъ обществъ съ слабо развитымъ классовымъ сознаніемъ и, слѣдовательно, почти не знавшихъ классовой борьбы, но въ то же время достигавшихъ весьма высокаго для своего времени культурнаго развитія (большая часть народовъ древняго востока), и наряду съ этимъ—примѣры обществъ съ чрезвычайно рѣзкою классовою обособленностью, неизмѣнно сохраняющеюся въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, и не смотря на то, по какой-то причинѣ остановившихся въ своемъ культурномъ

развитіи (Индія); наконецъ, она говоритъ намъ о двухъ великихъ народахъ древности, неисчерпаемыми сокровищами своего генія доселѣ питающихъ культурную жизнь человѣчества, но въ то же время обязанныхъ своимъ высокимъ духовнымъ развитіемъ не столько классовой (хотя она и была тамъ), сколько національной борьбѣ, (послѣдовательная борьба грековъ съ персами, между собою, съ македонянами, съ римлянами, также послѣднихъ — съ греками и съ другими народами, особенно съ карѳагенянами). Она же раскрываетъ предъ нашими взорами длинный рядъ отдѣльныхъ событій въ разныхъ областяхъ прошедшей жизни человѣчества, не стоявшихъ ни въ какомъ отношеніи къ классовой борьбѣ и однако имѣвшихъ рѣшающее вліяніе на судьбы цѣлыхъ народовъ и даже всего человѣчества, каковы, напр., знаменитыя битвы, своимъ нерѣдко случайнымъ исходомъ надолго опредѣлявшія историческую роль цѣлыхъ народовъ, или — замѣчательныя научныя открытія и изобрѣтенія, производившія, не смотря на свой нерѣдко также случайный характеръ, настоящую революцію во всѣхъ областяхъ человѣческой культуры (открытіе Америки и Австраліи, индуктивнаго метода въ наукѣ, изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха, открытіе и примѣненіе силы пара, электричества и т. п.). Но самымъ сильнымъ доказательствомъ несостоятельности разсматриваемаго положенія марксизма является безпримѣрный въ исторіи фактъ появленія христіанства въ маленькой, безвѣстной Іудеѣ и *мирнаго* распространенія его оттуда по всему лицу земному. Неудивительно, что соціалъ-демократы особенно ополчаются противъ этого ненавистнаго для нихъ свидѣтельства исторіи и употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности ослабить и подорвать его убійственное для нихъ значеніе, не останавливаясь даже предъ самымъ наглымъ извращеніемъ фактовъ, относящихся къ исторіи христіанства.

Указанныя выше несообразности ученія Маркса объ экономикѣ и особенно противорѣчіе его съ фактами дѣйствительности были причиною того, что даже нѣкоторые изъ правовѣрныхъ марксистовъ позднѣйшаго времени пытались видоизмѣнить это ученіе чрезъ признаніе, вопреки началамъ теоріи историческаго матеріализма, нѣкоторой доли самостоятельнаго значенія и за психологическимъ факторомъ въ исторіи (Баксъ, Каутскій). Ревизіонисты же подвергли это ученіе, наряду съ многими другими положеніями марксистской теоріи, рѣзкой и безпощадной критикѣ, указывая на его крайнюю односторонность и несоотвѣтствіе дѣйствительности. „Никакой историческій матеріализмъ-говоритъ напр. Бернштейнъ—не можетъ не считаться съ тѣми фактами, что бываютъ люди, которые дѣлаютъ исторію; что люди имѣютъ головы; что мышленіе, совершающееся въ головахъ людскихъ, *не есть механическая вещь*, которою управляли бы только вопросы экономіи". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель выясняетъ, что ученіе Маркса объ экономикѣ стоитъ въ противорѣчіи съ понятіемъ о свободѣ человѣческой личности и, въ частности, съ фактомъ постепеннаго возрастанія власти человѣка надъ внѣшнею природою по мѣрѣ развитія человѣческой культуры.

Отношеніе марксизма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности.

Взглядъ марксизма на происхожденіе и сущность религіи вообще; приложеніе этого взгляда къ вопросу о происхожденіи христіанства. По теоріи историческаго матеріализма, религія такъ же, какъ и всякая другая „идеологія", есть случайный продуктъ экономики, надстройка надъ ней; она есть фантастическое отображеніе въ головахъ людей тѣхъ матеріальныхъ силъ, которыя управляютъ ихъ повседневнымъ существованіемъ, — силъ по существу своему земныхъ, но чрезъ указанное мистическое отраженіе принимающихъ форму надземныхъ. Будучи обязана своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ темнымъ представленіямъ первобытнаго человѣка о своей собственной и объ окружающей его природѣ, она въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи опредѣляется классовыми, слѣдовательно, экономическими отношеніями, являясь въ каждый данный моментъ исторической жизни человѣчества мистическимъ выраженіемъ жизнепониманія борющихся классовъ. Психическая основа религіи, по этой теоріи, заключается въ чувствѣ зависимости человѣка отъ окружающихъ его матеріальныхъ условій существованія, стоящихъ противъ него въ видѣ враждебной, чуждой ему силы. Со временемъ, когда, съ измѣненіемъ экономическихъ отношеній, матеріальныя условія жизни будутъ для всѣхъ одинаковы, когда производственныя средства будутъ равно для всѣхъ доступны, когда вслѣдствіе этого установятся правильныя и разумныя отношенія людей другъ къ другу и къ внѣшней природѣ,—тогда исчезнетъ и религія по той простой причинѣ, что больше уже нечего будетъ отражать, такъ какъ уже не будетъ тѣхъ чуждыхъ силъ, которыя нынѣ держатъ человѣка въ рабской зависимости отъ себя. Такимъ образомъ марксизмъ отрицаетъ всякое самостоятельное значеніе за религіею. Онъ считаетъ ее „издѣліемъ человѣческимъ", плодомъ суевѣрія и невѣжества, отжившимъ свой вѣкъ, заблужденіемъ, которое современемъ должно исчезнуть.

Изложенный выше взглядъ на религію марксизмъ переноситъ и на христіанство, считая его не болѣе, какъ продуктомъ экономическихъ отношеній, сложившихся въ Римской имперіи къ началу нашей эры. Въ политическомъ отношеніи время это ознаменовалось распространеніемъ всемірнаго римскаго владычества. По мѣрѣ поглощенія Римомъ древнихъ народовъ исчезали и ихъ религіи. Для міровой имперіи понадобилась и міровая религія. Такою религіею и явилось христіанство. Мѣстомъ происхожденія его былъ Римъ, столица тогдашняго міра. Возникновенію его способствовали слѣдующія историческія условія: многочисленныя побѣды и завоеванія, совершенныя Римомъ еще въ періодъ республики и имѣвшія своимъ послѣдствіемъ чрезвычайное увеличеніе класса рабовъ при самомъ разнообразномъ составѣ его (изъ военноплѣнныхъ); возникновеніе рабовладѣльческаго строя экономической жизни; классовая рознь между рабами и господами; постепенное ухудшеніе соціальнаго положенія рабовъ вслѣдствіе сокращенія земледѣлія въ Италіи и перехода къ скотоводству, вызваннаго тѣмъ обстоятельствомъ, что хлѣбъ и дру-

гіе растительные продукты стали въ изобиліи доставляться изъ покоренныхъ странъ; отсутствіе нужды въ рабахъ и массовое отпущеніе ихъ на волю безъ всякихъ средствъ къ существованію; усиленіе вольноотпущенниками городского пролетаріата въ Римѣ; враждебное отношеніе послѣдняго къ аристократіи, поддерживаемое нерѣдко самими императорами въ личныхъ политическихъ интересахъ и ихъ ближайшими наперсниками, особенно изъ бывшихъ вольноотпущенниковъ, достигавшихъ иногда высокаго положенія при дворѣ; съ другой стороны—развитіе торговыхъ сношеній между народами, вошедшими въ составъ Римской имперіи, единство языка, устройство удобныхъ путей сообщенія, установленіе общихъ мѣръ, вѣсовъ, монетной системы и т. п. условія, способствовавшія уничтоженію національной обособленности древнихъ народовъ и постепенному водворенію политическаго интернаціонализма. На всѣ эти особенности, характеризующія историческую жизнь человѣчества предъ появленіемъ христіанства, марксизмъ смотритъ не какъ на условія только, благопріятствовавшія быстрому распространенію послѣдняго по всему тогдашнему міру, но и въ собственномъ смыслѣ какъ на причины, которымъ оно обязано самымъ своимъ происхожденіемъ. Изъ этихъ причинъ, большею частію имѣющихъ экономическій характеръ, онъ пытается вывести все теоретическое и практическое содержаніе христіанства, т. е. и догматическое и нравственное ученіе его, и богослужебный культъ, разсматривая его, какъ отраженіе экономическихъ условій римской жизни временъ начала имперіи и, въ частности, какъ плодъ борьбы римскаго пролетаріата съ аристократіею. Въ первоначальной своей формѣ христіанство явилось въ мірѣ, какъ религія рабовъ, какъ выраженіе жизнепониманія многочисленнаго и опаснаго для государства класса римскихъ пролетаріевъ, съ интересами которыхъ приходилось считаться не только высшимъ классамъ римскаго общества, но и самимъ императорамъ. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ измѣненій въ экономической жизни европейскихъ народовъ. оно постепенно видоизмѣнялось въ своемъ содержаніи, служа въ каждую данную экономическую эпоху отраженіемъ интересовъ господствующихъ классовъ. Въ частности, въ переживаемую нами эпоху оно служитъ всецѣло интересамъ капитализма, и потому вмѣстѣ съ послѣднимъ оно должно прекратить свое существованіе и замѣниться единственно истиннымъ и совершеннымъ міровоззрѣніемъ—соціалистическимъ.

Несостоятельность марксистскаго ученія о происхожденіи религіи вообще и христіанства въ частности. Изложенный взглядъ марксизма на происхожденіе и сущность религіи не представляетъ собою чего-либо совершенно новаго и оригинальнаго въ области антирелигіозныхъ ученій; напротивъ, въ самыхъ существенныхъ и основныхъ положеніяхъ своихъ онъ повторяетъ собою ходячія раціоналистическія воззрѣнія на тотъ же предметъ, начавшія высказываться отъ имени науки еще со второй половины XVIII вѣка (т. наз. натуралистическая теорія). Не нова также мысль о происхожденіи христіанскаго вѣро—и нравоученія изъ сочетанія началъ іудейскаго богословія, александрійской философіи и греко-римскихъ народныхъ элементовъ, не разъ высказывавшаяся представителями западнаго раціонализма (теорія эклектизма или синкретизма). Нѣтъ поэтому надобности останавливаться на разборѣ этихъ

положеній, такъ какъ разсмотрѣнію ихъ отводится достаточно мѣста въ любомъ курсѣ Основного Богословія. То, что есть своеобразнаго въ ученіи марксизма, заключается лишь въ приложеніи основной его догмы объ отношеніи между экономикою и „идеологіею“ къ вопросу о происхожденіи религіи и христіанства. Отрицая вмѣстѣ съ раціоналистами всякое самостоятельное значеніе за религіею и объясняя происхожденіе ея изъ чисто внѣшнихъ, случайныхъ причинъ, именно изъ вліяній на человѣка окружающей его внѣшней, матеріальной среды, марксизмъ всѣ разнообразныя условія этой среды (географическія, климатическія и т. п.) сводитъ главнымъ образомъ къ сферѣ экономическихъ отношеній, въ которой всѣ они своеобразно объединяются и видоизмѣняются, подобно лучамъ свѣта, проходящимъ чрезъ преломляющую среду, или подобно внѣшнимъ впечатлѣніямъ, доходящимъ до нашей души чрезъ посредство нервныхъ процессовъ. Отсюда все, что сказано выше по поводу марксистскаго ученія объ отношеніи экономики къ идеологіи вообще, сохраняетъ свою силу и по отношенію къ взгляду его на происхожденіе религіи и христіанства. И прежде всего, поставляя религію, какъ и всякую другую идеологію, въ совершенную зависимость отъ матеріальныхъ производственныхъ отношеній, марксизмъ не въ состояніи объяснить—а) изъ какихъ именно матеріальныхъ факторовъ жизни и какимъ процессомъ возникли у первобытнаго человѣка столь несродныя этимъ факторамъ идеи, лежащія въ основѣ всякой религіи, каковы—идеи о Богѣ, о Промыслѣ, о безсмертіи души человѣческой и загробномъ воздаяніи; б) почему развитіе этихъ идей приняло разнообразное направленіе если не съ самаго начала исторической жизни человѣчества, то во всякомъ случаѣ задолго до осложненія первоначально простыхъ и по существу своему общихъ для всего человѣчества или для отдѣльныхъ группъ его условій экономической жизни и, въ частности, задолго до раздѣленія этихъ группъ на классы, или сословія, съ присущими каждому изъ нихъ особыми жизненными интересами и, слѣдовательно, до возникновенія внутри ихъ классовой борьбы; в) если религія, какъ и всякая другая идеологія, есть лишь отображеніе въ головахъ людей экономическаго строя ихъ жизни въ каждую данную эпоху, то почему отдѣльные моменты въ развитіи религіозной и экономической жизни того или другого народа нерѣдко не совпадаютъ между собою во времени, такъ что глубокіе перевороты въ экономикѣ часто не сопровождаются никакими замѣтными измѣненіями въ состояніи религіозныхъ вѣрованій и наоборотъ; г) если религія, въ частности, есть мистическое выраженіе жизнепониманій борющихся классовъ, то почему у любого народа древняго и новаго времени мы видимъ обыкновенно одну религію, а не нѣсколько, соотвѣтственно количеству борющихся классовъ; наконецъ, д) если религія того или другого народа есть выраженіе жизнепониманія господствующаго въ немъ въ данную эпоху класса и, вмѣстѣ со всякою другою идеологіею, приноровлена къ поддержанію интересовъ именно этого класса, въ ущербъ остальнымъ, то какимъ образомъ она могла быть принята всѣмъ народомъ, не исключая и тѣхъ слоевъ его, съ жизненными интересами которыхъ она стоитъ въ коренномъ противорѣчіи. Сказанное не означаетъ, конечно, того, что религіозная, также какъ и вообще духовная, жизнь

человѣчества развивалась совершенно независимо отъ матеріальныхъ условій. Вліяніе матеріальныхъ факторовъ жизни на религію не подлежитъ сомнѣнію: оно ясно засвидѣтельствовано исторіею естественныхъ религій. Только этимъ вліяніемъ, напр., можно объяснить, почему кочевые народы пустыни нерѣдко почитали свѣтила небесныя, скотоводы и звѣроловы—животныхъ, земледѣльцы обоготворяли производительныя силы природы, живущіе при морѣ и занимающіеся торговлею и рыболовствомъ преклонялись предъ водною стихіею и т. п. Но не слѣдуетъ и преувеличивать значенія этихъ фактовъ, какъ то дѣлаютъ марксисты; нельзя утверждать, будто все содержаніе хотя бы только естественныхъ религій можно объяснить изъ однихъ экономическихъ условій, безъ участія особыхъ, изначала присущихъ человѣческой природѣ психическихъ факторовъ. Та же исторія религій, какъ было указано выше, представляетъ намъ безчисленное количество фактовъ совершенно иного порядка,— фактовъ, свидѣтельствующихъ объ обратномъ вліяніи на матеріальную сторону жизни человѣчества чисто идейныхъ и именно религіозныхъ факторовъ и притомъ возникавшихъ совершенно независимо отъ какой бы то ни было экономики.—

Еще менѣе правъ марксизмъ, когда онъ пытается объяснить происхожденіе христіанства изъ экономическаго строя древне-римской жизни, современной его появленію. Здѣсь онъ обнаруживаетъ уже не просто односторонность въ пониманіи историческихъ явленій, но и явно сознательную и упорную тенденцію къ ложному освѣщенію и даже къ совершенному извращенію ихъ. Такъ, пытаясь доказать, что христіанская религія есть не болѣе, какъ выраженіе жизнепониманія римскаго пролетаріата современной ея происхожденію эпохи, онъ чрезвычайно сгущаетъ краски при изображеніи экономическаго и правового положенія послѣдняго въ указанное время и вообще старается представить періодъ первыхъ трехъ столѣтій римской имперіи самымъ худшимъ не только въ исторіи Рима, но и во всемірной исторіи, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ о томъ древнихъ историковъ (Аристида, Аппіана и др.) и взглядамъ на тотъ же предметъ позднѣйшихъ изслѣдователей древне-римской жизни (Момсена, Фридлендера, Шлоссера, Мейера, Фальке и др.), которые говорятъ лишь объ идейномъ разложеніи греко-римскаго міра ко времени появленія христіанства, а не о соціально-правовомъ и тѣмъ менѣе экономическомъ. Въ послѣднемъ отношеніи Римъ былъ еще настолько могучъ и силенъ, что, какъ показываетъ послѣдующая исторія его, онъ въ состояніи былъ около половины тысячелѣтія нести тяжелую борьбу за свое политическое существованіе и міровое значеніе не только съ внутренними неурядицами и нестроеніями, проистекавшими изъ классовой розни въ самомъ Римѣ и національныхъ движеній въ провинціяхъ, но и съ надвигавшимися отвнѣ несмѣтными волнами варварскихъ полчищъ, предковъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ культурныхъ народовъ. Еще менѣе научной добросовѣстности обнаруживаетъ марксизмъ при обращеніи съ фактами христіанской исторіи. Желая во что бы то ни стало доказать, что христіанство есть созданіе римскаго пролетаріата, онъ, вопреки общему голосу древности, пріурочиваетъ происхожденіе его къ Риму и Александріи, а не къ Іудеѣ, а самого Бо-

жественнаго Основателя его считаетъ лицемъ полумиѳическимъ и даже совсѣмъ отрицаетъ его историческое существованіе, видя въ евангельскомъ Христѣ лишь „воплощеніе идей бѣдняковъ", чего не дѣлаютъ даже такіе убѣжденные противники христіанства, какъ Бауэръ и Гарнакъ, признавшіе попытку объяснить христіанство безъ Христа верхомъ человѣческаго безумія. Не менѣе безцеремонно относится марксизмъ и къ идейному содержанію христіанства, когда смотритъ на него, какъ на продуктъ смѣшенія началъ іудейскаго богословія, александрійской философіи и греко-римскихъ народныхъ элементовъ, постепенно наслоявшихся и претворявшихся въ цѣлостную систему въ сознаніи невѣжественнаго и разношерстнаго по составу римскаго пролетаріата. Чтобы не стѣснять себя въ сужденіяхъ объ идейной сторонѣ христіанства, онъ отвергаетъ его первоисточники и предпочитаетъ знакомиться съ нимъ по сочиненіямъ его противниковъ (напр Лукіана Самосатскаго). Изъ всѣхъ свящ. книгъ Новаго Завѣта онъ самою древнею книгою считаетъ Апокалипсисъ, а содержащееся въ немъ хиліастическое ученіе признаетъ первоначально общею и основною формою христіанскаго міровоззрѣнія, служившею якобы естественнымъ выраженіемъ политико-экономическихъ чаяній римскаго пролетаріата. Происхожденіе Евангелій имъ относится ко второму вѣку, догмата о Божествѣ І. Христа къ IV-му, ученія объ евхаристіи къ еще болѣе позднему времени и т. п. Насколько всѣ эти и подобныя голословныя утвержденія соотвѣтствуютъ даннымъ современной экзегетической и церковно-исторической науки даже въ тѣхъ ея отрицательныхъ теченіяхъ, которыя она приняла на почвѣ протестантскаго раціонализма, предоставляется судить каждому безпристрастному изслѣдователю указанныхъ областей человѣческаго знанія.

Но особенно рѣзко обнаруживается научное убожество марксизма, когда онъ старается на началахъ своей теоріи представить самый генезисъ христіанскихъ идей. Попытка поставить въ связь высочайшія тайны христіанской религіи съ матеріальными условіями жизни человѣчества даже и для ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи марксистовъ оказалась непосильною. Чуть ли не единственнымъ опытомъ этого рода во всей марксистской литературѣ является высказанный Энгельсомъ взглядъ на реформатскій догматъ о предопредѣленіи, какъ на „религіозное выраженіе того факта, что въ торговомъ мірѣ успѣхъ или банкротство зависитъ не отъ дѣятельности или умѣнья того или другого лица, а отъ обстоятельствъ отъ него независящихъ". Но и этотъ взглядъ не можетъ быть признанъ научнымъ, хотя бы по тому одному, что онъ стоитъ въ противорѣчіи съ фактами распространенія реформатства и среди такихъ народовъ, которые не принимали участія въ міровой торговлѣ (напр. въ Шотландіи). Вообще же при объясненіи происхожденія христіанскихъ догматовъ марксисты довольствуются лишь ссылкою на ходячую раціоналистическую теорію о заимствованіи ихъ изъ языческой теософіи и іудейскаго богословія и не обнаруживаютъ расположенія ставить ихъ въ связь съ тѣми или другими особенностями экономической стороны древне-римской жизни. Но за то они съ особенною любовью останавливаются на этой связи, когда касаются практическихъ идей христіанства, каковы напр. идеи равенства, гуманности (любви), благотворительности. Чтобы видѣть всю нелѣпость

высказываемыхъ ими взглядовъ на происхожденіе этихъ идей, достаточно изложить въ общихъ чертахъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, идея равенства всѣхъ людей, по марксизму, будто бы сама собою возникла изъ римскаго политическаго интернаціонализма, замѣнившаго собою прежнюю разобщенность и отчужденіе какъ въ международныхъ, такъ и въ сословныхъ отношеніяхъ. Установившіяся со времени распространенія римскаго владычества общность жизни и солидарность интересовъ между людьми съ одной стороны содѣйствовали сглаженію національныхъ особенностей покоренныхъ народовъ, а съ другой—нивеллировкѣ сословныхъ различій въ самомъ Римѣ. Дальнѣйшимъ обстоятельствомъ, благопріятствовавшимъ развитію той же идеи и утвержденію ея въ сознаніи древняго міра, послужило чрезвычайное возвеличеніе (апоѳеозъ) императорской власти въ Римѣ, предъ которою всѣ оказались равными въ своемъ безправіи. Не мало содѣйствовали распространенію ея среди подданныхъ и сами императоры. Извѣстно, напр., что Каракалла, нуждаясь въ деньгахъ, особымъ указомъ объявилъ всѣхъ своихъ подданныхъ римскими гражданами. Что касается, далѣе, идеи благотворительности, то возникновеніе ея вызвано было крайнимъ развитіемъ нищеты среди римскаго пролетаріата, ко времени появленія христіанства; въ частности, идея эта ближайшимъ образомъ выродилась изъ установившагося еще со временъ республики обычая римскаго правительства подкупать властный, но голодный пролетаріатъ раздачею хлѣба, а также учрежденіемъ всенародныхъ празднествъ и игръ. Наконецъ, идея гуманности, братства, любви постепенно развилась на почвѣ происшедшаго къ концу перваго столѣтія нашей эры улучшенія въ положеніи рабовъ, въ частности, образованія обширнаго класса вольноотпущенниковъ, составлявшихъ большинство городского пролетаріата, возвышенія нѣкоторыхъ изъ нихъ на общественно-іерархической лѣстницѣ даже до высокаго положенія при дворѣ и вліянія ихъ на общество въ сторону симпатіи къ своимъ бывшимъ товарищамъ по неволѣ и безправію. Развитію этихъ, неизвѣстныхъ дотолѣ языческому міру, отношеній къ низшимъ, обездоленнымъ классамъ, правда, большею частію изъ чисто личныхъ политическихъ соображеній, содѣйствовали и сами императоры, нерѣдко особыми декретами ограждавшіе рабовъ отъ произвола ихъ господъ и дѣятельно помогавшіе неимущимъ классамъ какъ казенными, такъ и частными субсидіями (Клавдій, Адріанъ, Антонинъ).—Едвали нужно доказывать всю натянутость и искусственность этихъ объясненій происхожденія возвышенныхъ христіанскихъ идей изъ соціальныхъ особенностей древне-римской жизни, не имѣвшихъ съ этими идеями рѣшительно ничего общаго,—всю неестественность, напр., и даже явную нелѣпость сближенія христіанской благотворительности съ вынужденными подачками бѣднякамъ со стороны римской власти, съ періодическими кормленіями пролетаріата, имѣвшими значеніе лишь политическаго „обезвреживающаго средства“ (палліативовъ); или—выведенія идеи христіанскаго равенства изъ политическаго интернаціонализма, при всемъ своемъ нивеллирующемъ вліяніи оказавшагося безсильнымъ уничтожить различіе между римскимъ гражданиномъ съ одной стороны и іудеемъ, а тѣмъ болѣе варваромъ съ другой,—того самаго интернаціонализма, при которомъ рабъ продолжалъ оставаться

вещью и ничѣмъ болѣе, при которомъ личность человѣка цѣнилась не за достоинства своей богоподобной природы, о чемъ язычество не имѣло представленія, а исключительно по внѣшнему положенію и случайнымъ эмпирическимъ свойствамъ, его обусловливающимъ. Еще болѣе странно выводить идею христіанской гуманности, не имѣющей границъ ни въ степени благожелательности, ни въ объемѣ предметовъ, на которые она простирается, изъ внутри-классовыхъ товарищескихъ отношеній римскаго пролетаріата или изъ холодно-разсчетливыхъ заботъ о немъ римской власти, не задумывавшейся, когда въ этомъ появлялась надобность, или просто охота, совершать массовыя истребленія въ средѣ безправной черни и особенно рабовъ. Съ точки зрѣнія марксизма совершенно невозможно понять, какимъ образомъ среди голоднаго пролетаріата могла зародиться любовь къ сытымъ, въ аристократамъ, къ врагамъ, среди рабовъ—къ своимъ господамъ и притомъ не только къ благимъ и кроткимъ, но и къ строптивымъ и въ этой своей строптивости нерѣдко доходившимъ до безчеловѣчной жестокости. Вѣдь исторія, по Марксу, знаетъ только классовую борьбу, а не классовыя самопожертвованія!

Практическое отношеніе марксизма къ религіи и къ христіанству. Сущность его церковно-политической программы. Отрицая религію въ теоріи, какъ случайный придатокъ къ экономикѣ, даже болѣе того—какъ болѣзненный наростъ на духовной организаціи человѣчества, имѣющій исчезнуть самъ собою по мѣрѣ упорядоченія экономическихъ отношеній, марксизмъ въ то же время вынужденъ считаться съ нею на практикѣ, съ ея могущественнымъ вліяніемъ на всѣ стороны человѣческой жизни, въ силу котораго она является величайшимъ тормозомъ для торжества соціалистическихъ идей. Отсюда вытекаетъ стремленіе приверженцевъ марксизма изгнать изъ жизни современнаго общества всякую религію, какъ враждебную самому его существу, и особенно христіанство, эту неизсякаемую силу Божію, побѣдившую міръ и продолжающую побѣждать его съ каждою новою смѣною человѣческихъ поколѣній (I Іоан. V, 4, 5). Совокупность средствъ и путей, которыми онъ стремится достигнуть указанной цѣли, составляетъ такъ назыв. программу соціалъ-демократической церковной политики. Сущность этой программы сводится къ слѣдующему:

а) Прежде всего марксизмъ старается подорвать вѣру въ христіанство, какъ единую истинную, богооткровенную религію, чрезъ извращеніе фактовъ, касающихся исторіи христіанства, и главнымъ образомъ чрезъ отрицаніе исторической достовѣрности личности его Божественнаго Основателя, что мы уже видѣли выше.

б) Не ограничиваясь установленіемъ ложнаго взгляда на происхожденіе и распространеніе христіанства, марксизмъ стремится подорвать вѣру въ него и критикою его по существу. На Майнцкомъ Партейтагѣ соціалъ-демократами высказано было пожеланіе „дать научное опроверженіе“ христіанскаго ученія, пригодное для цѣлей агитаціи; но на первое время признано было возможнымъ, не дожидаясь научныхъ трактатовъ, ограничиться изданіемъ легкихъ полемическихъ брошюръ, которыя и распространяются ими среди общества въ громадномъ количествѣ. Основная мысль, проходящая красною нитью въ

содержаніи всѣхъ этихъ брошюръ, состоитъ въ томъ, что „побѣда христіанства доселѣ была величайшимъ несчастіемъ для человѣчества“ и что соціализмъ есть единственная сила, способная искоренить это зло изъ его жизни. Догматической стороны христіанства указанныя брошюры почти совсѣмъ не касаются, довольствуясь большею частію огульнымъ отрицаніемъ ея, какъ суевѣрія, заимствованнаго изъ древнихъ религій и философскихъ системъ. Изъ всѣхъ христіанскихъ догматовъ онѣ чаще всего останавливаются мыслію на христіанской идеѣ искупленія, противополагая ей свою, соціалистическую. Отрицая зло въ принципѣ, считая пороки и неправды человѣческой жизни продуктомъ вліянія окружающей среды, не признавая внутренней грѣховной порчи человѣческой природы, отрицая даже самую свободу въ человѣкѣ, — марксизмъ послѣдовательно отвергаетъ и христіанскую идею искупленія. Единственное зло, грѣхъ въ мірѣ—это частная собственность; отъ нея происходитъ всякая неправда въ жизни. Христіанство не могло искупить человѣчество отъ нуждъ и заботъ существованія, потому что въ эпоху зарожденія его не было потребныхъ для того матеріальныхъ факторовъ, какіе мы имѣемъ теперь. Не Искупитель, не Богъ въ образѣ человѣка дастъ намъ это искупленіе, а само трудящееся человѣчество. И эту благую вѣсть искупленія возвѣщаетъ соціализмъ.

в) Всю тяжесть своей полемики, весь фанатизмъ своей ненависти марксизмъ сосредоточиваетъ на нравственной сторонѣ христіанства, какъ силы практической, и ее то старается развѣнчать въ глазахъ своихъ послѣдователей. Отрицая могущественное вліяніе христіанства на умственный и нравственный прогрессъ человѣчества, онъ называетъ его „религіею варварства, ненависти, преслѣдованія и угнетенія, стоившею міру больше крови и слезъ, чѣмъ какая-либо другая религія“. Христіанство будто бы не только не содѣйствовало осуществленію среди людей началъ свободы, равенства и братства, но, напротивъ, всегда было величайшимъ тормозомъ для торжества этихъ идей. „Всѣ религіи раболѣпны, христіанство—самая рабская изъ рабскихъ“. Своимъ ученіемъ о терпѣніи, примиреніи съ земными скорбями и лишеніями, своими обѣщаніями утѣшеній въ будущей жизни оно заглушало стремленіе бѣдняковъ къ улучшенію своего земного положенія, а настойчивою проповѣдью о повиновеніи подданныхъ властямъ, рабовъ господамъ, женъ мужьямъ и т. п. лишь закрѣпляло соціальное неравенство, этотъ страшный и единственный бичъ человѣчества. Съ особенною силою ополчаются марксисты на христіанское милосердіе, истолковывая его „желаніемъ принизить человѣческое достоинство бѣдняка“ и получить за ничтожную земную затрату ростовщическіе проценты на небѣ. Они издѣваются, далѣе, надъ идеальнымъ совершенствомъ Христа, противопоставляя неземной, божественной красотѣ Его нравственной личности тусклые и подчасъ кривые образы т. называемыхъ „великихъ людей“ новаго времени, вожаковъ современнаго культурнаго человѣчества, указывая на нихъ, какъ на примѣры, единственно достойные подражанія. Этику христіанскую они ставятъ неизмѣримо ниже буддійской и особенно магометанской, въ которой, также какъ и въ соціализмѣ, христіанскому культу жалости и состраданія противополагается культъ грубаго эгоизма и земныхъ

наслажденій. Славятъ Маркса, приковавшаго „расплывчатую гуманитарную идею къ землѣ“, а дозорщикомъ къ ней поставившаго „не блѣднаго, мечтательнаго проповѣдника, но огромную толпу съ сверкающими глазами и крѣпкими кулаками“.

г) Такъ какъ нравственное ученіе христіанства всецѣло покоится на догматическомъ его ученіи и, въ частности, на вѣрѣ въ Бога, въ духовный міръ, въ безсмертіе человѣка, въ загробное воздаяніе, въ Богочеловѣчество Христа и т. д., то всѣ эти истины марксизмъ послѣдовательно отвергаетъ и даже не только отвергаетъ, но и кощунственно издѣвается надъ ними. Никакого Бога нѣтъ, говоритъ онъ. Христіанскій Богъ есть лишь олицетвореніе (фантастическая антропологизація) „капитала, жаждущаго власти и наслажденія“. Христосъ „полумиѳическій Сиріецъ 1-го вѣка“, существованіе котораго „весьма сомнительно“. Небо есть лишь „воздушное образованіе“ и ничего болѣе, и потому его слѣдуетъ „предоставить воробьямъ“—тѣмъ болѣе, что „съ ослабленіемъ вѣры въ небо крѣпнутъ требованія его на землѣ“. (Надпись надъ входомъ въ соціалистическое кладбище въ Берлинѣ: „Ищите въ здѣшнемъ мірѣ благъ и наслажденія; иного міра нѣтъ, какъ нѣтъ и воскресенія“).

д) Не довольствуясь простымъ, такъ сказать, пассивнымъ, теоретическимъ отрицаніемъ религіозныхъ истинъ, марксизмъ обращается съ прямыми призывами къ уничтоженію Бога, религіи и христіанства. Онъ предлагаетъ своимъ послѣдователямъ замѣнить вѣру въ Бога вѣрою въ человѣчество, въ прогрессъ, обоготвореніемъ труда, да и не самого труда собственно (послѣдній и для марксизма является бременемъ, къ облегченію котораго естественно стремиться каждому), а того, что доставляется трудомъ, именно—полнаго физическаго довольства и наслажденія, удовлетворенія не только тѣлесныхъ потребностей, но и похотей, чувственныхъ влеченій, которыя будто бы ничуть не ниже духовныхъ. Настойчиво приглашая ихъ къ массовому выходу изъ церкви и къ открытому разрыву съ христіанскимъ культомъ, онъ стремится замѣнить его культомъ соціалистическимъ: на мѣсто христіанскихъ праздниковъ пытается ввести гражданскія торжества (напр., соціалистическій праздникъ въ честь труда 1-го мая), возвышенные богослужебные гимны и пѣснопѣнія—замѣнить „пѣснями свободы“, церковные ходы и другіе торжественные обряды—церемоніальными шествіями на мѣста убійства или на могилы борцовъ соціализма и другими политическими манифестаціями, религіозныя собранія—политическими митингами, кроткую евангельскую проповѣдь любви и милосердія—бурными агитаціонными рѣчами, призывающими къ классовой враждѣ и насилію; наконецъ, на мѣсто христіанскаго мѣсяцеслова вводитъ свой календарь, въ которомъ отмѣчаетъ дни памяти своихъ преподобныхъ, исповѣдниковъ и якобы мучениковъ, чествуя напр. покушеніе Вѣры Засуличъ на Трепова (24 янв.), казнь Софьи Перовской (15 апр.), „мучениковъ Коммуны“ (25 мая) и другихъ героевъ терроризма.

е) Стремясь подорвать авторитетъ христіанства въ глазахъ трудящагося класса, марксизмъ особенно усиленно старается внушить послѣднему мысль о томъ, что оно стоитъ на сторонѣ интересовъ капитализма, не за-

мѣчая въ своей слѣпой ненависти противъ него того глубокаго противорѣчія, въ которое онъ ставитъ себя этимъ утвержденіемъ съ указаннымъ выше взглядомъ его на то же христіанство въ его первоначальной формѣ, какъ на „религію бѣдняковъ“, какъ на выраженіе „жизнепониманія римскихъ пролетаріевъ“. Какимъ историческимъ процессомъ христіанская религія отъ этого первоначальнаго назначенія своего уклонилась въ совершенно противоположную крайность, сдѣлавшись приспѣшницею богачей,— марксизмъ этого не объясняетъ. Онъ ограничивается лишь голословными кощунственными утвержденіями, что „церковь есть прислужница капитализма“, что воля послѣдняго для нея „выше воли Бога“, что „страхъ Божій существуетъ лишь для охраненія сундуковъ богачей, наполненныхъ трудомъ народа“, что религія есть „усыпляющій опіумъ“ для народа и т. п., забывая при этомъ, что церковь и нынѣ, какъ и во все время историческаго существованія своего, не знаетъ никакихъ другихъ началъ, опредѣляющихъ ея дѣятельность, кромѣ завѣтовъ Христа, оставленныхъ въ Евангеліи, и что въ ряду этихъ завѣтовъ нѣтъ сильнѣе и настойчивѣе призыва, какъ тотъ призывъ, съ которымъ она обращается къ богатымъ и знатнымъ, требуя отъ нихъ жалости и сострадания къ „труждающимся и обремененнымъ“,—нѣтъ выше и радостнѣе обѣщанія, какъ обѣщаніе послѣднимъ полнаго успокоенія отъ трудовъ и невзгодъ земного существованія,—нѣтъ, наконецъ, горше и безпощаднѣе обличеній, какъ тотъ суровый приговоръ, который она произноситъ надъ алчными и своекорыстными насильниками и притѣснителями трудящейся бѣдноты.

ж) Наконецъ, не ограничиваясь публицистической борьбой съ религіей и церковью, марксизмъ переноситъ эту борьбу на почву законодательную, требуя отъ современныхъ парламентовъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, прекращенія со стороны послѣдняго всякаго правового и матеріальнаго покровительства церковнымъ учрежденіямъ и совершеннаго обмірщенія школы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ изгнанія религіи изъ области воспитанія вообще, обращаясь для этого съ соотвѣтствующими призывами и къ современной семьѣ. (Эрфуртская программа). Правда, требованія эти смягчаются всякій разъ, какъ представителямъ марксизма для пропаганды своихъ идей приходится непосредственно обращаться къ широкимъ слоямъ населенія, въ цѣломъ сохранившаго еще сильную привязанность къ религіи и церкви. Особенно это нужно сказать о такъ называемыхъ предвыборныхъ компаніяхъ, когда двуличная, лицемѣрная тактика марксизма выступаетъ во всей своей неприглядной наготѣ. Желая обезпечить за собою симпатіи избирателей, онъ, помимо другихъ неблаговидныхъ пріемовъ, старается всячески замаскировать предъ ними свою врожденную ненависть къ христіанству, то объявляя, что онъ стоитъ за нейтралитетъ по отношенію къ церкви и считаетъ религію частнымъ дѣломъ каждаго, то выдавая себя за ревностнаго поборника началъ любви и справедливости, возвѣщенныхъ Евангеліемъ, и такимъ образомъ, какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, какъ сатана, принимающій образъ *ангела свѣтла*, старается, и часто не безуспѣшно, заманить въ свои лукавыя сѣти неопытныхъ христіанъ.

Этика марксизма.

Возможность и необходимость оцѣнки марксизма съ этической точки зрѣнія. Отвергая религію даже въ наивысшей, совершеннѣйшей ея формѣ, каковою является христіанство, считая ее случайнымъ пережиткомъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ человѣческому невѣжеству и суевѣрію, марксизмъ, какъ мы видѣли выше, самъ стремится занять ея мѣсто, выступая въ качествѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, обнимающаго собою всѣ стороны человѣческой жизни. Во всякомъ міровоззрѣніи, будетъ ли оно имѣть религіозный, философскій или научный характеръ, слѣдуетъ различать двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первая показываетъ, какъ и почему что-либо происходитъ въ міровомъ процессѣ и, въ частности, въ процессѣ исторической жизни человѣчества; вторая говоритъ о томъ, какое положеніе долженъ занять человѣкъ въ этомъ процессѣ, въ частности—какія цѣли ставитъ послѣдній для разумно-свободной дѣятельности человѣка, и какими средствами эти цѣли могутъ быть достигнуты. Хотя марксизмъ въ теоріи и отрицаетъ всякую самодѣятельность человѣка въ процессѣ исторической жизни, считая его всецѣло продуктомъ окружающей его матеріальной среды (экономическихъ отношеній), въ которой все совершается по неизмѣннымъ законамъ (именно—по закону діалектическаго развитія), однако это обстоятельство не помѣшало ему, подобно многимъ другимъ міровоззрѣніямъ, имѣющимъ детерминистическій характеръ, выступить предъ сознаніемъ современнаго общества и въ качествѣ ученія практическаго. Мало того, изъ представленнаго выше краткаго обзора историческихъ основъ марксизма можно видѣть, что самымъ происхожденіемъ своимъ онъ обязанъ былъ не столько логикѣ идей, господствовавшихъ въ умахъ западно-европейскихъ народовъ въ половинѣ XIX в., сколько логикѣ фактовъ, жизни и, въ частности, тѣмъ своеобразнымъ экономическимъ отношеніямъ, на почвѣ которыхъ возникло и развилось такъ называемое соціалистическое движеніе. Поэтому, создавая свою теорію, Марксъ имѣлъ въ виду не только дать научное объясненіе процесса исторической жизни человѣчества, но и произвести вліяніе на дальнѣйшее теченіе этой жизни въ интересахъ соціализма. На практическую сторону марксизма указываютъ и позднѣйшіе приверженцы его, когда усвояютъ теоріи историческаго матеріализма значеніе наилучшаго „метода не только для діалектическаго разслѣдованія прошедшаго, но и для практической работы въ настоящемъ и для яснаго познанія будущаго“, или когда прямо называютъ ее „философіею дѣйствія“, дающею возможность „не только правильно объяснять исторію, но и лучше прежняго дѣлать ее.“ Отсюда открывается возможность и въ то же время необходимость разсмотрѣнія марксизма съ практической и прежде всего съ этической точки зрѣнія. Итакъ, что же представляетъ собою марксизмъ въ этическомъ отношеніи,—каковы его этическія основы, изъ которыхъ онъ исходитъ въ своемъ ученіи о принципахъ, опредѣляющихъ поведеніе человѣка, т. е. его дѣятельность въ историческомъ процессѣ, какія цѣли ставитъ онъ для этой дѣятельности и какія средства рекомендуетъ для ихъ осуществленія?

Основы марксистской этики; способъ опредѣленія ихъ. Приступая къ разсмотрѣнію этическихъ основъ марксизма, мы должны замѣтить прежде всего, что во всякомъ практическомъ ученіи, которое носитъ соціальный характеръ и, слѣдовательно, имѣетъ ближайшее отношеніе къ внѣшней сторонѣ человѣческой жизни, этическій элементъ не выступаетъ ясно въ своей отдѣльности отъ правового, политическаго и прочихъ элементовъ, изъ которыхъ слагается соціальная жизнь человѣчества. Особенно это слѣдуетъ сказать объ ученіяхъ, въ которыхъ, подобно марксизму, отрицается всякое самостоятельное значеніе за духовною стороною человѣческаго существа и проповѣдуется возможность преобразованія человѣческой жизни путемъ измѣненія исключительно ея внѣшнихъ формъ, не касаясь ея внутренней сущности. Отсюда до нѣкоторой степени справедливо утверждаютъ моралисты, что у марксизма, собственно говоря, нѣтъ этики, а есть только тактика, т. е. извѣстная система правилъ, опредѣляющихъ внѣшнія дѣйствія и поступки человѣка, направленные къ извѣстнымъ внѣшнимъ же цѣлямъ и оцѣниваемые исключительно по степени соотвѣтствія или пригодности ихъ, какъ средствъ къ этимъ цѣлямъ. Но поскольку и въ марксизмѣ, разсматриваемомъ съ практической стороны, соціальная дѣятельность человѣка мыслится свободною; поскольку ей ставятся опредѣленныя цѣли, къ которымъ она *должна* направляться; поскольку ей указываются наилучшія средства, которыми она *должна* пользоваться при достиженіи этихъ цѣлей, а выборъ цѣлей и средствъ не возможенъ безъ опредѣляющихъ его мотивовъ; иными словами — поскольку соціальныя (правовыя, политическія и т. п.) нормы имѣютъ въ своей основѣ начала этическія, постольку можно говорить и объ этическихъ основахъ марксизма. Опредѣленіе этихъ основъ возможно двоякимъ способомъ: а) путемъ выведенія ихъ изъ теоретическихъ началъ марксизма и б) путемъ разсмотрѣнія его тактики, т. е. частныхъ правилъ, опредѣляющихъ поведеніе соціалъ-демократіи въ различныхъ областяхъ соціальной жизни. Начнемъ съ перваго пути.

Отношеніе практической стороны въ марксизмѣ къ теоретической и опредѣляемыя этимъ отношеніемъ основныя предпосылки марксистской этики — взглядъ на зло и ученіе о высшемъ благѣ, какъ конечной цѣли человѣческой жизни. Во всякомъ міровоззрѣніи практическая сторона вытекаетъ изъ теоретической и покоится на ней, какъ на своемъ основаніи. Въ теоретическомъ отношеніи марксизмъ, какъ мы видѣли выше, представляетъ собою приложеніе началъ эволюціоннаго матеріализма къ исторической жизни человѣчества: онъ отрицаетъ бытіе самостоятельнаго духовнаго начала въ мірѣ и всѣ міровыя явленія считаетъ видоизмѣненіемъ матеріи; человѣкъ, по его ученію, есть также продуктъ матеріальнаго движенія; онъ произошелъ путемъ трансформаціи изъ ближайшихъ высшихъ формъ животнаго міра и въ дальнѣйшей своей жизни, ограничивающейся его земнымъ существованіемъ, всецѣло зависитъ отъ условій окружающей его матеріальной среды, вліяющихъ на него въ формѣ независимыхъ отъ его воли матеріальныхъ производственныхъ отношеній. Въ полномъ соотвѣтствіи съ изложенными теоретическими началами марксизма

стоитъ и его практическое ученіе, всецѣло проникнутое духомъ матеріализма. Основною предпосылкою всякой этической системы, не исключая и матеріалистическихъ, служитъ мысль о несовершенствѣ наличной дѣйствительности въ человѣческой жизни и необходимости устраненія его путемъ соотвѣтствующаго преобразованія этой жизни. Основное зло (несовершенство) современной жизни марксизмъ видитъ въ неравномѣрномъ распредѣленіи экономическихъ благъ между людьми, а источникъ этого зла въ частной собственности. Отъ этого зла проистекаютъ всякія неправды и нестроенія въ человѣческой жизни. Сами по себѣ люди ни худы ни хороши: они таковы, какими только и могутъ быть при настоящемъ положеніи вещей. Будучи всецѣло продуктомъ условій окружающей ихъ матеріальной среды, они могутъ измѣниться къ лучшему лишь подъ вліяніемъ измѣненія этой среды. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ оцѣнкѣ наличной дѣйствительности человѣческой жизни, марксизмъ является ученіемъ одностороннимъ, извращающимъ истинное соотношеніе между духовною и матеріальною стороною этой жизни, когда отрицаетъ грѣховную порчу человѣческой природы, служащую основнымъ источникомъ всѣхъ нестроеній человѣческой жизни, не исключая и экономическихъ. Слѣдствіе здѣсь ставится на мѣсто причины и наоборотъ. Въ этомъ заключается первая этическая неправда марксизма. Далѣе, поставляя все зло человѣческой жизни въ матеріальныхъ лишеніяхъ, марксизмъ и все благо этой жизни полагаетъ въ матеріальномъ благополучіи, въ физическомъ довольствѣ, и такимъ образомъ одно изъ условій земной жизни человѣка, именно—матеріальную основу ея, ставитъ на мѣсто верховной, конечной цѣли этой жизни. Въ противоположность извѣстному евангельскому призыву (Мѳ. VI, 33), онъ какъ бы такъ говоритъ своимъ послѣдователямъ: „ищите прежде всего земного и именно матеріальнаго благополучія, а остальное все, т. е. такъ называемая духовная культура, и, въ частности, установленіе нормальныхъ отношеній между людьми, само собою приложится вамъ,“ какъ естественная „надстройка“ надъ нормальными экономическими отношеніями. Правда, представители марксизма нерѣдко говорятъ о „гармоническомъ развитіи человѣческой природы,“ какъ одной изъ цѣлей историческаго процесса (Эрфуртская программа); но подъ этимъ „гармоническимъ развитіемъ“ они разумѣютъ не всестороннее совершенствованіе духовной природы человѣка, соотвѣтственно изначала заложенному въ ней нравственному идеалу, а лишь „развитіе способностей къ наибольшему наслажденію,“ каковой усовершенствованной алчности будетъ соотвѣтствовать и возрастаніе источниковъ и способовъ наслажденія (Бебель, Баксъ и др.) Въ этомъ обезпеченіи каждому „наибольшей мѣры пріятностей въ жизни“ и будетъ заключаться соціалистическій „рай“ на землѣ—„царство высшаго, идеальнаго себялюбія, примиреннаго съ общимъ благомъ“ (Бебель). Такимъ образомъ въ предпочтеніи временныхъ, земныхъ и притомъ матеріальныхъ благъ таковымъ же благамъ духовнымъ, не говоря уже о небесныхъ и вѣчныхъ благахъ, которыя онъ совершенно отрицаетъ и даже, какъ мы видѣли выше, кощунственно издѣвается надъ ними,—лежитъ вторая этическая неправда марксизма. Обѣ указанныя черты этическаго міровоззрѣнія марксизма являются общими у него со всѣми другими матеріалистическими

системами, древними и новыми; онѣ же роднятъ его и съ главнѣйшимъ его врагомъ—капитализмомъ, въ основѣ котораго лежитъ тотъ же эпикурейскій взглядъ на жизнь съ проистекающею изъ него жаждою обладанія земными благами, служащею основною движущею причиною капиталистическихъ стремленій.

Взглядъ марксизма на принципы человѣческой дѣятельности: а) несостоятельность его попытокъ обосновать соціалистическія требованія на возвышенныхъ началахъ христіанской любви и справедливости. Единственно, что выгодно отличаетъ марксизмъ отъ всѣхъ другихъ этическихъ системъ, возникшихъ на матеріалистической почвѣ, и пріобрѣтаетъ ему естественныя симпатіи въ современномъ обществѣ, это—требованіе равномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ благъ между *всѣми* людьми, общесоціалистическое стремленіе къ водворенію *всеобщаго* физическаго довольства на землѣ, *всеобщей* сытости. Но, спрашивается, во имя чего же именно марксизмъ предъявляетъ это, по существу своему, справедливое требованіе къ современному человѣчеству? На этотъ вопросъ послѣдователи его отвѣчаютъ обыкновенно ссылкою на возвышенные принципы любви и справедливости, возвѣщенные христіанствомъ, или, что то же, на начала свободы, равенства и братства, подъ знаменемъ которыхъ впервые зародилось соціалистическое движеніе. Не трудно однако убѣдиться въ томъ, что всѣ эти возвышенные принципы не имѣютъ для себя почвы въ марксизмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ученіе, отвергшее всякое значеніе за религіею и христіанствомъ, осмѣявшее даже нравственное ученіе послѣдняго, предъ возвышеннымъ характеромъ котораго доселѣ преклонялись даже люди невѣрующіе, какъ напр. представители западнаго раціонализма, отрицающіе его догматическую сторону; ученіе, которое, исходя изъ началъ эволюціоннаго матеріализма, признаетъ человѣка лишь высшимъ типомъ животнаго и основнымъ закономъ человѣческой жизни считаетъ установленный Дарвиномъ для всего органическаго міра законъ борьбы за существованіе,—не можетъ безъ противорѣчія себѣ самому ссылаться на возвышенные принципы христіанской любви и справедливости, не можетъ обращаться съ призывами къ человѣческой жалости и состраданію. Если указанное противорѣчіе не выступаетъ предъ нами во всей своей рѣзкости; если указанные возвышенные призывы, при всей своей безпочвенности въ устахъ призывающихъ, всетаки находятъ себѣ соотвѣтствующій откликъ въ сердцахъ современниковъ,—то причина этого заключается въ томъ, что всѣ мы, даже невѣрующіе среди насъ, съ малыхъ лѣтъ воспитались на началахъ христіанства, привыкли дышать его атмосферою, унаслѣдовали и впитали въ себя, вмѣстѣ съ молокомъ матери, плоды его облагораживающаго вліянія на цѣлый рядъ предшествующихъ поколѣній. Лицемѣрное, неискренное отношеніе марксизма къ дорогимъ каждому истинному христіанину словамъ: „справедливость“, „любовь“, „братство“ и т. п.—выступаетъ во всей своей неприкрашенной наготѣ при первой же попыткѣ сопоставить его съ основными началами марксистскаго міровоззрѣнія.

б) Отрицаніе въ марксизмѣ общеобязательныхъ и неизмѣнныхъ нравственныхъ нормъ и признаніе эгоизма основнымъ

началомъ, опредѣляющимъ поведеніе человѣка. Изъ основной догмы марксизма, по которой всякая „идеологія“ есть лишь отраженіе постоянно измѣняющейся экономики, между прочимъ, съ логическою необходимостью слѣдуетъ и то, что въ духовной жизни человѣка и, въ частности, въ той ея сторонѣ, которая называется этическою, нѣтъ ничего вѣчнаго, постояннаго, неизмѣннаго,—нѣтъ, слѣдовательно, и не можетъ быть никакихъ неизмѣнныхъ и общеобязательныхъ нравственныхъ принциповъ: добро, правда, любовь и т. п. высокія истины, предъ которыми доселѣ благоговѣетъ человѣчество, для марксизма являются лишь пустыми схемами, лишенными опредѣленнаго содержанія,—красивыми словами, въ которыя онъ не прочь иногда задрапироваться, не придавая имъ въ то же время никакого реальнаго значенія. Что всѣ таковые принципы марксизмъ рѣшительно и послѣдовательно отвергаетъ, это видно прежде всего изъ соціалъ-демократическихъ сочиненій, посвященныхъ разработкѣ нравственныхъ вопросовъ на соціалистическихъ началахъ (каковы, напр., „Соціализмъ и этика“ Менгера, „Новое ученіе о нравственности“ его же, „Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи“ Каутскаго и др.). „Нравственность,—читаемъ мы въ нихъ,—не есть что-либо высшее, неизмѣнное“ „Добро и зло не представляютъ сами по себѣ ничего абсолютнаго; объективныхъ добродѣтелей и пороковъ совсѣмъ не существуетъ“. „Наши понятія о справедливости, о добрѣ, о злѣ—сами по себѣ лишь пустыя схемы“ „Всякая нравственность условна и безнравственность есть также понятіе относительное.“ Нравственность есть лишь, „продуктъ соотношенія соціальныхъ силъ.“ „Нравственно то, что соотвѣтствуетъ соціальнымъ потребностямъ данной эпохи, а потребности эти опредѣляются условіями производства.“ Сама совѣсть, „ея же ничто же въ мірѣ нужнѣйше“ (канонъ Андрея Критскаго), по марксизму, есть лишь „боязнь невыгодныхъ послѣдствій сопротивленія общепринятому и силѣ,“ а „сила и мораль одно и то же.“ Мало того, марксизмъ не только признаетъ особые кодексы нравственности для каждой отдѣльной эпохи исторической жизни человѣчества, но усвояетъ особую мораль и каждому отдѣльному классу данной эпохи. Добро, по его ученію, есть то, что соотвѣтствуетъ интересамъ даннаго класса, зло—что противорѣчитъ этимъ интересамъ; а такъ какъ интересы отдѣльныхъ классовъ часто бываютъ различны между собою до противоположности, то таковыми же являются и понятія о добрѣ и злѣ у ихъ представителей. Но во всякомъ случаѣ „безнравственно лишь уклоненіе отъ своей морали и ни въ какомъ случаѣ—отъ чужой.“ Такимъ образомъ для марксизма нѣтъ общеобязательныхъ и неизмѣнныхъ нравственныхъ нормъ, безъ которыхъ не мыслима общечеловѣческая этика съ присущимъ ей характеромъ безусловности и нецерекаемой властности надъ сознаніемъ человѣческимъ. Единственное начало для опредѣленія нормальной дѣятельности человѣка полагается имъ въ животномъ эгоизмѣ, единственно достойный человѣка мотивъ для этой дѣятельности—въ матеріальномъ интересѣ. Правда, онъ говоритъ не о личномъ, присущемъ отдѣльнымъ особямъ, а о собирательномъ эгоизмѣ,—не объ индивидуальномъ, а главнымъ образомъ о классовомъ интересѣ. Но это не измѣняетъ существа дѣла, такъ какъ эгоизмъ извѣстнаго класса не есть что-

либо отдѣльное отъ эгоизма составляющихъ его членовъ, но представляетъ собою лишь простое обобщеніе частныхъ эгоизмовъ, логическую абстракцію ихъ, и потому, будучи разсматриваемъ въ качествѣ особаго, самостоятельнаго начала, опредѣляющаго соціальную дѣятельность человѣка, онъ есть не что иное, какъ психологическій абсурдъ и соціологическая утопія. Въ самомъ дѣлѣ, эгоизмъ ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть единственною основою общественности, ибо онъ въ самой природѣ своей носитъ источникъ раздѣленія (атомизаціи) общественныхъ элементовъ, а не объединенія ихъ; и нельзя представить себѣ никакого общества, класса или даже партіи, въ которыхъ матеріальные, жизненные интересы отдѣльныхъ составляющихъ ихъ единицъ всегда и во всемъ совпадали бы между собою. Если же это справедливо, то въ такомъ случаѣ позволительно спросить у марксистовъ, что же можетъ побудить человѣка, руководящагося въ своей дѣятельности исключительно эгоизмомъ, къ предпочтенію интересовъ другихъ лицъ,—пусть это будутъ даже интересы цѣлой партіи, класса, общества, наконецъ, всего человѣчества, — своимъ собственнымъ, личнымъ интересамъ, когда тѣ и другіе не совпадаютъ между собою. Вѣдь, сліяніе отдѣльныхъ животныхъ эгоизмовъ само по себѣ еще не дѣлаетъ ихъ болѣе человѣчными, равно какъ простое совпаденіе частныхъ матеріальныхъ интересовъ нисколько не повышаетъ ихъ моральной цѣнности!

Указанная многопринципность или, точнѣе, безпринципность марксистской этики съ особенною ясностью выступаетъ въ практикѣ соціалъ-демократической партіи. Въ выставляемыхъ ею девизахъ и лозунгахъ, служащихъ выраженіемъ настроенія и характера ея практической дѣятельности, можно различать три слоя совершенно несродныхъ между собою соціально-этическихъ идей, или принциповъ. Такъ, къ представителямъ имущихъ классовъ доктринеры соціалъ-демократіи обычно обращаются съ обрывками традиціонной христіанской морали, именно—съ возвышенными требованіями любви и справедливости къ ближнимъ, особенно къ трудящимся и обездоленнымъ, съ рѣзкими обличеніями въ эгоизмѣ, своекорыстіи, роскоши, безсовѣстной эксплоатаціи народа и т. п., всюду подчеркивая уклоненіе ихъ отъ высокихъ завѣтовъ христіанства. Въ то же время пролетаріату они стараются внушить совершенно иной, противоположный кодексъ моральныхъ требованій, всецѣло проникнутый началами вражды и ненависти, всѣми средствами воспитывая въ немъ „боевое настроеніе,“ разжигая въ немъ зависть и озлобленіе противъ богатыхъ, обезпеченныхъ классовъ, какъ главные факторы въ борьбѣ за „существованіе,“ т. е. за свои экономическія и политическія права. Наконецъ, въ своей собственной практической дѣятельности они предпочитаютъ руководиться принципами ницшеанской сверхчеловѣческой морали съ значительною примѣсью эпикурейства, систематически подготовляя пролетаріатъ въ качествѣ могущественнаго и послушнаго орудія къ захвату политической власти въ будущемъ, но въ то же время не забывая, когда къ этому представляется случай, брать отъ жизни все, что только она можетъ дать, въ настоящемъ и нерѣдко пользуясь для этого скудными средствами того же самаго пролетаріата, обрекаемаго ими на голодъ и всякаго рода лишенія (Бебель, Либкнехтъ и другіе вожди соціалъ-демократіи).

в) Христіанскій идеалъ свободы, равенства и братства въ марксистскомъ освѣщеніи. Желая затушевать внутреннюю безпринципность своей тактики, соціалъ-демократы много и съ большимъ воодушевленіемъ говорятъ о традиціонномъ положительномъ идеалѣ, унаслѣдованномъ соціализмомъ отъ французскаго либерализма второй половины XVIII ст., именно объ идеалѣ свободы, равенства, братства. Но, подобно своимъ предшественникамъ—вождямъ французской революціи, они берутъ этотъ по существу своему христіанскій идеалъ въ такомъ пониманіи, при свѣтѣ котораго съ одной стороны совершенно извращается его этическая сущность, а съ другой—исчезаетъ всякая надежда на его практическую осуществимость. Такъ, прежде всего, „свобода", сущность которой полагается христіанствомъ въ отсутствіи препятствій къ развитію человѣческой личности соотвѣтственно заложенному въ ея природѣ идеалу совершенства, въ каковомъ пониманіи своемъ она представляется вполнѣ совмѣстимою съ внѣшнимъ порядкомъ и законностью, съ іерархическимъ дѣленіемъ людей на управляющихъ и управляемыхъ и съ подчиненіемъ однихъ другимъ въ дѣлахъ, касающихся внѣшней стороны человѣческой жизни,—соціалъ-демократами понимается, наоборотъ, какъ независимость отъ всякихъ ограниченій, т. е. ей усвояется безусловный характеръ Но такое пониманіе человѣческой свободы, помимо того, что оно лишаетъ послѣднюю всякаго этическаго значенія, обращая ее въ абсолютный, ничѣмъ не сдерживаемый личный произволъ, вноситъ еще и внутреннее логическое противорѣчіе въ марксистскій идеалъ и въ силу этого устраняетъ всякую возможность переустройства общества по этому идеалу,—такъ какъ абсолютная свобода одного означаетъ таковое же рабство другихъ и такимъ образомъ исключаетъ возможность какого либо равенства между людьми; а послѣдовательное проведеніе такой свободы въ жизнь можетъ повести лишь къ общей анархіи, къ „войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ" и имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь взаимное истребленіе людей или, въ лучшемъ случаѣ, водвореніе крайняго деспотизма въ отношеніяхъ между людьми, подобнаго тому, который господствовалъ въ жизни древнихъ восточныхъ народовъ. И сами соціалъ-демократы обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ такую свободу лишь въ будущемъ „царствѣ свободы" (несбыточность этихъ обѣщаній увидимъ ниже); въ настоящемъ же предлагаютъ имъ пока довольствоваться „желѣзною партійною дисциплиною," безъ которой считаютъ невозможнымъ осуществленіе своихъ соціалистическихъ мечтаній.

Подобнымъ же образомъ соціалъ-демократы извращаютъ и идею равенства всѣхъ людей. Въ то время какъ христіанство полагаетъ сущность этой идеи въ признаніи равенства всѣхъ людей по ихъ идеальной, духовно-нравственной природѣ, какъ созданной по образу Божію, предназначенной быть Его подобіемъ и для сего искупленной драгоцѣнною кровію Господа нашего І. Христа, короче—въ признаніи равенства всѣхъ людей въ Богѣ, во Христѣ, въ отношеніи къ вѣчности, и отсюда уже выводитъ требованіе равенства для всѣхъ людей и предъ внѣшнимъ закономъ, т. е равной, для всѣхъ одинаковой *возможности* развивать свойства своей богоподобной природы,—соціалисты стремятся уравнять всѣхъ людей *во всѣхъ отношеніяхъ* чрезъ

поставленіе ихъ въ одинаковыя условія матеріальнаго существованія. Но, помимо того, что такое безусловное равенство всѣхъ людей и во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ человѣческой свободой, понимаемой ими также въ безусловномъ смыслѣ, оно, какъ и послѣдняя, совершенно неосуществимо въ жизни. Такого равенства нѣтъ нигдѣ въ мірѣ существъ, стоящихъ выше и ниже человѣка,—нѣтъ и не можетъ быть его и въ жизни человѣческой. Въ самомъ дѣлѣ, такія различія, какъ различія по полу, по возрасту, по физическимъ и духовнымъ дарованіямъ, по степени таланта, трудолюбія, по степени работы надъ собою, всегда останутся между людьми, вопреки нелѣпой мечтѣ соціалъ-демократовъ, будто всякое неравенство между людьми само собою исчезнетъ съ устраненіемъ экономическаго неравенства въ ихъ жизни. Опытъ показываетъ, что даже при совершенно равныхъ условіяхъ происхожденія и физическаго и духовнаго развитія люди однако не бываютъ вполнѣ одинаковы между собою (дѣти одной и той же семьи, даже близнецы). А разъ указанныя различія по самой природѣ своей неискоренимы, то желать, при такихъ условіяхъ, быть все же равными было бы чистымъ безуміемъ, требовать же равенства для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ было бы явнымъ нарушеніемъ принципа справедливости („для равныхъ равенство, для неравныхъ неравенство“). Да и сами соціалъ-демократы обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ осуществленіе полнаго равенства въ жизни лишь въ отдаленномъ будущемъ; въ настоящемъ же они далеки отъ послѣдовательнаго проведенія принципа этого равенства даже въ области внутреннихъ отношеній между членами своей партіи. Такъ, вожди соціалъ-демократіи, присвоя себѣ однимъ свободу дѣйствій и право на безбѣдное, а подчасъ и роскошное существованіе, въ то же время всѣ усилія свои направляютъ къ тому, чтобы держать рабочія массы въ нищетѣ и въ желѣзной партійной дисциплинѣ, съ легкимъ сердцемъ принося ихъ въ жертву сомнительному благу грядущихъ поколѣній. Нечего и говорить объ отношеніяхъ ихъ къ остальной части человѣчества, съ точки зрѣнія марксизма просто на просто недостойной существованія.

Что касается, наконецъ, идеи братства, то этотъ третій лозунгъ, начертанный на знамени революціонно-соціалистическаго движенія, въ противоположность первымъ двумъ, понимается марксистами въ слишкомъ узкомъ, ограниченномъ смыслѣ. Слово „братъ“ здѣсь сознательно подмѣнивается словомъ „товарищъ“ и означаетъ лишь члена своей партіи, т. е. соціалъ-демократической. Ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ партіи, заповѣдуется вражда, ненависть, злоба, и такимъ образомъ во всей силѣ возстановляется ветхозавѣтный принципъ: „возлюби ближняго своего и возненавидь врага своего“ и даже болѣе того—мораль „варвара и скиѳа,“ которая лежала въ основѣ жизни языческихъ народовъ. Истинное братство, понимаемое даже въ узкомъ, партійномъ, классовомъ смыслѣ, не имѣетъ для себя твердой почвы въ марксизмѣ, такъ какъ въ основаніе партійныхъ товарищескихъ отношеній полагается здѣсь не любовь, какъ въ христіанскомъ братствѣ, а такъ называемый альтруизмъ, основанный на солидарности интересовъ, на общности партійныхъ цѣлей, т. е. тотъ же личный, животный эгоизмъ, только умноженный на число членовъ партіи,

понятый въ собирательномъ, классовомъ смыслѣ. Такое начало по самому существу своему не только не можетъ содѣйствовать „соціальному умиротворенію“ человѣчества, но не содержитъ въ себѣ прочной гарантіи и для сохраненія партійнаго единства,—ибо эгоизмъ по самой природѣ своей можетъ служить только источникомъ раздѣленія между людьми; простое же совпаденіе отдѣльныхъ эгоизмовъ, или такъ называемая солидарность интересовъ, наблюдаемая въ жизни людей, какъ по началу своему есть дѣло случая, такъ и въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи подвержена всякимъ случайностямъ. Наконецъ, принципъ товарищества, основанный на общности интересовъ, является началомъ, обезличивающимъ человѣка, и при своемъ послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь ведетъ къ господству, тираніи большинства надъ меньшинствомъ, къ насилію надъ личностью и въ концѣ концовъ къ приниженію послѣдней до духовнаго уровня большинства. Обычнымъ выраженіемъ его является всѣмъ извѣстный товарищескій „терроръ“ съ его нетерпимостью къ проявленіямъ индивидуальной свободы не только въ жизни, но и въ мысли, съ его бойкотами, палочной расправой и другими способами мести къ иномыслящимъ, не имѣющими ничего общаго съ христіанскою идеею братской любви.

Безнравственность средствъ, рекомендуемыхъ марксизмомъ для достиженія соціалистическихъ цѣлей. Для полноты характеристики марксизма въ этическомъ отношеніи остается коснуться вопроса о средствахъ, которыми онъ думаетъ осчастливить человѣчество. Средства эти оцѣниваются имъ лишь по степени пригодности ихъ къ осуществленію задачъ соціализма и ни по какимъ другимъ основаніямъ (да иныхъ основаній и нѣтъ въ марксизмѣ), чѣмъ открывается широкій просторъ для примѣненія къ соціалъ-демократической тактикѣ извѣстнаго іезуитскаго принципа: „цѣль оправдываетъ средства“. Съ какою откровенною послѣдовательностью соціалъ-демократы проводятъ этотъ принципъ на практикѣ, для убѣжденія въ этомъ достаточно самаго бѣглаго обзора тѣхъ тактическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ они стараются обезпечить успѣхъ соціалистическому движенію.

Признавъ частную собственность на орудія производства основнымъ источникомъ соціальнаго зла, марксизмъ, вмѣстѣ съ другими видами соціализма, и единственное средство къ уничтоженію этого зла видитъ въ обобществленіи производственныхъ средствъ. Но такъ какъ ни опытъ жизни, ни наличность свойствъ человѣческой природы не даютъ никакихъ основаній для надежды на то, что когда-либо всѣ частные собственники добровольно откажутся отъ своихъ правъ на владѣніе орудіями производства въ пользу общества, то остается допустить, что обобществленіе этихъ орудій можетъ быть достигнуто лишь путемъ насилія. Такимъ образомъ марксизмъ въ принципѣ не можетъ отказаться отъ революціоннаго способа осуществленія соціалистическихъ задачъ. Вопросъ остается лишь въ томъ, всегда ли этотъ способъ можетъ и долженъ примѣняться на практикѣ и одинъ ли онъ пригоденъ для рѣшенія соціальной проблемы, или же существуютъ для этой цѣли и другіе способы болѣе мирнаго характера. Различное рѣшеніе этого вопроса еще при жизни Маркса повело къ выдѣленію изъ марксизма двухъ крайнихъ, противополож-

ныхъ теченій: реформизма и революціоннаго соціализма, составившихъ правое и лѣвое крыло соціалъ-демократіи. Самъ Марксъ въ началѣ своей дѣятельности стоялъ за революціонный способъ борьбы съ капитализмомъ. Но послѣ того какъ неоднократный опытъ преждевременныхъ революціочныхъ выступленій, обыкновенно заканчивавшихся успленіемъ реакціи, показалъ, что революція только тогда можетъ имѣть успѣхъ, когда она встрѣчаетъ себѣ сочувствіе и поддержку въ широкихъ слояхъ населенія,—Марксъ и его послѣдователи признали необходимымъ на время отказаться отъ революціоннаго способа борьбы, пока не будетъ создана сила, при помощи которой можно бы было совершить соціальный переворотъ. Такую силу они и видятъ въ пролетаріатѣ, какъ такомъ классѣ населенія, который а) силою вещей все болѣе и болѣе растетъ на счетъ другихъ классовъ общества, по мѣрѣ развитія капитализма въ странѣ, и б) является наиболѣе заинтересованнымъ въ проектируемомъ соціалистами переворотѣ. И вотъ, не упуская изъ виду конечной цѣли соціалистическаго движенія, соціалъ-демократы всѣ свои заботы сосредоточиваютъ на томъ, чтобы пріобщить къ этому движенію пролетаріатъ, ввести его въ сознаніе соціализма, и для осуществленія этой ближайшей практической задачи не останавливаются ни предъ какими средствами, какъ бы они ни были гнусны и даже безчеловѣчны.

Выше, при разсмотрѣніи отношеній марксизма къ христіанству, было отмѣчено, къ какимъ лживымъ и лицемѣрнымъ тактическимъ пріемамъ прибѣгаютъ соціалъ-демократы, чтобы подорвать всякое значеніе христіанской вѣры и нравственности въ глазахъ современнаго общества, чтобы искоренить въ немъ всякое уваженіе къ авторитету церкви и ея учрежденіямъ. Подобными же пріемами они стараются принизить значеніе государства, закона, власти, политическихъ и правовыхъ учрежденій, брака, семьи и т. п. Пролетаріату настойчиво внушается мысль, что всѣ эти устои, на которыхъ держится жизнь современнаго общества, приспособлены къ поддержкѣ капитализма и къ угнетенію трудящихся и потому подлежатъ уничтоженію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ искусственно разжигается ненависть къ высшимъ сословіямъ общества, какъ состоящимъ изъ тунеядцевъ, бездѣльниковъ, паразитовъ, питающихся трудомъ народа, и особенно къ имущественнымъ классамъ, какъ исконнымъ врагамъ его: въ преувеличенномъ видѣ изображается роскошь богачей, ихъ безсердечіе, безсовѣстная эксплоатація ими народа и наряду съ этимъ дается столь же преувеличенная картина народнаго безправія и нищеты; тенденціозно доказывается невозможность улучшенія правового и матеріальнаго положенія народа при существующемъ строѣ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуются заманчивыя картины физическаго довольства и чисто животнаго благополучія въ соціалистическомъ царствѣ, наступленіе котораго обѣщается въ самомъ недалекомъ будущемъ. Наряду съ этимъ идетъ непомѣрное восхваленіе самого пролетаріата, какъ единственнаго сословія, имѣющаго право на существованіе, какъ сословія будущихъ „гражданъ вселенной," которые одни только заслуженно носятъ имя человѣка; возвеличивается на всѣ лады пролетарскій трудъ, какъ единственно производительный и цѣнный въ жизни; превозносится его политическая сила, которая сдѣлаетъ его спаси-

телемъ человѣчества, и т. п. Всѣ эти и подобные пріемы находятъ себѣ широкое примѣненіе въ предназначенныхъ для народа публицистическихъ брошюрахъ, митинговыхъ рѣчахъ и партійныхъ пѣсняхъ. Съ другой стороны соціалъ-демократами принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать настоящее положеніе пролетаріата дѣйствительно безвыходнымъ и тѣмъ довести его до крайней степени озлобленія противъ существующаго строя жизни (по принципу: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше"). Съ этою цѣлію ведется самая усиленная борьба со всякими начинаніями правительства, общества и самихъ рабочихъ, имѣющими своею задачею улучшеніе правового и матеріальнаго положенія послѣднихъ: съ законодательною дѣятельностью правительства, направленною къ урегулированію экономическихъ и правовыхъ отношеній и, въ частности, къ огражденію интересовъ рабочихъ; съ благотворительными учрежденіями—общественными и церковными, съ профессіональными рабочими союзами, кооперацiями разныхъ видовъ и т. п. Такимъ образомъ сознательная и преднамѣренная ложь, обманъ, лицемѣріе; систематическое вытравленіе самыхъ высокихъ и благородныхъ чувствъ въ народной душѣ; потворство самымъ грубымъ животнымъ инстинктамъ толпы и въ то же время содѣйствіе ухудшенію матеріальнаго и правового положенія ея—вотъ тѣ обычныя средства, которыми соціалъ-демократы готовятъ изъ пролетаріата могучее орудіе для борьбы съ существующимъ строемъ, въ ожиданіи того вожделѣннаго момента, когда можно будетъ бросить эту насыщенную злобою и звѣрствомъ толпу въ очагъ революціи и съ помощію ея захватить власть въ свои руки. Больше презрѣнія къ человѣческой личности, меньше уваженія къ человѣческому достоинству трудно себѣ представить!

Но, можетъ быть, весь этотъ неисчислимый нравственный вредъ, причиняемый тактикою соціалъ-демократіи народнымъ массамъ, а чрезъ нихъ и всему современному обществу, хоть отчасти искупается какими-либо практическими выгодами соціализма? Вопросъ этотъ ведетъ къ необходимости оцѣнки марксизма и въ утилитарно-практическомъ отношеніи, къ каковой оцѣнкѣ и переходимъ.

Несостоятельность марксизма съ утилитарно-практической точки зрѣнія.

Такъ какъ марксизмъ, разсматриваемый въ качествѣ практическаго ученія, имѣетъ своею задачею содѣйствовать успѣху соціалистическаго движенія въ современномъ обществѣ, то для оцѣнки его въ утилитарно-практическомъ отношеніи необходимо разсмотрѣть, каково то будущее человѣчества, къ которому стремится привести его соціализмъ,—осуществимо ли оно при наличныхъ условіяхъ земного существованія людей, и если осуществимо, то насколько оно соотвѣтствуетъ самымъ существеннымъ и неискоренимымъ потребностямъ и влеченіямъ человѣческой природы.

Отсутствіе яснаго представленія о будущемъ строѣ соціальной жизни человѣчества въ научной соціалистической литературѣ и вытекающая отсюда необходимость ограничиться при оцѣнкѣ этого строя разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ его основъ, указанныхъ Марксомъ. Приступая къ разсмотрѣнію соціалистическаго строя жизни, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сами представители научнаго соціализма весьма неохотно останавливаются на его выясненіи и если говорятъ о немъ, то обыкновенно въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Въ оправданіе свое Марксъ и его ближайшіе послѣдователи, какъ извѣстно, ссылались на то, что въ настоящее время невозможно предусмотрѣть будущихъ успѣховъ въ развитіи техники и другихъ матеріальныхъ факторовъ, въ зависимости отъ которыхъ слагается соціальная жизнь человѣчества. Но въ дѣйствительности причина указаннаго явленія лежитъ гораздо глубже: она кроется въ той односторонности, которою характеризуется марксистское пониманіе исторической жизни человѣчества, и обусловливаемой ею логической невозможности вывести и объяснить все разнообразіе содержанія этой жизни изъ законовъ, опредѣляющихъ ея экономическую сторону. Отсюда становится совершенно понятнымъ, почему современный соціализмъ силенъ лишь своимъ отрицаніемъ, критикою, своими разрушительными тенденціями и въ то же время обнаруживаетъ поразительное отсутствіе въ себѣ творческихъ, созидательныхъ началъ. До самаго послѣдняго времени будущее соціалистическое общество понимается имъ исключительно лишь съ экономической стороны,—какъ общечеловѣческій хозяйственный союзъ, или товарищество, имѣющее своимъ назначеніемъ удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ своихъ членовъ. Но каково будетъ это общество въ правовомъ и политическомъ отношеніи, какъ сложится въ немъ личная и семейная жизнь его членовъ, въ какой мѣрѣ и какими способами будутъ удовлетворяться духовныя потребности ихъ,—на всѣ эти и подобные вопросы онъ не даетъ яснаго и надлежаще обоснованнаго отвѣта. Правда, въ публицистикѣ современнаго соціализма нерѣдко можно встрѣтить довольно полныя и заманчивыя картины соціалистическаго земного „рая“. Здѣсь обѣщается, напр., не только уменьшеніе общественно-необходимаго труда до 5 и даже до 3—2 часовъ въ день; обращеніе его путемъ разнаго рода усовершенствованій изъ тяжелаго бремени въ пріятное развлеченіе; полное освобожденіе отъ него дѣтей, юношей и старцевъ; необычайная продуктивность труда вслѣдствіе прогресса техники и правильной организаціи производства; обезпеченіе за каждымъ права на полученіе всего продукта своего труда, равно какъ и права на самый трудъ, сообразно склонностямъ и способностямъ каждаго; полное удовлетвореніе всѣхъ жизненныхъ потребностей и обезпеченіе каждому наибольшей суммы наслажденій; но и—полный расцвѣтъ наукъ и искусствъ; совершенство людей въ физическомъ и духовномъ отношеніи; развитіе въ нихъ духа общественности, необычайнаго трудолюбія и готовности каждаго добровольно подчинять себя интересамъ цѣлаго; полная свобода личности; отсутствіе всякаго рода насилія и внѣшнихъ принужденій; равенство всѣхъ людей и во всѣхъ отношеніяхъ, несовмѣстимое съ классовыми дѣленіями и господствомъ однихъ

надъ другими; равныя общественныя и политическія права; непосредственное участіе каждаго въ общественномъ строеніи и т. п. Но всѣ эти заманчивыя обѣщанія суть не болѣе, какъ утопіи, создаваемыя фантазіею доктринеровъ соціализма въ чисто агитаціонныхъ цѣляхъ. Когда же имъ приходится ставить вопросъ о будущемъ переустройствѣ общества на строго-научную почву, то они вынуждены бываютъ сознаться, что правовая и политическая стороны соціалистическаго строя совсѣмъ еще не разработаны, и что даже въ экономическомъ отношеніи жизнь будущаго общества далеко не во всѣхъ своихъ подробностяхъ предносится ихъ сознанію съ надлежащею ясностью, и что вообще „надъ созданіемъ соціальнаго строя надо еще *много и долго* работать“ и притомъ не практически только, но и „теоретически,“ пока пригодность его къ обезпеченію за каждымъ человѣкомъ права на достойное существованіе не выступитъ въ непосредственной для всѣхъ очевидности. Сомнительно, чтобы эти усилія теоретиковъ соціализма когда-либо увѣнчались надлежащимъ успѣхомъ,—тѣмъ болѣе, что даже съ точки зрѣнія самого марксизма процессъ выясненія совершенствъ соціалистическаго строя жизни въ сознаніи его приверженцевъ не можетъ закончиться раньше его фактическаго осуществленія (по Марксу, практика обусловливаетъ собою теорію, а не наоборотъ). Но, и не дожидаясь полнаго завершенія теоретической разработки соціализма, можно убѣдиться въ неосновательности возлагаемыхъ на него упованій. Для этого нѣтъ надобности входить въ подробную оцѣнку упомянутыхъ выше соціалистическихъ утопій, разсчитанныхъ исключительно на невѣжество и легковѣріе людей: такая оцѣнка по существу своему невозможна, въ виду совершенной безпочвенности этихъ утопій, и потому попытка произвести ее была бы лишь пустою тратою времени. Достаточно лишь ограничиться разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ соціалистическихъ требованій, которыя со временъ Маркса неизмѣнно выставляются въ качествѣ основныхъ устоевъ нормальной общественной жизни какъ въ сочиненіяхъ представителей научнаго соціализма, такъ и въ оффиціальныхъ программахъ соціалъ-демократической партіи. Сюда относятся: 1) передача всѣхъ безъ исключенія орудій производства въ распоряженіе всего общества, 2) общественно-планомѣрная организація производства на принципѣ возможно полнаго демократическаго равенства и 3) распредѣленіе продуктовъ потребленія между членами общества по опредѣленному масштабу.

Выясненіе условій, при наличности которыхъ возможно осуществленіе этихъ требованій, а равно и имѣющихъ произойти отъ сего логически неизбѣжныхъ жизненныхъ послѣдствій и покажетъ намъ всю практическую непригодность соціализма.

Практическая неосуществимость основныхъ соціалистическихъ требованій: 1) обобществленія орудій производства. При осуществленіи перваго изъ выставляемыхъ соціалистами требованій—обобществленія орудій производства—прежде всего необходимо точное разграниченіе между послѣдними и продуктами потребленія. Въ теоріи эти два рода матеріальныхъ благъ легко различаются между собою по своему назначенію. Но иначе обстоитъ дѣло на практикѣ: ежедневный опытъ жизни представля-

етъ намъ безчисленные примѣры того, что одинъ и тотъ же матеріальный предметъ можетъ служить и продуктомъ потребленія и производственнымъ средствомъ, еще чаще—средствомъ для удовлетворенія потребностей его собственника и вмѣстѣ потребностей другихъ людей (домъ, какъ жилище для хозяина и квартира для найма; садъ, какъ мѣсто для прогулки и орудіе производства плодовъ для потребностей семьи и для продажи на рынкѣ; корова, даже молоко отъ нея; экипажъ для надобностей хозяина и какъ перевозочное средство для другихъ по найму, и т. д. до самаго незначительнаго предмета домашняго обихода включительно). Ясно, что или всѣ эти предметы должны быть отобраны отъ частныхъ владѣльцевъ и предоставлены въ распоряженіе общества, или же, въ случаѣ оставленія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ частныхъ лицъ, долженъ быть учрежденъ строгій надзоръ за послѣдними, чтобы они не могли злоупотреблять указанными предметами, пользуясь ими въ качествѣ производственныхъ средствъ. Но первое будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ стѣснительную зависимость каждаго члена отъ общества даже въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ домашняго обихода, второе—не менѣе стѣснительный контроль надъ домашнею жизнію каждаго со стороны особыхъ агентовъ, представителей интересовъ общества. Кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ на общество возлагается совершенно непосильная задача: въ первомъ случаѣ обязанность своевременнаго удовлетворенія всѣхъ нуждъ своихъ членовъ, какъ бы незначительны онѣ ни были (напр. пришить оторвавшуюся пуговицу къ костюму), во второмъ—необходимость слѣдить за отношеніемъ каждаго изъ своихъ членовъ къ продуктамъ потребленія и принимать мѣры противъ злоупотребленій съ ихъ стороны этими продуктами, какъ производственными средствами или предметами обмѣна.

Новый рядъ затрудненій неизбѣжно долженъ возникнуть при рѣшеніи вопроса о способѣ, которымъ возможно осуществить разсматриваемое соціалистическое требованіе. Выше было указано, что при извѣстной наличности свойствъ человѣческой природы, характеризующейся преобладаніемъ эгоизма у большинства людей надъ противоположными ему чувствами, нельзя разсчитывать на добровольный отказъ собственниковъ отъ орудій производства. Остается, слѣдовательно, прибѣгнуть къ насильственному отчужденію послѣднихъ. Но, спрашивается, какъ должно совершиться это отчужденіе: съ выкупомъ или безъ выкупа? Первый способъ не можетъ быть примѣненъ къ дѣлу по причинѣ отсутствія у общества средствъ, потребныхъ на вознагражденіе собственниковъ за отнятыя у нихъ имущества. Что же касается второго, то, не говоря уже о его несправедливости, каковое обстоятельство, впрочемъ, не особенно должно смущать соціалистовъ, ибо съ точки зрѣнія ихъ всякая частная собственность есть зло и, слѣдовательно, уничтоженіе ея есть доброе дѣло,—этотъ способъ отчужденія угрожаетъ большою опасностью для общества, такъ какъ количество собственниковъ въ немъ не такъ незначительно, какъ полагаютъ соціалисты, и потому при отнятіи у нихъ имущества безъ большого кровопролитія дѣло не обойдется. Нѣкоторые изъ представителей научнаго соціализма полагаютъ возможнымъ достигнуть обобществленія орудій производства мирнымъ путемъ, именно—путемъ возвышенія

промышленныхъ налоговъ и пошлинъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ предпріятія перестанутъ быть выгодными для ихъ собственниковъ, или же путемъ генеральной забастовки рабочихъ; другіе возлагаютъ упованіе на всеобщую промышленную катастрофу, имѣющую неизбѣжно послѣдовать согласно Марксовой теоріи промышленныхъ кризисовъ. Но первая изъ указываемыхъ мѣръ, какъ показываютъ аналогичные опыты въ современной жизни, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь соотвѣтствующее возвышеніе цѣнъ на продукты производства и такимъ образомъ всею своею тяжестью падетъ не на собственниковъ послѣдняго, а на потребителей, или же (если эта мѣра будетъ вводиться не сразу во всемъ мірѣ, а по отдѣльнымъ странамъ) поведетъ къ прекращенію отечественнаго производства и наводненію внутреннихъ рынковъ иностранными продуктами. Что касается, далѣе, генеральной забастовки рабочихъ, то, если она и можетъ когда-либо состояться, во всякомъ случаѣ гибельныя послѣдствія ея прежде и больше всего отразятся на матеріальномъ положеніи рабочихъ и всего общества, а затѣмъ уже и въ гораздо меньшей степени на положеніи капиталистовъ, такъ какъ послѣднимъ временная пріостановка производства угрожаетъ лишь потерею матеріальныхъ выгодъ, для первыхъ же она сдѣлаетъ невозможнымъ самое дальнѣйшее существованіе. Еще менѣе, наконецъ, заслуживаетъ вниманія ожидаемая соціалистами всеобщая промышленная катастрофа, такъ какъ неизбѣжность ея, какъ слѣдствія якобы все болѣе и болѣе учащающихся промышленныхъ кризисовъ, не оправдывается фактами опыта.

2) *Невозможность общественно-планомѣрной организаціи производства на основѣ возможно полнаго демократическаго равенства.* Овладѣвъ тѣмъ или другимъ способомъ орудіями производства, соціалисты надѣются организовать послѣднее такимъ образомъ, чтобы „все производилось обществомъ и для общества“, т. е. чтобы продуктовъ производилось столько и такого качества, сколько и какихъ необходимо для удовлетворенія потребностей какъ всего общества, такъ и каждаго изъ его членовъ, и чтобы въ производствѣ этихъ продуктовъ принимали одинаковое участіе всѣ члены общества, способные къ труду. Но для осуществленія такой организаціи необходимо а) предварительное опредѣленіе потребностей, служащихъ цѣлью и въ то же время масштабомъ для выясненія размѣровъ производства, б) установленіе количества рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество для различныхъ отраслей производства въ каждой отдѣльной области, округѣ или провинціи, и в) самое распредѣленіе труда между наличными рабочими силами. Ни одна изъ этихъ задачъ, въ виду сложности и разнообразія жизненныхъ условій, не можетъ быть выполнена сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Такъ:

а) потребности общества и отдѣльныхъ его членовъ, удовлетворенію которыхъ предназначено служить производство, столь многочисленны и разнообразны, что предварительный болѣе или менѣе точный подсчетъ ихъ представляется дѣломъ совершенно немыслимымъ. Прежде всего, при опредѣленіи этихъ потребностей нельзя будетъ руководиться современнымъ потребленіемъ продуктовъ, такъ какъ статистики послѣдняго не существуетъ; да если бы

и была таковая, то она не могла бы служить мѣркою для опредѣленія размѣровъ будущаго производства, такъ какъ современное потребленіе всецѣло обусловливается существующими имущественными отношеніями, которыя по идеѣ соціалистическаго строя должны подвергнуться въ будущемъ коренному измѣненію. Остается допустить, что эти потребности будутъ заново установлены въ соціалистическомъ обществѣ, сообразно новымъ условіямъ его существованія. Но эта задача еще менѣе осуществима, чѣмъ предыдущая. Такъ, прежде всего, что касается индивидуальныхъ потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, то установленіе ихъ не можетъ быть предоставлено свободѣ послѣднихъ, такъ какъ право каждаго самому опредѣлять свои потребности фактически ограничивается размѣрами личнаго заработка. Кромѣ того, для опредѣленія потребностей каждаго требуется указаніе не только количества продуктовъ, но и сорта ихъ. Но въ послѣднемъ отношеніи удовлетворить желанія всѣхъ членовъ общества рѣшительно невозможно, такъ какъ они могутъ оказаться крайне разнообразными, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ касаться такихъ предметовъ, которыхъ или совсѣмъ не имѣется въ производствѣ, или производится незначительное количество, а потому удовлетвореніе такихъ желаній должно вызвать созданіе новыхъ формъ производства и расширеніе существующихъ, а это каждый разъ сопровождалось бы увеличеніемъ общественно-необходимаго труда, т. е. возложеніемъ все большаго и большаго бремени на общество. Но столь же невозможно и предоставленіе права опредѣлять потребности каждой личности самому обществу, хотя бы и чрезъ особые выборные комитеты, ибо это повело бы къ рабству личности. Общество, правда, не иначе можетъ ознакомиться съ нуждами своихъ членовъ, какъ по ихъ собственнымъ заявленіямъ; однако окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, какія изъ заявляемыхъ нуждъ подлежатъ удовлетворенію, какъ наиболѣе существенныя, оно должно будетъ оставить за собою, если не захочетъ быть игрушкою личнаго каприза своихъ членовъ. Но, съ другой стороны, общество не въ состояніи осуществить это свое право безъ того, чтобы не вызвать справедливаго неудовольствія опекаемой имъ личности, такъ какъ у него нѣтъ надлежащаго критерія для разграниченія существенныхъ потребностей отъ несущественныхъ, ибо нерѣдко личныя потребности, какъ стоящія въ зависимости не отъ общихъ только свойствъ человѣческой природы, но и отъ индивидуальныхъ особенностей того или другого лица, имѣютъ чисто субъективный характеръ, вслѣдствіе чего то, что является существеннымъ для одного, можетъ быть совсѣмъ несущественно для другого, и наоборотъ Помимо указанныхъ затрудненій, проистекающихъ изъ невозможности привести къ соглашенію интересы личности и общества, предварительное опредѣленіе потребностей всѣхъ членовъ общества невозможно и вслѣдствіе крайней сложности и разнообразія этихъ потребностей, въ зависимости отъ пола, возраста, индивидуальныхъ дарованій, склонностей, привычекъ, мѣста жительства, занятій, семейнаго состава и т. п. Чтобы привести въ извѣстность, оцѣнить и подсчитать всѣ крупныя и мелкія нужды многихъ милліоновъ лицъ на извѣстный періодъ времени впередъ, потребуется громадная армія чиновниковъ, содержаніе которыхъ ляжетъ тяжелымъ броме-

немъ на общество. Бремя это еще болѣе должно возрасти, если къ потребностямъ личнымъ присоединимъ не менѣе многочисленныя и сложныя потребности общественныя, которыя также заблаговременно должны быть точно опредѣлены. Таковы всѣ нужды общества, которыя нынѣ составляютъ предметъ вѣдѣнія многихъ правительственныхъ, также земскихъ и городскихъ учрежденій, частныхъ обществъ и даже отдѣльныхъ лицъ (просвѣщеніе, медицина, средства передвиженія, общественное строительство, внѣшнее благоустройство общественной жизни, благотворительныя учрежденія, общественныя развлеченія, организація и веденіе промышленныхъ производствъ, обмѣнъ продуктовъ и проч.). Нельзя забывать, наконецъ, того обстоятельства, что какъ индивидуальныя, такъ и общественныя потребности подлежатъ непрерывному измѣненію подъ вліяніемъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, при чемъ измѣненія эти иногда наступаютъ столь неожиданно, что ихъ невозможно бываетъ предусмотрѣть даже за нѣсколько дней, а тѣмъ болѣе за мѣсяцы и годы впередъ, какъ то требуется условіями планомѣрной организаціи производства. Если сюда присоединить еще возможность ошибокъ, нерадѣнія и другихъ злоупотребленій со стороны чиновниковъ, которые будутъ участвовать въ „комиссіи потребностей“, то составленіе предварительнаго плана организаціи производства въ соціалистическомъ обществѣ, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ нуждамъ его членовъ, слѣдуетъ признать дѣломъ совершенно невозможнымъ.

б) По установленіи количества и рода продуктовъ производства, соотвѣтственно потребностямъ всего общества и каждаго члена его въ отдѣльности, для правильной организаціи общественнаго производства необходимо, далѣе, установленіе наличности рабочихъ силъ въ каждой данной мѣстности, а также рода и качества этихъ силъ, чтобы сообразно съ этимъ заранѣе можно было опредѣлить, какіе виды производства и въ какихъ размѣрахъ могутъ быть назначены для той или другой мѣстности. А для этого недостаточно простой освѣдомленности въ томъ, что каждый желаетъ и можетъ производить, т. е. каковы его познанія, силы и склонности. Необходимо еще, чтобы эти силы и оставались въ данной мѣстности въ теченіе извѣстнаго періода времени, опредѣляемаго свойствомъ того или другого вида производства; ибо только при этомъ условіи можно быть увѣреннымъ, что назначенное для того или другого промышленнаго заведенія количество работы будетъ имъ выполнено въ срокъ. Такимъ образомъ планомѣрная организація производства не совмѣстима съ свободою передвиженія рабочихъ, такъ какъ каждый рабочій необходимо долженъ быть прикованъ къ предпріятію, въ которомъ онъ зачисленъ рабочимъ вѣдомствомъ, или его отдѣленіемъ, по крайней мѣрѣ. на все время „производственной компаніи“. Сомнительно, впрочемъ, чтобы такая свобода передвиженія могла быть предоставлена рабочимъ и въ промежуточное время между концомъ одной „производственной компаніи“ и началомъ слѣдующей. Прежде всего, не во всѣхъ производствахъ такіе перерывы бываютъ, а потому дозволеніе свободы передвиженія однимъ рабочимъ и запрещеніе ея для другихъ было бы нарушеніемъ принципа равенства условій существованія. Кромѣ того, допущеніе хотя бы и ограниченной свободы пере-

движенія (извѣстному роду рабочихъ и въ извѣстное время) имѣло бы своимъ послѣдствіемъ періодическое измѣненіе въ составѣ рабочихъ силъ въ той или другой мѣстности, которое не можетъ не отражаться и на общемъ ходѣ планомѣрно-организованнаго производства въ странѣ. Наконецъ, дозволеніе свободнаго передвиженія въ соціалистическомъ обществѣ можетъ послужить поводомъ къ настоящей кочевой эпидеміи среди его членовъ, такъ какъ всѣ тѣ условія, которыя нынѣ привязываютъ человѣка къ опредѣленному мѣсту, каковы: частная собственность (домъ, земля), забота о средствахъ содержанія (должность, занятія, воспитаніе и образованіе дѣтей, забота о больныхъ и престарѣлыхъ членахъ семьи и т. п.),—потеряютъ свое значеніе при соціалистическомъ строѣ жизни. Если же этотъ строй будетъ вводиться не сразу во всѣхъ государствахъ, а постепенно, то та же свобода передвиженія будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ массовое бѣгство его членовъ въ страны несоціалистическія и притомъ самыхъ молодыхъ и способныхъ лицъ, такъ какъ свобода самоопредѣленія, возможность выдвинуться изъ среды другихъ своими способностями, прилежаніемъ или просто случаемъ всегда будетъ привлекательнѣе для человѣческаго сердца, чѣмъ честь „быть такимъ, какъ всѣ,“ т. е. сознавать себя ничтожною, безвольною частичкою общественнаго механизма.

в) Третьимъ и послѣднимъ условіемъ планомѣрной организаціи общественнаго производства является распредѣленіе всего количества общественно-необходимаго труда между отдѣльными членами общества. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при планомѣрномъ регулированіи труда не можетъ быть свободы въ выборѣ профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, если предоставить такую свободу людямъ, то всѣ устремятся къ занятіямъ болѣе легкимъ, пріятнымъ, а также къ болѣе почетнымъ и безопаснымъ; профессіи же, отличающіяся противоположными свойствами, останутся не замѣщенными. Далѣе, Марксъ полагаетъ, что въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ каждый будетъ имѣть работу по своимъ способностямъ. Но, спрашивается, отъ кого будетъ зависѣть опредѣленіе этихъ способностей? Если предоставить это дѣло каждой отдѣльной личности, то выйдетъ полная анархія, такъ какъ большинство людей склонно переоцѣнивать свои способности; если же право опредѣлять индивидуальныя способности членовъ сохранить за обществомъ, то получится наихудшій видъ рабства, аналогичный съ рабствомъ, которое будетъ имѣть мѣсто и при опредѣленіи обществомъ индивидуальныхъ потребностей своихъ членовъ. Да и откуда общество можетъ имѣть точныя свѣдѣнія о способностяхъ своихъ членовъ, особенно въ первое время, когда онѣ еще не успѣли обнаружиться на дѣлѣ? Но предположимъ, что способности и силы всѣхъ членовъ общества такимъ или инымъ способомъ точно установлены. Дальнѣйшее затрудненіе будетъ заключаться въ томъ, какимъ путемъ соразмѣрить количество и качество труда съ способностями и желаніями каждаго рабочаго. Добровольное исполненіе тяжелыхъ, непріятныхъ и опасныхъ работъ (а такія работы останутся и въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ, которое не менѣе современнаго будетъ нуждаться въ химическихъ заводахъ, шахтахъ, рудникахъ, въ ассенизаціи, въ работѣ истопниковъ, качегаровъ, трубочистовъ

и т. п.) возможно лишь при беззавѣтной самоотверженности, любви къ тяжелому труду, склонности къ самоуничиженію, т. е. при такихъ качествахъ, которыя всегда были рѣдкимъ явленіемъ въ жизни человѣчества и таковыми же останутся и въ будущихъ поколѣніяхъ, вопреки наивнымъ утвержденіямъ соціалистовъ, будто чувство солидарности совершенно переродитъ человѣка будущаго и сдѣлаетъ его чуть ли не ангеломъ. Равнымъ образомъ наивно было бы думать, что способныхъ къ той или другой работѣ лицъ въ каждой данной мѣстности всякій разъ будетъ оказываться ровно столько, сколько ихъ требуется для производства, назначеннаго для той же мѣстности. Отсюда явится настоятельная необходимость измѣнять по временамъ или размѣры производства въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, сообразно съ количествомъ имѣющихся въ нихъ рабочихъ силъ, или же составъ рабочихъ силъ, примѣнительно къ установленнымъ для тѣхъ же мѣстностей размѣрамъ производства. И такъ какъ послѣдній способъ поддержанія соразмѣрности въ распредѣленіи труда на практикѣ представляетъ больше удобствъ въ смыслѣ его осуществленія и соглашенія съ общимъ планомъ организаціи производства въ странѣ, то насильственное переселеніе рабочихъ изъ одной мѣстности въ другую, по соображеніямъ общаго регулированія труда, будетъ обычнымъ явленіемъ въ соціалистическомъ обществѣ. Изъ сказаннаго ясно, что планомѣрно-организованный трудъ въ соціалистическомъ строѣ жизни будетъ не только общеобязательнымъ, но и принудительнымъ и притомъ не только въ отношеніи количества труда, но и въ смыслѣ избранія рода и даже мѣста занятій. Чтобы ослабить нѣсколько впечатлѣніе отъ этого гнетущаго вывода, соціалисты проектируютъ нѣкоторыя мѣры, способныя, по ихъ мнѣнію, смягчить, если не уничтожить совершенно, принудительный характеръ распредѣленія труда, каковы: а) привлеченіе рабочихъ къ нежелательнымъ для нихъ формамъ труда путемъ увеличенія заработной платы, (послѣднюю слѣдуетъ понимать въ соціалистическомъ смыслѣ), или же чрезъ сокращеніе рабочаго времени, и б) поперемѣнное исполненіе всѣхъ работъ всѣми гражданами. Но первая изъ указанныхъ мѣръ стоитъ въ противорѣчіи съ изобрѣтенною Марксомъ теоріею цѣнности, по которой заработная плата должна находиться въ зависимости только отъ количества труда или, что то же, рабочаго времени, а также съ принципомъ демократическаго равенства, въ силу котораго всѣ виды общественно—необходимаго труда имѣютъ одинаковую цѣнность, или достоинство. Кромѣ того, сокращеніе рабочаго времени въ *нежелательныхъ* для рабочихъ видахъ производства (въ шахтахъ, рудникахъ и т. п.) неизбѣжно поведетъ къ увеличенію общей массы рабочихъ и, слѣдовательно, къ пониженію культурнаго уровня всего общества. Что же касается второй мѣры, проектируемой соціалистами, то она, хотя и не нарушаетъ принципа равенства, однако въ то же время не вполнѣ соотвѣтствуетъ и той цѣли, къ которой предназначается, такъ какъ, не ослабляя принудительнаго характера извѣстныхъ видовъ труда, она содѣйствуетъ только болѣе равномѣрному распредѣленію его тяжести между членами общества. Кромѣ того, она предполагаетъ способность каждаго человѣка ко всякому роду занятій, ко всякой профессіи,—„способность всѣхъ ко всему“ (Марксъ), каковой способности

какъ нѣтъ у современныхъ людей, такъ еще менѣе можно ожидать у людей будущаго, если только послѣднее будетъ представлять собою движеніе человѣчества по пути прогресса, такъ какъ прогрессъ немыслимъ безъ дальнѣйшей спеціализаціи труда (чѣмъ шире и разнообразнѣе кругъ знанія и дѣятельности, тѣмъ менѣе въ состояніи каждый отдѣльный человѣкъ объединить всѣ виды ихъ въ себѣ, въ своей личной жизни).—Въ оправданіе пропагандируемаго ими строя жизни отъ упрековъ въ принудительномъ характерѣ дѣятельности его членовъ, соціалисты нерѣдко указываютъ а) на то, что и нынѣ нѣтъ свободы въ выборѣ профессій, такъ какъ и теперь сплошь и рядомъ нужда заставляетъ человѣка противъ воли браться за то или другое занятіе, къ которому онъ совершенно не расположенъ, и б) на то, что въ соціалистическомъ обществѣ если и будетъ какая-либо зависимость, то зависимость не отъ отдѣльныхъ лицъ, враждебныхъ интересамъ рабочихъ, а отъ общества равныхъ товарищей, связанныхъ между собою солидарностью интересовъ. Но, во-первыхъ, зависимость по самому существу своему всегда есть видъ рабства, отъ чего бы она ни проистекала. Во-вторыхъ, хотя абсолютной свободы въ выборѣ занятій нынѣ и нѣтъ, но зато нѣтъ и абсолютной зависимости отъ другихъ, ибо большая часть человѣчества, за весьма рѣдкими исключеніями, относительно свободна въ выборѣ жизненной профессіи, насколько это доступно каждому по природнымъ дарованіямъ, по условіямъ происхожденія и образованія, а также по имущественному положенію. Наконецъ, въ-третьихъ,—и это самое главное,—принужденіе, или, точнѣе, стѣсненіе, которое нынѣ испытывается тѣми или другими членами общества при выборѣ профессіи, носитъ не столько внѣшній, физическій, сколько внутренній, моральный характеръ: оно есть скорѣе самопринужденіе, такъ какъ побужденіемъ къ избранію занятія и усовершенствованію въ немъ является здѣсь большею частію собственный, личный интересъ, а не приказъ со стороны. Отсюда и самое недовольство среди рабочей массы нынѣ вызывается большею частію не характеромъ работы, а лишь недостаточною оплатою труда и развѣ еще неблагопріятными условіями жизни, въ которыя поставляются трудящіеся алчностью работодателей, каковы: негигіеничность обстановки труда, отсутствіе мѣръ къ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ, недоброкачественность и дороговизна жизненныхъ продуктовъ, задерживаніе платы, слишкомъ строгая система взысканій и штрафовъ и т. п.

Есть и еще одно затрудненіе, которое неизбѣжно должно встрѣтиться при осуществленіи разсматриваемаго соціалистическаго требованія,—затрудненіе, состоящее въ невозможности общественной организаціи всѣхъ видовъ труда. Всякому извѣстно изъ опыта своей жизни, что существуетъ цѣлая область мелкихъ личныхъ услугъ по доставленію предметовъ жизненнаго обихода или вообще по устроенію жизненныхъ удобствъ (доставленіе и содержаніе въ порядкѣ одежды и бѣлья, приготовленіе пищи, исправное содержаніе дома, уходъ за тѣломъ и т. п.), которыя не могутъ подлежать общественной организаціи. Конечно, возможны общественные рестораны, столовыя, прачешныя, мастерскія обуви и одежды, парикмахерскія и т. п. Но всѣ эти и подобныя учрежденія будутъ обслуживаться чиновниками, не заинтересованными въ дѣлѣ, а потому

будутъ худо поставлены; передача же этихъ учрежденій въ руки частныхъ предпринимателей невозможна, такъ какъ она поведетъ къ экономическому неравенству.

3) Затрудненія при распредѣленіи продуктовъ потребленія въ соціалистическомъ обществѣ. По отношенію къ этому вопросу, Марксъ, какъ извѣстно, намѣчаетъ двѣ стадіи, или фазы, въ жизни будущаго общества. Въ первую, переходную эпоху, по его мнѣнію, продукты будутъ распредѣляться пропорціонально количеству индивидуальнаго труда, вложеннаго каждымъ человѣкомъ въ общественное производство. Впослѣдствіи же, когда, подъ вліяніемъ новыхъ условій существованія, трудъ изъ тяжелаго бремени, каковымъ онъ большею частію является для современнаго человѣчества, самъ обратится въ жизненную потребность и даже чуть не въ наслажденіе,—продукты труда будутъ распредѣляться сообразно потребностямъ каждаго члена общества. Посмотримъ, насколько осуществимы эти предположенія Маркса.

Прежде всего, для правильнаго распредѣленія продуктовъ потребленія необходимо предварительное выясненіе имѣющагося въ наличности количества этихъ продуктовъ, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ производиться въ любое время и въ любомъ количествѣ (каковы напр. всѣ растительные и животные продукты), а для этого снова потребуется огромная переписка съ соотвѣтствующимъ штатомъ чиновниковъ. Затѣмъ, изъ общаго количества продуктовъ необходимо выдѣлить значительную часть на удовлетвореніе общественныхъ потребностей (на продолженіе производства; въ общественные запасные фонды на случаи несчастій, потерь и т. п.; на содержаніе общественныхъ учрежденій, напр., школъ, больницъ, богадѣленъ и т. п.), а остальное уже дѣлить между членами общества. Но, спрашивается, по какому справедливому и безобидному для всѣхъ масштабу можно произвести это распредѣленіе? Изъ двухъ способовъ, указанныхъ Марксомъ, первый не можетъ быть примѣненъ по слѣдующимъ основаніямъ: а) онъ по существу своему не отвѣчаетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ справедливости, а потому и не можетъ удовлетворить членовъ будущаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, количество индивидуальнаго труда, вложеннаго въ общественное производство, можетъ быть измѣряемо, какъ это признаетъ и Марксъ, лишь продолжительностью времени, потраченнаго на трудъ. Но это единственно-возможное измѣреніе нельзя признать правильнымъ, такъ какъ оно не принимаетъ въ разсчетъ другихъ условій, вліяющихъ на производительность труда, каковы: природныя физическія и духовныя дарованія рабочаго, пріобрѣтенныя упражненіемъ опытность и сноровка въ дѣлѣ, усердіе въ работѣ и т. п. Иныхъ же какихъ либо способовъ для опредѣленія количества труда не существуетъ. Такъ, не возможно, напр., опредѣлить и перевести на числа степень усердія того или другого участника въ общей работѣ, т. е. количество выполненной каждымъ работы въ продуктѣ, создаваемомъ совмѣстными усиліями нѣсколькихъ рабочихъ: еще менѣе поддаются математическому учету профессіональныя дѣятельности, не имѣющія прямого и даже косвеннаго отношенія къ производству продуктовъ потребленія, а между тѣмъ необходи-

мыя и для будущаго соціалистическаго общества (напр., умѣнье, интенсивность работы, прилежаніе врача, больничной сидѣлки, ученаго, педагога, завѣдывающаго тѣмъ или другимъ производствомъ и т. п.). Несправедливъ этотъ способъ раздѣленія продуктовъ еще и потому, что въ основаніе его полагается одно только количество труда, безъ всякаго отношенія къ его качеству; между тѣмъ какъ цѣнность всякаго продукта, а слѣдовательно и труда, вложеннаго въ его производство, зависитъ главнымъ образомъ отъ его качества, послѣднее же обусловливается достоинствомъ произведеннаго труда (конечно, послѣ природныхъ качествъ матеріала, къ которому приложенъ трудъ), въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія однородныхъ по матеріалу и назначенію предметовъ индустріи (всякій другой видъ различенія труда по относительному достоинству, какъ извѣстно, въ соціализмѣ отвергается, такъ что напр. трудъ истопника, или конюха, и трудъ профессора высшей школы считается одинаково важнымъ и подлежащимъ равной оплатѣ). б) Будучи по существу своему несправедливымъ, разсматриваемый способъ распредѣленія продуктовъ потребленія еще имѣетъ и тотъ недостатокъ, что онъ совершенно не можетъ быть осуществленъ на практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если количество индивидуальнаго труда, вложеннаго каждымъ рабочимъ въ общественное производство, сравнительно еще легко можетъ быть вычислено, хотя бы и неправильною мѣркою, то нельзя того же сказать о количествѣ такого же труда, заключающагося въ каждомъ продуктѣ, а между тѣмъ послѣднее безусловно необходимо знать при распредѣленіи продуктовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ уяснить себѣ ту истину, что пропорціональное распредѣленіе продуктовъ, сообразно количеству индивидуальнаго труда, возможно лишь при томъ условіи, если всѣ заинтересованные въ дѣлежѣ будутъ въ равной мѣрѣ нуждаться во всѣхъ сортахъ вырабатываемыхъ продуктовъ, т. е. если у всѣхъ будутъ совершенно одинаковыя потребности и одинаковыя представленія о способахъ ихъ удовлетворенія. Если же этого условія не окажется въ наличности въ первый, переходной періодъ жизни соціалистическаго общества, какъ его никогда не было и нѣтъ доселѣ въ человѣчествѣ, то придется пропорціональный способъ распредѣленія продуктовъ замѣнить единственно возможнымъ *эквивалентнымъ*, если, конечно, соціалисты не захотятъ допустить частный обмѣнъ продуктами въ своемъ обществѣ, т. е. перестать быть соціалистами. Для осуществленія же этого способа необходимо всѣ роды и виды распредѣляемыхъ продуктовъ измѣрить и выразить въ единицахъ индивидуально—трудового времени, что практически неосуществимо. Въ самомъ дѣлѣ, никакой Архимедъ не можетъ опредѣлить, сколько единицъ человѣческаго трудового времени заключается, напр., въ томъ или другомъ изобрѣтеніи ученаго, въ картинѣ художника или даже въ куриномъ яйцѣ, въ стаканѣ молока и т. п. Что касается, далѣе, второго, „нормальнаго“ способа распредѣленія продуктовъ потребленія между членами соціалистическаго общества, сущность котораго выражена въ краткой формулѣ Маркса: „каждому по его потребностямъ,“ то неудобства его заключаются прежде всего въ затруднительности опредѣленія самыхъ потребностей, подлежащихъ удовлетворенію. Къ изложеннымъ выше соображеніямъ по этому вопросу, раскрываю-

щимъ предметъ преимущественно съ внѣшней стороны (затрудненія, вытекающія изъ противорѣчія между индивидуальными и общественными интересами, затѣмъ — чисто техническія затрудненія и т. п.), слѣдуетъ присоединить еще указаніе на препятствія, источникъ которыхъ коренится въ самой природѣ человѣческой личности. Въ силу присущаго человѣческой природѣ эгоизма, индивидуальныя потребности человѣка имѣютъ тенденцію безконечно разнообразиться по степени и по формѣ, и эта тенденція не замедлитъ во всей полнотѣ осуществиться на дѣлѣ, если тому не положить какихъ-либо ограниченій, внѣшнихъ или внутреннихъ. Но, что касается ограниченій внутренняго, моральнаго свойства, то таковыми, какъ мы видѣли выше, марксистская этика не располагаетъ. Можно, конечно, говорить много и краснорѣчиво о развитіи въ „гражданахъ будущаго“ духа общественности, готовности добровольно подчинять себя интересамъ цѣлаго, даже жертвовать собою для общаго блага; однако всѣ эти и подобные прекрасные плоды не могутъ произрастать на эгоистической почвѣ, хотя бы и сдобренной товарищескою солидарностью. Примѣры самоотверженной дѣятельности современной революціонно-соціалистической молодежи, какъ бы они ни были многочисленны, въ данномъ случаѣ не могутъ быть доказательными. При своей полной теоретической безпочвенности, эта самоотверженная дѣятельность героевъ революціоннаго террора, очевидно, представляетъ собою или явленіе атавистическое, какъ послѣдняя вспышка небеснаго пламени, когда-то ярко горѣвшаго въ свѣточахъ христіанства, или же (что вѣроятнѣе, ибо герои христіанства умѣли умирать, но не убивать) есть слѣдствіе особаго воодушевленія, испытываемаго во время борьбы, опьяненія жаждою успѣха,—состоянія, котораго не чужды бываютъ и животныя. Для человѣка же, особенно только что вступившаго въ ряды боевой общественной партіи и чувствующаго въ себѣ избытокъ молодыхъ силъ, ищущихъ приложенія въ активной дѣятельности, это чисто животное увлеченіе борьбою можетъ осложняться и другими, свойственными только человѣческой природѣ мотивами, каковы: жажда партійной мести, побужденія личнаго тщеславія (въ частности, стремленіе выдѣлиться среди товарищей, пріобрѣсти ихъ расположеніе или вліяніе надъ ними, или даже просто желаніе доказать на дѣлѣ свою правоспособность, какъ общественнаго дѣятеля), сознаніе невозможности уклониться отъ требованій партійной дисциплины и т. п. Ни одинъ изъ этихъ источниковъ побужденій къ самоотверженной дѣятельности не будетъ имѣть мѣста въ соціалистическомъ обществѣ, изъ котораго, какъ обѣщаютъ соціалисты, будетъ изгнана всякая религія, въ которомъ не будетъ борьбы партій и вообще ничего такого, что подавало бы поводъ къ нарушенію равенства. Остается, слѣдовательно, допустить, что предѣлы развитію индивидуальныхъ потребностей гражданъ соціалистическаго общества могутъ быть поставлены только отвнѣ, т. е отъ самого же общества, м. б. чрезъ посредство особой „комиссіи потребностей,“ на обязанности которой и будетъ лежать задача разграниченія *разумныхъ* (Готская программа) потребностей отъ пустыхъ прихотей гражданъ. Но если бы въ этой „комиссіи“ всегда засѣдали одни только Солоны и Аристиды, а всѣ граждане дали бы принципіальное согласіе довольствоваться малымъ во всемъ, что ка-

сается удовлетворенія ихъ личныхъ потребностей, то и въ такомъ случаѣ при фактическомъ осуществленіи разсматриваемаго требованія оставалось бы немало поводовъ для раздоровъ и несогласій между ними, ибо даже самый „высшій, идеальный“ эгоизмъ не можетъ оставаться равнодушнымъ, когда видитъ себя лишеннымъ хотя бы незначительной доли тѣхъ благъ, которыми пользуются другіе.

Но, можетъ быть, производственная дѣятельность въ соціалистическомъ царствѣ дѣйствительно разовьется до такихъ предѣловъ, что въ состояніи будетъ обезпечить каждому „наибольшую мѣру пріятностей въ жизни,“ — можетъ быть, по своему „невообразимому доселѣ“ обилію источниковъ матеріальнаго наслажденія это царство дѣйствительно будетъ представлять изъ себя бездонную чашу, изъ которой каждому дозволено будетъ черпать кубкомъ своей жизни столько, сколько онъ пожелаетъ, какъ это и обѣщаютъ соціалисты (напр., Бебель въ своей „Женщинѣ“)? На первый взглядъ отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только положительный, такъ какъ гдѣ же и развиваться матеріальной культурѣ, какъ не въ средѣ, всецѣло проникнутой матеріалистическими началами, какъ не въ обществѣ, которое въ этомъ прогрессѣ поставляетъ свое высшее благо, свое единственное назначеніе, верховную цѣль своего существованія. Правда, у насъ принято думать, что своимъ матеріальнымъ прогрессомъ современное человѣчество всецѣло обязано христіанству. Но здѣсь кроется глубокое недоразумѣніе. Христіанство не можетъ содѣйствовать такому прогрессу, цѣлью котораго поставляется обезпеченіе „наибольшей мѣры пріятностей“ въ жизни: оно учитъ довольствоваться малымъ, ограничиваться хлѣбомъ насущнымъ, не простирать своихъ заботъ дальше потребностей настоящаго, и осуждаетъ стремленіе къ возможно полному обезпеченію себя пожизненнымъ комфортомъ и роскошью. Все вліяніе христіанства на современный матеріальный прогрессъ заключается лишь въ томъ, что оно сдѣлало *возможнымъ* этотъ прогрессъ, чрезъ возстановленіе правъ человѣческой личности, утерянныхъ ею въ язычествѣ. Оно возвратило свободу человѣку, оно сдѣлало его изъ „общественнаго животнаго,“ какимъ онъ былъ въ язычествѣ, снова человѣкомъ. Но не его вина въ томъ, что современный человѣкъ употребляетъ свою свободу на то, чтобы опять обратиться въ состояніе животнаго; не оно побуждаетъ его усиленно стремиться къ матеріальнымъ благамъ жизни, забывая о духовныхъ, и въ этой погонѣ развивать бѣшеную конкуренцію, отъ послѣдствій которой страдаетъ современное человѣчество; не оно будетъ виновато и въ томъ, если человѣчество, изнемогая подъ тяжестью этой конкуренціи, позволитъ соціализму обратить себя въ стадо животныхъ, иными словами—если оно возвратится снова въ состояніе язычества, только измѣненнаго по формѣ и притомъ болѣе послѣдовательнаго и усовершенствованнаго. Но вмѣстѣ съ этимъ для него утратится и возможность всякаго прогресса, не только духовнаго, но и матеріальнаго, такъ какъ никакой прогрессъ не мыслимъ безъ свободы, а такой свободы не будетъ въ соціалистическомъ обществѣ. Разъясненіемъ этой послѣдней мысли мы и закончимъ критику марксизма.

Невозможность культурнаго прогресса при соціалистическомъ строѣ жизни. Предположимъ,—не смотря на совершенную очевидность противнаго,—что всѣ разсмотрѣнныя выше основныя требованія соціалистической программы получатъ когда-нибудь полное осуществленіе, сдѣлаются основными принципами соціальной жизни человѣчества. Естественно поставить вопросъ: будетъ ли эта новая форма жизни лучше, совершеннѣе той, въ которой доселѣ жило человѣчество,—будетъ ли она заключать въ себѣ всѣ необходимыя условія для культурно-историческаго развитія его? Если весь смыслъ культурно-историческаго прогресса человѣчества заключается въ созданіи жизненныхъ условій, благопріятствующихъ наиболѣе полному удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей человѣческой природы, какъ бы эти потребности ни понимались людьми, то такого прогресса не можетъ быть въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ и прежде всего потому, что по самой своей идеѣ оно является его завершеніемъ: цѣль всякаго прогресса въ немъ представляется въ основныхъ своихъ чертахъ уже достигнутой; если и остаются незначительные пробѣлы, то они восполнятся сами собою, какъ только соціалистическая машина будетъ пущена въ ходъ, такъ что представители научнаго соціализма и не считаютъ нужнымъ останавливать на нихъ свое вниманіе. Но если прогрессъ для соціалистическаго общества не возможенъ, то зато въ немъ не только возможенъ, но и неизбѣженъ будетъ регрессъ. По самой своей сущности, соціалистическій строй жизни не въ состояніи будетъ воспринять все то духовное и матеріальное богатство, которое онъ унаслѣдуетъ отъ нынѣшняго строя, и еще менѣе сохранить унаслѣдованное для жизни будущихъ поколѣній,—разумѣемъ здѣсь всѣ тѣ земныя блага, которыя создавались и создаются долгимъ процессомъ культурно-исторической жизни человѣчества, а не то „единое на потребу,“ которое завѣщано христіанствомъ и отъ котораго, какъ мы видѣли выше, соціализмъ рѣшительно отказывается. Не будемъ останавливаться на безцѣльной попыткѣ опредѣлить, въ какой мѣрѣ эти блага будутъ утрачены для человѣчества при самомъ „рожденіи“ соціалистическаго строя и обстоятельствахъ, имѣющихъ вызвать его появленіе на свѣтъ: важно установить не время утраты, а то, что она будетъ неизбѣжна и безвозвратна. Убѣдиться же въ этомъ можно не иначе, какъ чрезъ сопоставленіе основныхъ началъ культурно-исторической жизни человѣчества съ принципами соціализма.

Исторія культуры, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ и до настоящаго времени, свидѣтельствуетъ, что основною (хотя и не единственною) причиною культурнаго прогресса человѣчества всегда былъ *личный* (все равно матеріальный или духовный) интересъ его созидателей. Онъ воодушевлялъ дѣятелей культуры дохристіанскаго періода, имъ же вдохновляется и большинство современнаго культурнаго человѣчества. Борьба за существованіе и не только за существованіе, но и за превосходство на жизненномъ пиру,—конкуренція интересовъ, прежде всего, личныхъ и затѣмъ, какъ дальнѣйшаго осложненія ихъ, семейныхъ, родовыхъ, сословныхъ, національныхъ, словомъ, стремленіе къ земнымъ преимуществамъ во всѣхъ областяхъ и отношеніяхъ жизни или, какъ говорятъ, къ соціальному неравенству—вотъ то, чѣмъ соз-

давалась и создается человѣческая культура, что двигало человѣка по пути прогресса (см. подробное обоснованіе этого положенія въ замѣчательномъ трудѣ американскаго философа-моралиста Мэллока „Соціальное равенство“). Этимъ мы не хотимъ сказать, что безъ человѣческаго эгоизма невозможна никакая культура въ жизни человѣчества,—напротивъ, истинная и прочная культура можетъ быть создана только на началахъ, противоположныхъ эгоизму, - а просто указываемъ на основной фактъ человѣческой исторіи, какъ она слагалась до настоящаго времени, каковой фактъ ясно засвидѣтельствованъ и Писаніемъ (1 Іоан. V, 19, и выше II, 16, гдѣ „похотью плоти“ и „гордостью житейскою“ обозначаются двѣ основныя формы проявленія человѣческаго эгоизма, два основныя стремленія къ самоуслажденію, проистекающія изъ двухсоставности человѣческой природы, а подъ „похотью очесъ“ разумѣется стремленіе къ обладанію земными благами, какъ источниками, или средствами, самоуслажденія, *создающее культуру*) Но для того, чтобы личный интересъ могъ фактически осуществиться въ жизни, личность, какъ носительница этого интереса, необходимо должна быть свободною, т. е. обладающею возможностью самостоятельно ставить цѣли для своей дѣятельности и имѣющею въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя средства для достиженія этихъ цѣлей. Не трудно убѣдиться въ томъ, что ни одно изъ указанныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ культурной жизни человѣчества, не совмѣстимо съ соціалистическимъ строемъ или, по крайней мѣрѣ, не можетъ получить болѣе или менѣе полнаго фактическаго выраженія при этомъ строѣ. Такъ, извѣстною соціалистическою формулою: „все - для общества“ — личный интересъ разъ навсегда вычеркивается изъ области мотивовъ, опредѣляющихъ человѣческую дѣятельность. И въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ можетъ быть для человѣка въ работѣ, плодами которой ему или совершенно не придется воспользоваться, или же, если и придется, то въ самой незначительной степени (именно въ части, пропорціональной количественному отношенію его къ обществу)? Не можетъ служить для него достаточнымъ побужденіемъ къ общественно-необходимому труду также сознаніе, что и всѣ другіе члены общества въ такой же мѣрѣ работаютъ для его интереса. Напротивъ, это сознаніе скорѣе должно располагать его къ безпечности въ работѣ или даже къ прямому уклоненію отъ нея. Единственный же надежный мотивъ для общественной дѣятельности человѣка, указываемый въ христіанствѣ, соціализмъ, какъ извѣстно, отвергаетъ. Остается допустить, что „гражданинъ будущаго“ можетъ быть привлеченъ къ общественно-необходимому труду лишь средствами внѣшняго принужденія. Но, можетъ быть, для него сохранится возможность частной дѣятельности въ часы, свободные отъ работы, назначенной обществомъ? Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ содержится въ первой половинѣ той же соціалистической формулы: „все— обществомъ,“ т. е. всякая работа въ соціалистическомъ царствѣ будетъ носить общественно-организованный характеръ. Это и понятно: коль скоро всѣ орудія производства будутъ принадлежать обществу, то никакой частный свободный трудъ невозможенъ, такъ какъ не будетъ въ распоряженіи личности необходимыхъ матеріальныхъ орудій для труда. Общество не можетъ снаб-

жать ее таковыми орудіями, такъ какъ употребленіе ихъ для частныхъ надобностей, съ одной стороны, повело бы къ разстройству организаціи общественнаго производства, съ другой—имѣло бы своимъ послѣдствіемъ экономическое неравенство. Такимъ образомъ въ соціалистическомъ обществѣ никакая—ни общественная, ни частная свободная дѣятельность для человѣка не возможна. Если присоединить сюда еще и то, что безъ воли общества онъ не будетъ въ состояніи даже избирать себѣ мѣсто для жительства; если, далѣе, онъ будетъ лишенъ возможности самостоятельно опредѣлять свои жизненныя потребности и способы удовлетворенія ихъ; если, напр., общество будетъ указывать ему, что онъ долженъ ѣсть и пить и въ какомъ количествѣ, когда шить себѣ новую одежду и какую именно; если безъ воли общества онъ не можетъ даже пришить оторвавшуюся пуговицу къ своему костюму или заштопать чулокъ и т. п., а все это, какъ мы видѣли выше, будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ обобществленія орудій и планомѣрной организаціи общественнаго производства,—то при такихъ условіяхъ жизнь каждаго человѣка будетъ ужаснѣйшимъ рабствомъ, равнаго которому доселѣ не знало человѣчество. Положеніе преступниковъ въ нашихъ современныхъ тюрьмахъ, не говоря уже о жизни казармъ или военныхъ поселеній, неизмѣримо лучше этого соціалистическаго „рая," такъ какъ имъ всетаки дозволяется нѣкоторая свобода частной дѣятельности, а главное—у нихъ не отнимается совершенно надежда на лучшее будущее, каковой надежды соціализмъ не обѣщаетъ своимъ приверженцамъ.

Единственная область, гдѣ найдетъ себѣ пріютъ человѣческая свобода при соціалистическомъ строѣ жизни, это—область такъ называемаго публичнаго права гражданъ, вытекающаго изъ принципа демократическаго равенства, на которомъ будетъ основанъ этотъ строй. Но и въ этой области свобода каждой отдѣльной личности можетъ быть предоставлена ей лишь въ самой ограниченной степени: фактически она будетъ выражаться лишь въ правѣ каждаго члена общества чрезъ извѣстные промежутки времени подавать свой голосъ за избраніе тѣхъ или другихъ лицъ въ распорядители своей личной жизни, иными словами—въ правѣ рабочаго животнаго отъ времени до времени смѣнять одно жизненное ярмо на такое же другое, съ весьма слабою надеждою стать на время самому подобнымъ же ярмомъ для другихъ. Правда, сторонники соціалистическаго строя жизни держатся иного взгляда. Допуская, что „въ соціалистическомъ обществѣ личность будетъ лишена той сферы безграничной личной свободы, которая въ современномъ обществѣ создается гражданскимъ правомъ, но которою могутъ пользоваться теперь по преимуществу лишь имущіе," они выражаютъ однако увѣренность, что эта утрата личной свободы съ избыткомъ восполнится расширеніемъ области т. наз. публичныхъ правъ личности Расширеніе это, по ихъ мнѣнію, произойдетъ чрезъ присоединеніе къ двумъ категоріямъ указанныхъ правъ, осуществляемыхъ и въ современномъ правовомъ государствѣ (именно—къ *свободамъ*, или правамъ личности въ тѣсномъ смыслѣ, и къ собственно политическимъ правамъ), еще такъ назыв. правъ соціалистическихъ, заключающихся въ правѣ каждаго человѣка а) на трудъ, или на пользованіе землей и другими орудіями производства, и б) на одинаковое

участіе во всѣхъ „матеріальныхъ и культурныхъ“ благахъ, каковыя права объединяются въ одномъ общемъ правѣ на достойное человѣческое существованіе. Наряду съ этимъ въ соціалистическомъ обществѣ достигнетъ полнаго завершенія и система объективныхъ публичныхъ правъ, т. е. развитіе государственно-правовыхъ учрежденій въ сторону ихъ дальнѣйшей демократизаціи. „Народовластіе будетъ гарантировано“ въ немъ „не только самымъ широкимъ развитіемъ народнаго представительства, но и непосредственнымъ участіемъ народа въ отправленіи государственныхъ функцій, и прежде всего прямымъ народнымъ законодательствомъ.“ (Б. Кистяковскій: „Государство правовое и соціалистическое“. Гл. III. См. Вопр. Фил. и Псих., кн. 85).

Къ сожалѣнію, представители научнаго соціализма не идутъ въ теоретической разработкѣ правовой стороны защищаемаго ими строя жизни дальше выраженія общихъ пожеланій, только-что нами изложенныхъ, и тѣмъ затрудняютъ критику его по существу. Тѣмъ не менѣе, изъ того, что сказано выше о практической осуществимости основныхъ соціалистическихъ требованій, не трудно убѣдиться, что большая часть этихъ пожеланій имѣетъ совершенно утопическій характеръ. И прежде всего—

1) Права личности, какъ человѣка и гражданина, или такъ назыв. *свободы,* осуществляемыя современнымъ правовымъ государствомъ, подвергнутся существенному стѣсненію при соціалистическомъ строѣ. Изъ нихъ свобода совѣсти въ ея наиболѣе цѣнномъ обнаруженіи, именно—такъ называемая религіозная свобода, какъ мы видѣли выше, и въ самомъ принципѣ отрицается соціализмомъ. Конечно, право имѣть тѣ или другія религіозныя вѣрованія не можетъ быть отнято у человѣка никакимъ внѣшнимъ режимомъ, такъ какъ никакая сила внѣшняго принужденія не можетъ простирать своего дѣйствія на внутреннюю сторону духовной жизни человѣка. И соціалисты охотно уступаютъ это право человѣку, когда говорятъ, что „религія есть частное дѣло.“ Стѣсненіе этого священнаго права человѣка—права вѣры начинается съ того момента, когда къ этому положенію соціалъ-демократической программы присоединяется единственно возможное для него толкованіе, именно—что „религія не должна быть общественнымъ дѣломъ“, иными словами—когда соціалисты требуютъ, чтобы каждый вѣрующій исповѣдывалъ свои религіозныя убѣжденія лишь про себя, не становясь подъ руководство какой-нибудь церкви, или вообще религіозной общины, что равносильно совершенному упраздненію жизненнаго вліянія религіи. И однако, даже по признанію самихъ соціалистовъ, „нѣтъ возможности создать непроницаемую перегородку,“ которая бы могла отдѣлять религію отъ жизни, если только сама религія еще не утратила своей животворной силы, своей жизнеспособности. Но пока существуетъ въ мірѣ совѣсть, опредѣляющая нравственный укладъ жизни не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ обществъ,—до тѣхъ поръ религія своими потусторонними началами, дѣйствующими въ совѣсти, будетъ продолжать свое могущественное вліяніе на человѣческую жизнь. И такъ какъ это вліяніе идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, къ чему стремится соціализмъ, то естественно, что для религіи не можетъ быть мѣста въ соціалистическомъ

обществѣ: оно не станетъ строить зданій для религіозныхъ цѣлей и заботиться о поддержаніи и украшеніи ихъ, равно какъ заботиться и о содержаніи духовенства, оно не можетъ дозволять религіозныя собранія въ своей средѣ, еще менѣе допускать просвѣтительную и благотворительную дѣятельность церкви и т. п., такъ какъ всѣ эти необходимыя проявленія религіозно-общественной жизни стоятъ въ противорѣчіи съ основными принципами соціализма, какъ ученія атеистическаго и антирелигіознаго.— Столь же мало совмѣстимы и остальныя *свободы* съ соціалистическимъ строемъ общественной жизни, каковы: свобода слова и, въ частности, печати и свобода собраній и союзовъ. Свобода печати не можетъ быть осуществлена уже потому одному, что всѣ типографіи будутъ принадлежать обществу, которое не можетъ дозволить печатаніе въ нихъ всѣхъ появляющихся произведеній человѣческаго слова, такъ какъ а) многія изъ нихъ могутъ оказаться не заслуживающими этого по своей бездарности; б) другія по своему содержанію могутъ не соотвѣтствовать соціалистическому строю мышленія и, слѣдовательно, не увидятъ свѣта по причинѣ своего вреднаго направленія; наконецъ, в) дозволеніе печатать всѣ произведенія безъ исключенія повело бы къ чрезвычайному увеличенію типографскаго труда и, слѣдовательно, къ излишнему осложненію общественнаго производства. Отсюда соціалистическое общество не можетъ обойтись безъ предварительной цензуры и притомъ самой строгой изъ всѣхъ, которыя когда-либо угнетали человѣческую мысль, такъ какъ эта цензура должна будетъ не только слѣдить за направленіемъ мыслей въ сочиненіяхъ, но и производить точную оцѣнку степени важности ихъ въ научномъ или художественномъ отношеніи, а также степени утилитарно-практическаго значенія ихъ для жизни общества, и уже по выясненіи всѣхъ этихъ данныхъ рѣшать судьбу того или другого сочиненія. Что касается, наконецъ, свободы устнаго слова, а также собраній и союзовъ, то эти виды публичной свободы могутъ быть предоставлены „гражданамъ будущаго,“ подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы послѣдніе не пользовались ими во вредъ обществу. Сомнительно только, окажется ли благодарная почва для примѣненія этихъ видовъ свободы на практикѣ при томъ общемъ гнетѣ, подъ которымъ будетъ протекать публичная и частная дѣятельность личности въ соціалистическомъ обществѣ.

2) Что касается, далѣе, политической свободы, то она можетъ состоять лишь въ правѣ каждаго участвовать въ выборѣ представителей власти. Нельзя думать, что каждый членъ общества будетъ принимать непосредственное участіе въ отправленіи государственныхъ функцій, напр., въ законодательствѣ. Осуществленіе такого права возможно только въ обществахъ съ незначительнымъ количествомъ членовъ и съ относительно несложною политическою организаціею (какъ это было, напр., въ древнегреческихъ автономныхъ городахъ), но не въ соціалистическомъ, которое по идеѣ имѣетъ обнять собою все человѣчество и воплотить въ себѣ идеальную гармонію индивидуальныхъ и коллективныхъ интересовъ, быть „царствомъ высшаго, идеальнаго себялюбія, примиреннаго съ общимъ благомъ“. Не говоря уже о всей сложной законодательной процедурѣ, которая должна предшествовать воплощенію соціалистическаго идеала въ жизни,—даже простой механическій подсчетъ и провѣрка

голосовъ, поданныхъ по любому частному законодательному вопросу, потребуетъ всякій разъ невообразимаго количества труда и времени въ такомъ громадномъ по составу обществѣ. Но, если даже допустить возможность фактическаго осуществленія прямого народнаго законодательства, то и въ такомъ случаѣ участіе въ немъ никого не удовлетворило бы за утраченную свободу личной жизни, а, наоборотъ, служило бы лишь постояннымъ напоминаніемъ объ этой утратѣ, поскольку личная свобода во всякомъ общемъ дѣлѣ терпитъ постоянное стѣсненіе отъ свободы другихъ; въ дѣлѣ же, въ которомъ количество участниковъ опредѣляется не сотнями и не тысячами, а цѣлыми милліонами и милліардами, ограниченія личной свободы, возрастая въ той же пропорціи, обращаютъ ее въ совершенно ничтожную величину. Столь же мало утѣшительнаго заключаетъ въ себѣ и право непосредственнаго участія каждаго члена общества въ отправленіи другихъ государственныхъ функцій— административныхъ, судебныхъ, контрольныхъ и т. п. Всѣ эти виды политической свободы, обѣщаемой соціалистами, будучи заманчивыми въ теоріи, при своемъ практическомъ осуществленіи сводятся лишь къ праву каждаго ставить свою кандидатуру на всѣ общественныя должности. Но несомнѣнно, что и въ соціалистическомъ обществѣ такъ же, какъ и теперь въ аналогичныхъ случаяхъ, успѣхъ всякой подобной кандидатуры будетъ зависѣть отъ степени популярности выставляющаго ее лица, какимъ бы путемъ эта популярность ни создавалась, и лицамъ, не сумѣвшимъ снискать себѣ таковую въ обществѣ, придется, какъ и нынѣ, довольствоваться лишь платоническою мечтою о замѣщеніи означенныхъ должностей своею персоною.

3) Еще менѣе возможно фактическое осуществленіе такъ называемыхъ соціалистическихъ правъ. Такъ, изъ того, что было сказано выше о распредѣленіи работы въ соціалистическомъ обществѣ, легко усмотрѣть, что право на трудъ можетъ быть осуществлено лишь цѣною отказа отъ свободы въ выборѣ себѣ рода занятій и мѣста жительства, а также въ распоряженіи своимъ временемъ и силами. Это будетъ право рабочаго животнаго не оставаться вообще безъ работы—и только, при чемъ послѣдняя будетъ назначаться обществомъ безъ всякаго соображенія съ личными вкусами и расположеніями работника. Всякое иное пониманіе этого права несовмѣстимо съ планомѣрно-организованнымъ общественнымъ производствомъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о правѣ одинаковаго участія каждаго въ „матеріальныхъ и культурныхъ“ жизненныхъ благахъ. Участіе въ матеріальныхъ благахъ, при неограниченной власти общества опредѣлять индивидуальныя потребности своихъ членовъ и способы ихъ удовлетворенія, необходимо должно свестись къ праву рабочаго животнаго быть во-время накормленнымъ и притомъ тѣми способами, которые будутъ предложены обществомъ. Что же касается участія въ духовно-культурныхъ благахъ, т. е. благахъ, проистекающихъ отъ занятій науками и искусствомъ, то прямой жизненный интересъ самого общества требуетъ, а) чтобы эти занятія были предоставляемы не всѣмъ его членамъ, а только способнѣйшимъ изъ нихъ, такъ какъ они также соединяются съ весьма значительными матеріальными затратами (на научныя изысканія, опыты, модели изобрѣтеній, испытанія ихъ; оборудованіе библіотекъ, музеевъ, лабо-

раторій, студій; образовательныя поѣздки и т. п.); и б) чтобы означенныя занятія могли быть дозволяемы даже избранникамъ культуры лишь въ часы досуга отъ общественно-необходимаго производственнаго труда, который и они должны будутъ нести наравнѣ съ прочими членами общества, въ силу принципа демократическаго равенства. Наконецъ, при отсутствіи личнаго практическаго интереса къ этого рода занятіямъ въ соціалистическомъ обществѣ, придется и къ нимъ привлекать способныхъ лицъ не иначе, какъ путемъ внѣшняго принужденія,—особенно въ начальной, образовательной стадіи этихъ занятій, когда психологически невозможно ожидать отъ человѣка достаточныхъ внутреннихъ побужденій къ умственному или художественному труду, каковы, напр.: научная любознательность, начинающаяся обыкновенно простымъ любопытствомъ и постепенно развивающаяся въ неутолимую жажду истины; наслажденіе процессомъ творчества и т. п.

Такимъ образомъ всѣ разсмотрѣнные виды публичнаго права, обѣщаемые соціализмомъ, по своей эфемерности, представляютъ собою лишь жалкіе суррогаты личной свободы, которую онъ стремится отнять у человѣчества, такъ что даже при возможно полномъ фактическомъ осуществленіи этихъ правъ положеніе будущихъ гражданъ соціалистическаго общества все же останется формою тяжелаго рабства. Но рабство никогда не было источникомъ дѣйствительнаго прогресса въ жизни человѣчества; напротивъ, оно всегда вело лишь къ умственному одичанію и нравственному разложенію человѣческихъ обществъ, за которыми слѣдовало обыкновенно и пониженіе уровня ихъ матеріальной культуры, примѣры чего можно видѣть какъ въ жизни древнихъ, такъ и новыхъ народовъ (напр., въ крѣпостномъ строѣ дореформенной Россіи). Извѣстные въ исторіи факты временнаго подъема культурной жизни рабовладѣльческихъ государствъ нисколько не нарушаютъ этого общаго закона соціальной жизни человѣчества, такъ какъ за быстрымъ культурнымъ расцвѣтомъ этихъ государствъ обыкновенно слѣдовало не менѣе быстрое увяданіе и затѣмъ совершенное исчезновеніе ихъ со сцены исторіи. То же самое неизбѣжно должно произойти и съ соціалистическимъ обществомъ,—съ тою, впрочемъ, особенностью, что здѣсь процессъ всесторонняго разложенія жизни пойдетъ еще болѣе ускореннымъ темпомъ и будетъ еще болѣе ужаснымъ по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ этомъ обществѣ принципъ принужденія будетъ проводиться съ гораздо большею послѣдовательностью, чѣмъ это было въ какомъ-либо изъ прежнихъ человѣческихъ обществъ. Помимо того, и это самое главное,—въ соціалистическомъ царствѣ уже не будетъ тѣхъ жизненныхъ устоевъ, вліяніемъ которыхъ въ большей или меньшей степени задерживался указанный процессъ саморазложенія въ ранѣе сошедшихъ со сцены исторической жизни рабовладѣльческихъ обществахъ. Въ этомъ обществѣ не будетъ—

1) никакой религіи, какъ несовмѣстимой съ общимъ характеромъ міросозерцанія его членовъ,—атеистическимъ и матеріалистическимъ;

2) никакой общеобязательной для всѣхъ нравственности, основы которой могутъ заключаться только въ религіи (попытка обосновать такую нравствен-

ность на принципѣ индивидуальнаго или коллективнаго эгоизма, этой коренной основы соціалистическаго строя жизни, какъ мы видѣли выше, не можетъ быть признана состоятельною);

3) не будетъ также частной собственности, каковому институту, изъ какихъ бы источниковъ ни объясняли его первоначальное происхожденіе, человѣчество обязано въ настоящее время а) возможностью индивидуальнаго развитія, осуществляемою въ свободномъ, независимомъ трудѣ и вообще въ дѣятельности, сообразной съ способностями и наклонностями каждаго; б) прогрессомъ экономической жизни и накопленіемъ матеріальныхъ цѣнностей; в) сильнѣйшими побужденіями къ развитію промышленной техники и вообще практическихъ, прикладныхъ знаній; г) возможностью посвящать всю свою жизнь занятію науками и искусствами, безъ чего никакой прогрессъ въ указанныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, а слѣдовательно и вообще культурный прогрессъ былъ бы немыслимъ; наконецъ, д) возможностью реализаціи нравственной связи между людьми, чрезъ заботы о семьѣ и личную благотворительность, и особенно связи между смѣняющимися поколѣніями людей—чрезъ право наслѣдованія, служащее съ одной стороны выраженіемъ чрезмогильной жалости отцовъ къ дѣтямъ, съ другой—побужденіемъ для потомковъ къ благодарной памяти о предкахъ и обязанности продолжать дѣло ихъ жизни;

4) не будетъ, далѣе, индивидуальной семьи, этого естественнаго оплота общественной нравственности,—какъ потому, что въ жизни, построенной на атеистическихъ и матеріалистическихъ началахъ, не можетъ быть для нея твердыхъ идеальныхъ основъ, такъ и по причинѣ ненужности ея именно при соціалистическомъ строѣ жизни и даже совершенной несовмѣстимости ея съ указаннымъ строемъ; ибо, по идеѣ послѣдняго, для человѣка будущаго, устроеніе личной жизни котораго во всѣхъ ея деталяхъ возьметъ на себя общество, уже не будетъ потребности въ супружеской взаимопомощи при прохожденіи жизненнаго пути, равно какъ и необходимости заботиться о воспитаніи и образованіи дѣтей и объ обезпеченіи ихъ будущности (всѣ эти заботы также должно взять на себя демократическое общество въ видахъ соблюденія равенства условій существованія своихъ членовъ), для одного же только рожденія дѣтей нѣтъ надобности сходиться на всю жизнь; съ другой стороны, безъ частной собственности указанныя выше задачи семьи и не могутъ получить практическое осуществленіе;

5) не будетъ, наконецъ, дѣленія людей а) на классы, или сословія, съ опредѣленнымъ кругомъ соціальныхъ функцій для каждаго изъ нихъ и съ особыми правами и привиллегіями, соотвѣтственно относительному достоинству этихъ функцій, каковое дѣленіе, какъ и вообще всякая спеціализація въ общей сложной работѣ, является необходимымъ условіемъ культурнаго роста человѣческихъ обществъ, и б) по національностямъ, съ особыми, соотвѣтствующими духовному складу каждой изъ нихъ, формами государственно-правового устройства, каковое дѣленіе имѣетъ столь же важное значеніе для культурнаго прогресса всего человѣчества, какъ и классовое дѣленіе—для жизни отдѣльныхъ обществъ.

Останется одна желѣзная сила внѣшняго принужденія, которая всюду будетъ вносить съ собою мертвенность и застой, подавляя въ самомъ же зародышѣ всякое свободное дыханіе жизни, заглушая въ самомъ началѣ слабые ростки свободныхъ жизнепроявленій, всякій разъ какъ они случайно будутъ возникать въ той или другой области индивидуальной или общественной жизни.

Таково будетъ „царство свободы и прогресса“, обѣщаемое соціализмомъ.

Общія замѣчанія объ остальныхъ направленіяхъ въ соціализмѣ.

Изложенная критика марксизма дѣлаетъ излишнимъ особое разсмотрѣніе другихъ видовъ современнаго соціализма, такъ какъ они большею частію представляютъ собою лишь частичныя уклоненія отъ нормальнаго соціалистическаго мышленія, наиболѣе полнымъ и совершеннымъ выраженіемъ котораго является марксизмъ. Достаточно поэтому ограничиться краткою оцѣнкою главнѣйшихъ изъ этихъ уклоненій, исходя изъ того соображенія, что все, сказанное по отношенію къ марксизму, вполнѣ приложимо и къ каждому другому направленію въ соціализмѣ, поскольку оно остается вѣрнымъ общесоціалистическимъ началамъ.

Изъ всѣхъ главнѣйшихъ направленій современнаго соціализма ближе всего стоитъ къ марксизму революціонный соціализмъ, совершенно тожественный съ нимъ по идейному содержанію и отличающійся отъ него лишь болѣе откровеннымъ выраженіемъ разрушительныхъ тенденцій соціализма на практикѣ. Что касается, далѣе, такъ называемаго ревизіонизма, или реформизма, то всѣ тѣ особенности, которыми онъ въ теоріи и практикѣ отличается отъ правовѣрнаго марксизма, можно только привѣтствовать. Особенно достойна вниманія та, временами безпощадная, критика, которой подвергаются въ немъ основныя положенія марксистской теоріи,—критика, цѣнная не только по основательности приводимой ею аргументаціи, опирающейся на обстоятельно изслѣдованныя данныя опыта, но и еще болѣе потому, что она исходитъ изъ соціалистическаго лагеря и такимъ образомъ является невольнымъ показателемъ совершающагося въ нѣдрахъ соціализма процесса саморазложенія. Но, съ другой стороны, нельзя не отнестись съ должнымъ сочувствіемъ и къ сознательному уклоненію реформистовъ отъ насильственныхъ пріемовъ борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса, въ принципѣ допускаемыхъ марксизмомъ и съ особенною настойчивостью проводимыхъ на практикѣ его законнымъ дѣтищемъ—революціоннымъ соціализмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ стремленію ихъ уничтожить соціальное зло средствами, которыми располагаютъ современныя общества, безъ нарушенія основныхъ устоевъ ихъ жизни, главнымъ образомъ—путемъ положительныхъ воздѣйствій на направленіе законодательной дѣятельности парламентовъ въ пользу интересовъ рабочихъ. Этою своею сторочою реформизмъ тѣсно примыкаетъ къ такъ называемому государственному-лассалевскому соціализму, который также ищетъ мирныхъ средствъ къ положительному разрѣшенію соціальной проблемы, не прибѣгая къ ломкѣ

существующаго строя общественной жизни, и отличается отъ реформизма лишь исходною точкою своихъ соціалистическихъ стремленій (изобрѣтенный Лассалемъ, такъ назыв. „желѣзный законъ заработной платы“, нынѣ почти всѣми соціалистами уже оставленный, какъ не подтверждаемый данными современной промышленной статистики) и отчасти разработкою способовъ ихъ осуществленія (проектированныя тѣмъ же Лассалемъ „производительныя товарищества, или артели, рабочихъ-предпринимателей“—средство, совершенно невинное по своему идейному замыслу и нынѣ практикуемое во многихъ европейскихъ государствахъ, не исключая и нашего отечества, но въ отношеніи практической цѣлесообразности еще не опредѣлившееся за недостаткомъ широкаго опыта). Нѣтъ нужды останавливаться также на разсмотрѣніи такъ называемаго „аграрнаго“ соціализма, который если и можно причислять къ соціалистическимъ направленіямъ, то единственно развѣ за то, что представители его иногда настаиваютъ на насильственно-принудительномъ отчужденіи частной земельной собственности и передачѣ ея въ вѣдѣніе общества (государства), безъ всякаго вознагражденія частныхъ владѣльцевъ. По идейной же своей сторонѣ аграрный, также какъ и вообще государственный (нелассалевскій), соціализмъ незаслуженно носитъ названіе соціализма, такъ какъ онъ въ принципѣ не отрицаетъ частной собственности на всѣ безъ исключенія орудія производства, каковое отрицаніе является характернымъ признакомъ для всякаго соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, если указанному признаку не придавать существеннаго значенія при разсмотрѣніи различныхъ направленій въ соціализмѣ, то въ такомъ случаѣ придется не только всѣ существующія государства, но и многія церковныя общины отнести въ разрядъ соціалистическихъ обществъ, по причинѣ практикуемой ими монополіи въ производствѣ или обмѣнѣ отдѣльныхъ видовъ продуктовъ (примѣры государственной монополіи у насъ: водочная, почтово-телеграфная, нѣкоторые виды горно-промышленной; церковной—страховая, вѣнчиковая, по заготовкѣ и продажѣ богослужебныхъ и церковно-бланковыхъ книгъ, отчасти свѣчная). Не требуетъ, наконецъ, особенно внимательнаго отношенія къ себѣ и такъ называемый анархическій коммунизмъ, или *теоретическій* анархизмъ [1]), хотя онъ и не стоитъ въ прямой генетической связи съ другими видами соціализма, а въ логическомъ отношеніи представляетъ собою даже нѣкоторую противоположность имъ, будучи по существу своему своеобразнымъ сочетаніемъ элементовъ соціалистическаго коллективизма съ противоположными имъ началами индивидуалистическаго либерализма. На эту характерную особенность разсматриваемаго направленія указываетъ уже самое названіе его, дающее понять, что по теоретической своей сторонѣ оно является попыткою соединить несоединимое (анархію съ коммуною), что оправдывается и содержаніемъ этой удивительно нелѣпой теоріи, проповѣдующей возможность сочетанія индивидуальной свободы—съ имущественнымъ безправіемъ личности, существованія

[1]). Есть еще практическій анархизмъ, или бомбизмъ, который нуждается въ самомъ заботливомъ отношеніи къ себѣ лишь со стороны стражей общественнаго порядка и безопасности: отъ остальныхъ же членовъ общества требуется только самая тщательная осторожность по отношенію къ нему, диктуемая инстинктомъ самосохраненія, и ничего больше.

планомѣрно организованнаго производства—при постоянномъ приливѣ и отливѣ рабочихъ силъ, полнаго уничтоженія промышленной конкуренціи—путемъ образованія автономныхъ рабочихъ союзовъ и, наконецъ, водворенія и сохраненія общественнаго порядка—безъ законовъ, которыми бы регулировался этотъ порядокъ, и безъ власти, которая бы слѣдила за ихъ исполненіемъ и принимала мѣры противъ его нарушителей. Наконецъ, помимо своей теоретической несостоятельности, анархическій коммунизмъ не можетъ не вызывать отрицательнаго отношенія къ себѣ у всѣхъ, еще не утратившихъ нравственнаго чувства или даже простого инстинкта самосохраненія, своими крайне разрушительными тенденціями, своею открытою проповѣдью насилія, какъ единственно дѣйствительнаго средства для переустройства человѣческихъ обществъ, каковая черта сближаетъ его съ революціоннымъ соціализмомъ.

Борьба церкви съ соціализмомъ.

Общій заключительный взглядъ на соціализмъ и опредѣляемое этимъ взглядомъ отношеніе къ нему христіанскихъ церквей. На основаніи предшествующаго изложенія можно составить себѣ достаточно ясное представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность соціализма, какъ теоретическаго и практическаго ученія. Соціализмъ,—скажемъ словами одного изъ современныхъ религіозныхъ мыслителей,—„не есть организація экономической жизни, удовлетвореніе экономическихъ потребностей, не есть установленіе экономической цѣлесообразности, не есть уменьшеніе рабочаго дня или увеличеніе рабочей платы,—это цѣлое вѣроученіе, рѣшеніе вопроса о смыслѣ жизни, о цѣли исторіи, это—проповѣдь соціалистической морали, соціалистической философіи, соціалистической науки, соціалистическаго искусства, это—подчиненіе всѣхъ сторонъ жизни хлѣбу насущному (лучше бы сказать—„интересамъ желудка“), это замѣна хлѣба небеснаго хлѣбомъ земнымъ, искушеніе превращеніемъ камней въ хлѣбы“. Въ немъ есть своеобразный религіозный паѳосъ, въ которомъ „чувствуется уже начало сверхчеловѣческое, начало атеистическое; паѳосъ этотъ связанъ съ обоготвореніемъ грядущаго человѣчества, съ человѣческимъ самообоготвореніемъ, *и есть въ немъ страшная жажда устроить этотъ міръ не только помимо Бога, но и противъ Бога*“ (Н. Бердяевъ). Соціализмъ, какъ мы видѣли выше, и въ теоріи и на практикѣ заявляетъ себя принципіальнымъ и злѣйшимъ врагомъ религіи, Церкви, государства, семьи и личности,—врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ чаще всего не прямо и открыто дѣйствуетъ противъ этихъ основныхъ устоевъ всякой истинно человѣческой жизни, а подкапывается подъ нихъ незамѣтно: заявляя себя единственно истиннымъ другомъ человѣчества и особенно всѣхъ труждающихся и обездоленныхъ, онъ подъ маскою двуличности и лицемѣрія вкрадывается въ самое святилище жизни, чтобы расхитить ея сосуды. Сила его, по сравненію со всякимъ другимъ отрицательнымъ ученіемъ, заключается въ томъ, что въ немъ—не все ложь, не все—заблужденіе, но есть отчасти и правда, есть и относительная истина, и этою-то своею двойственностію, этимъ невѣроятнымъ сплетеніемъ

правды и лжи, истины и заблужденія онъ представляетъ величайшій соблазнъ для человѣчества, и особенно для необразованной и изнемогающей подъ бременемъ труда и лишеній части его. Понятно отсюда, каково должно быть отношеніе къ соціализму всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы религіи и Церкви, и особенно тѣхъ, кому ввѣрены „люди Господни“ и кто обязанъ будетъ „дать отчетъ о душахъ ихъ“ (Ап. пр. 39). На западѣ Европы, гдѣ соціализмъ впервые заявилъ себя своими разрушительными тенденціями, представители христіанства давно уже опредѣлили свое отношеніе къ нему. И въ католическомъ и въ протестантскомъ мірѣ вотъ уже около полустолѣтія, какъ ведется съ нимъ упорная и безпощадная борьба,—борьба, первоначально начатая отдѣльными лицами, стоявшими на стражѣ интересовъ церковныхъ (еп. Кеттлеръ въ католичествѣ и пасторъ Штеккеръ въ протестантствѣ, выступившіе на арену общественной дѣятельности подъ знаменемъ „христіанскаго соціализма“, въ противовѣсъ соціалъ-демократическому), но потомъ постепенно мобилизовавшая всѣ наличныя силы, которыми располагаетъ для этой борьбы современное намъ христіанство. Папы издаютъ особыя энциклики, въ которыхъ, съ одной стороны, выясняются ложь и вредъ соціализма, съ другой—намѣчаются наиболѣе дѣйствительныя средства къ уничтоженію этой „смертоносной заразы“ и къ умиротворенію мятущейся дѣйствительности; духовенство обѣихъ церквей широко развиваетъ общественную, главнымъ образомъ просвѣтительную и благотворительную дѣятельность: учреждаетъ спеціально для низшихъ слоевъ населенія школы, больницы, пріюты, богадѣльни, странноприимные и работные дома; становится во главѣ профессіональнаго рабочаго движенія, руководитъ организаціею трудовыхъ рабочихъ союзовъ съ самыми разнообразными формами взаимопомощи; всѣми доступными средствами старается привлечь къ такой же дѣятельности свѣтскую власть и высшіе классы общества, не исключая и представителей капитала; устраиваетъ курсы для приготовленія особыхъ, противо-соціалистическихъ миссіонеровъ и т. д.

Долгъ пастырей православной церкви бороться съ соціализмомъ; краткій обзоръ способовъ веденія этой борьбы. Своимъ западнымъ собратьямъ въ ихъ отношеніи къ соціализму должны слѣдовать и пастыри православной и, въ частности, нашей отечественной церкви, если они не хотятъ, чтобы ввѣренное имъ стадо Божіе оказалось расхищеннымъ, виноградникъ—потоптаннымъ, тучныя нивы православія, унаслѣдованныя ими отъ раннихъ дѣлателей, обращенными въ мерзость запустѣнія. У нихъ же они должны поучаться вмѣстѣ съ самоотверженною ревностью и самымъ способамъ, или пріемамъ борьбы съ общимъ врагомъ,—пріемамъ, которые вырабатывались тамъ болѣе, чѣмъ полустолѣтнимъ опытомъ, сообразуясь, конечно, въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ съ особенностями мѣста, времени, національности, внѣшняго положенія нашей отечественной церкви и внутренняго направленія ея жизни. Само собою понятно, что пріемы эти необходимо должны быть столь же сложны и разнообразны, какъ и сама жизнь, и не могутъ быть всегда одинаковыми, такъ какъ и условія жизни, съ которыми они должны соразмѣряться, не бываютъ постоянно одни и тѣ же, такъ какъ и сама жизнь никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но непрерывно движется,

течетъ, измѣняется. Поэтому было бы совершенно безплоднымъ дѣломъ пытаться заранѣе, со школьной скамьи, предусмотрѣть и изучить эти пріемы во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Отъ школы можно требовать только, чтобы она намѣтила будущимъ борцамъ противъ соціализма тѣ основныя направленія, въ которыхъ должна вестись ими эта борьба, въ частности—чтобы она выяснила предъ ними слабыя и сильныя стороны противника, указала имъ надежнѣйшія средства для борьбы, которыя могутъ быть въ ихъ распоряженіи и, сообразно съ этими данными, начертала предъ ихъ умственнымъ взоромъ общій планъ ихъ будущихъ дѣйствій.

Слабыя стороны соціализма и въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніи намъ, въ общихъ, существенныхъ чертахъ уже извѣстны, такъ какъ раскрытіемъ и уясненіемъ этихъ сторонъ мы преимущественно и занимались доселѣ. Раскрыто было отчасти и то, въ чемъ заключается сила соціализма, гдѣ лежитъ причина его необычайной живучести, его быстраго и широкаго распространенія среди современнаго общества и могущественнаго вліянія на умы и сердца человѣческія. Въ свое время было указано, что причину эту слѣдуетъ искать не въ твердости и неопровержимости теоретическихъ основъ соціализма и не въ строго логическомъ развитіи ихъ, не въ соотвѣтствіи ихъ съ фактами текущей дѣйствительности, наконецъ, не въ высотѣ его идейнаго содержанія,—ибо ничего этого, какъ мы выше видѣли, нѣтъ въ соціализмѣ, а исключительно въ его историческихъ основахъ,—въ тѣхъ особыхъ условіяхъ жизни современнаго общества, которыя вызвали и доселѣ питаютъ соціалистическое движеніе. Къ числу этихъ условій слѣдуетъ отнести и тѣ особенности современной жизни нашего отечества, которыя содѣйствуютъ распространенію въ немъ, особенно усилившемуся въ послѣдніе годы, этого заимствованнаго съ Запада движенія. Сюда принадлежатъ: теоретическій и практическій атеизмъ (безвѣріе и нравственная расшатанность, безпринципность), характеризующій настроеніе интеллигентныхъ слоевъ нашего общества; невѣжество народной массы и, какъ слѣдствіе его, крайняя неустойчивость ея религіозно-нравственнаго сознанія; относительно безправное ея положеніе и слабая матеріальная обезпеченность; развитіе капитализма въ нашей странѣ совсѣми его неприглядными сторонами, особенно рѣзко дающими себя чувствовать именно въ нашемъ отечествѣ, при общихъ несовершенствахъ нашей соціальной жизни; въ частности, болѣе тяжелое положеніе нашихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, по сравненію съ ихъ западными собратьями, обусловливаемое, съ одной стороны, низкимъ уровнемъ промышленной жизни нашего отечества, съ другой—невѣжествомъ самихъ рабочихъ и, какъ слѣдствіемъ его, ихъ слабою работоспособностью, ихъ неумѣніемъ самостоятельно бороться съ жизненными невзгодами, незнакомствомъ съ формами кооперації и взаимопомощи, неспособностью законными средствами отстаивать свои интересы противъ алчности и своекорыстія работодателей и т. п. Таковы причины распространенія соціализма у насъ въ Россіи. Отсюда для успѣшной борьбы съ нимъ пастырямъ церкви необходимо всѣ усилія свои направить къ тому, чтобы устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить тѣ причины, которыми обусловливается могущественное вліяніе его на психологію народныхъ массъ.

Какими же средствами располагаютъ пастыри для осуществленія этой задачи? Какъ „служители слова“ (Дѣян. VI, 2—4), они, конечно, прежде всего должны пользоваться именно этимъ оружіемъ во всѣхъ его видахъ и способахъ примѣненія. Съ нимъ они должны смѣло и мужественно выступить на защиту христіанской истины отъ обуревающей ее нынѣ соціалистической лжи, раскрывая предъ умственнымъ взоромъ русскаго общества и особенно народной массы всѣ неправды соціализма, его коренное несоотвѣтствіе съ исконными запросами человѣческаго духа, къ которымъ всегда былъ такъ чутокъ нашъ народъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (подвижниковъ, философовъ, писателей-беллетристовъ). „Желательно—говоритъ одинъ изъ современныхъ отечественныхъ публицистовъ-богослововъ,—чтобы наши архипастыри и пастыри, не устраняясь отъ общественнаго движенія, имѣли мужество сказать всѣмъ, увлекающимся соціалистическою мечтою, что, сколь бы, въ частности, ни было хорошихъ элементовъ въ соціализмѣ, но, въ сущности, онъ ставитъ для человѣчества глубоко одностороннюю цѣль и совершенно ложные идеалы, переставляя центръ тяжести въ человѣческой жизни, всѣ, такъ сказать, ея притяженія съ неба на землю и—*исключительно* на землю... Пусть они разъяснятъ съ возможною убѣдительностью, что, хотя соціализмъ и кажется родственнымъ христіанству, но это родство чисто внѣшнее, именно лишь кажущееся, простая видимость, своего рода обманъ духовнаго зрѣнія; что соціализмъ и христіанство близки развѣ лишь тою близостью, въ какой,—да простятъ мнѣ это, нѣсколько грубоватое, сравненіе!—находятся между собою два человѣка, стоящіе другъ къ другу спиною: когда они пойдутъ, то уйдутъ въ разныя стороны и, чѣмъ дальше будутъ идти, тѣмъ больше будутъ удаляться другъ отъ друга... Признавая въ соціализмѣ нѣкоторые религіозно-мистическіе элементы (*культъ* человѣчества, *вѣра* въ „земной рай“ и т. д.), пусть, однако, они найдутъ въ себѣ мужество громко засвидѣтельствовать ту несомнѣнную и неопровержимую истину, что, при всемъ томъ, соціализмъ есть лишь *лжерелигія*, суррогатъ ея, поддѣлка подъ нее,—чтобы „прельстить, если возможно, и избранниковъ“... Пусть наши архипастыри и пастыри выскажутъ все это смѣло и рѣшительно, вопреки широко распространеннымъ теперь у насъ предразсудкамъ о мнимомъ родствѣ, почти тожествѣ между христіанствомъ и соціализмомъ, чуть ли даже не съ преимуществами на сторонѣ послѣдняго“ (проф. А. Введенскій). Но такъ какъ эта проповѣдь не можетъ быть понятна для народа и убѣдительна для интеллигенціи, пока первый остается въ невѣжествѣ, а вторая—зараженною атеизмомъ, то необходима усиленная борьба съ этими коренными язвами, разъѣдающими наше общество, средствами просвѣщенія вообще и богословской науки въ частности. Борьба эта, трудная сама по себѣ, еще болѣе осложняется тою невообразимою путаницею понятій, которая вносится въ сознаніе нашего необразованнаго или, что еще хуже, полуобразованнаго общества самимъ соціалистическимъ ученіемъ, представляющимъ собою, какъ мы видѣли выше, своеобразную помѣсь истины и лжи. „Все вообще соціалистическое ученіе,—говоритъ только-что цитированный нами авторъ,—страдаетъ однимъ весьма замѣтнымъ и повсюду дающимъ себя знать недостаткомъ—смѣшеніемъ, совершенно некритическимъ и даже прямо-таки неразборчивымъ, истины и

лжи, правды и неправды, или такъ называемымъ у философовъ *ложнымъ единствомъ*". Требуя коренного преобразованія наличной дѣйствительности человѣческой жизни, соціализмъ, подобно всякимъ инымъ видамъ крайняго радикализма, въ своей оцѣнкѣ этой дѣйствительности исходитъ изъ совершенно ложнаго принципа: abusus tollit usum (т. е. если какою-либо вещью злоупотребляютъ, то ее надлежитъ совершенно изъять изъ употребленія). Съ точки зрѣнія этого принципа онъ отрицаетъ частную собственность, христіанскій бракъ и семью, организацію общества на основѣ классоваго дѣленія, современное государство съ лежащимъ въ его основѣ принципомъ подчиненія авторитету; на фактахъ же частичныхъ уклоненій отъ нормы, неизбѣжныхъ въ жизни во всякое время, онъ старается обосновать свое отрицательное отношеніе къ христіанской религіи и нравственности, свое огульное осужденіе церкви, какъ „орудія классоваго господства", какъ „приспѣшницы богачей". Отсюда (скажемъ словами программы нашего предмета) для успѣшной борьбы съ соціализмомъ пастырямъ необходимо обратить особенное вниманіе на выясненіе съ христіанской точки зрѣнія слѣдующихъ жизненныхъ вопросовъ нашего времени: а) о частной собственности и общности имѣній; б) о добромъ и преступномъ богатствѣ, а равно о доброй и преступной бѣдности, въ связи съ христіанскимъ взглядомъ на трудъ и благотворительность; в) о христіанской семьѣ,—ея религіозной и соціальной задачѣ; д) о государствѣ— его цѣли, задачахъ и назначеніи, а равно о власти—ея происхожденіи, свойствахъ и назначеніи, ея правахъ и обязанностяхъ; о необходимости повиновенія властямъ и о крайнемъ предѣлѣ повиновенія. Въ виду особенно рѣзкихъ нападокъ соціализма на христіанство, какъ на „орудіе классоваго господства", какъ на религію, поддерживающую рабство, какъ на религію ненависти и т. п., надлежитъ съ особенною обстоятельностію раскрыть— а) что христіанство является защитникомъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, б) что оно спасаетъ людей отъ духовнаго и экономическаго рабства, въ которое повергаетъ ихъ соціализмъ; в) что оно проповѣдуетъ любовь ко всѣмъ людямъ и является „религіею человѣческаго состраданія"; г) что исключительно христіанству обязано человѣчество всѣмъ, что есть лучшаго въ его жизни; д) что, наконецъ, если въ послѣдней остается еще много несовершеннаго, если въ ней еще доселѣ нерѣдко господствуетъ эгоизмъ, своекорыстіе, насиліе, вражда, зависть, озлобленіе, если она еще продолжаетъ быть „міромъ печали и слезъ," то причина этого заключается не въ христіанствѣ, которое, по Апостолу, на все полезно (1 Тим. 4, 8), а въ насъ самихъ, въ нашемъ упорномъ нежеланіи подчиняться его благотворнымъ вліяніямъ, словомъ—не въ томъ, что мы еще не соціалисты, а въ томъ, что мы еще въ большинствѣ случаевъ не христіане, хотя давно уже носимъ это священное имя. Не подвергая здѣсь указанныхъ вопросовъ нарочитому разсмотрѣнію въ виду того, что они цѣликомъ входятъ въ программы Нравственнаго и отчасти (вліяніе христіанства на жизнь человѣчества) Основного Богословій, хотя и нуждаются тамъ въ иномъ, болѣе жизненномъ, приспособительно къ требованіямъ времени, освѣщеніи, по сравненію съ тѣмъ, какъ они трактовались доселѣ (напримѣръ, разсмотрѣніе вопросовъ о богатствѣ, бѣдности, о свободѣ труда и т. п. съ точки зрѣнія соціальной нравственности, которая до-

селѣ совершенно упускалась изъ виду), заключимъ свой обзоръ средствъ и способовъ борьбы съ соціализмомъ указаніемъ еще на одно весьма важное условіе, безъ котораго побѣда надъ нимъ невозможна, мало того — безъ котораго всѣ другія перечисленныя нами средства были бы столь же недѣйствительными, какъ и въ томъ случаѣ, если бы они совсѣмъ не употреблялись въ дѣло.--Какъ бы ни было совершенно пастырское слово по формѣ и содержанію, какъ бы обильно оно ни насыщалось истиною изъ Божественнаго источника, какими бы, далѣе, оно ни блистало перлами человѣческаго знанія и искусства,—только тогда оно можетъ имѣть надлежащую силу и значеніе, когда сопровождается и подкрѣпляется одушевленнымъ любовію дѣломъ (Іак. II, 15, 16; 1 Кор. XIII, 1). Поэтому въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ соціализмомъ пастырямъ церкви нельзя ограничиваться одними теоретическими разоблаченіями его и вообще средствами одного наученія; но, помня заповѣдь Спасителя и Его апостоловъ (Мѳ V, 16; 1 Іоан. III, 18) и слѣдуя примѣру своего Божественнаго Пастыреначальника, питавшаго своихъ слушателей не только хлѣбомъ небеснымъ, но и земнымъ и исцѣлявшаго ихъ отъ недуговъ не только духовныхъ, но и тѣлесныхъ, они, наряду съ теоретическою, просвѣтительною, должны также развить въ возможно широкихъ размѣрахъ и практическую дѣятельность, направляя ее къ искорененію того общественнаго зла, которое единственно сообщаетъ жизненность соціализму, именно къ умиротворенію возникшей на экономической почвѣ соціальной розни, чрезъ улучшеніе матеріальнаго и правового положенія рабочихъ массъ,— ибо только этимъ путемъ можно обезоружить противника, выбить изъ-подъ ногъ его ту почву, которою онъ незаконно завладѣлъ и обратилъ въ твердую для себя позицію; только этимъ путемъ можно снять несправедливыя его нареканія на холодное, безучастное отношеніе церкви къ человѣческимъ страданіямъ; только этимъ путемъ можно обратно привлечь къ церкви отшатнувшихся отъ нея подъ вліяніемъ льстивой соціалистической пропаганды слабыхъ, несовершенныхъ ея чадъ. Средствами для этого могутъ служить: а) благотворительность во всѣхъ ея видахъ, осуществляемая при помощи учрежденія церковно-приходскихъ братствъ и попечительствъ; б) дѣятельное участіе, а если возможно и руководственное, въ устроеніи трудовыхъ рабочихъ союзовъ съ разнообразными формами взаимопомощи; в) содѣйствіе моральному оздоровленію народа примѣромъ личной своей жизни; г) воспитаніе въ немъ добрыхъ навыковъ (къ трезвости, бережливости, трудолюбію, умѣренности въ требованіяхъ), имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ и улучшеніе его матеріальнаго благополучія; наконецъ д) мужественная защита интересовъ народныхъ предъ высшими классами общества и предъ правительствомъ, особенно же предъ работодателями (соотвѣтствующими выступленіями въ законодательныхъ собраніяхъ, равно и предъ органами мѣстнаго самоуправленія, непосредственнымъ нравственнымъ вліяніемъ на представителей капитала и т. п.). Проводя эти мѣры въ жизнь со всею ревностью, на какую только можетъ подвигнуть его любовь Христова, пастырь тѣмъ самымъ естественно покажетъ себя въ глазахъ народа истиннымъ другомъ его, готовымъ положить за него душу свою, и такимъ образомъ всецѣло овладѣетъ его симпатіями, на благо Церкви и отечества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Современный соціализмъ и его главные виды.

Стр

Понятіе о соціализмѣ. Общій характеръ его 3
Различныя направленія въ соціализмѣ. 3

Христіанскій соціализмъ.

Сущность этого направленія и различныя теченія въ немъ 6
Разборъ основаній, приводимыхъ въ пользу мнѣній о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ. 6
Несостоятельность самыхъ мнѣній о совмѣстимости христіанства съ соціализмомъ, вытекающая а) изъ понятія о сущности того и другого и б) изъ неудачи бывшихъ доселѣ опытовъ такого совмѣщенія. Причины живучести этихъ мнѣній въ наше время. 8

Научный соціализмъ (марксизмъ).

Происхожденіе его. 11
Историческія основы марксизма. Связь съ предшествовавшими теченіями западно-европейской общественной мысли. 12

Краткое изложеніе ученія марксизма.

Сущность теоріи историческаго матеріализма. 14
Примѣненіе теоріи историческаго матеріализма къ оправданію соціализма. 15

Критика марксизма.

Общій взглядъ на теорію Маркса. 17
Критика теоретическихъ основъ марксизма: а) несостоятельность теоріи историческаго матеріализма 18
б) Несостоятельность закона о прибавочной цѣнности 19
Несостоятельность основной догмы марксистской теоріи—ея ученія объ экономикѣ 23

Отношеніе марксизма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности.

Стр

Взглядъ марксизма на происхожденіе и сущность религіи вообще; приложеніе этого взгляда къ вопросу о происхожденіи христіанства 28

Несостоятельность марксистскаго ученія о происхожденіи религіи вообще и христіанства въ частности 29

Практическое отношеніе марксизма къ религіи и къ христіанству. Сущность его церковнополитической программы 34

Этика марксизма.

Возможность и необходимость оцѣнки марксизма съ этической точки зрѣнія 38

Основы марксистской этики; способъ опредѣленія ихъ. 39

Отношеніе практической стороны въ марксизмѣ къ теоретической и опредѣляемыя этимъ отношеніемъ основныя предпосылки марксистской этики—взглядъ на зло и ученіе о высшемъ благѣ, какъ конечной цѣли человѣческой жизни. . . . . —

Взглядъ марксизма на принципы человѣческой дѣятельности: а) несостоятельность его попытокъ обосновать соціалистическія требованія на возвышенныхъ началахъ христіанской любви и справедливости 41

б) Отрицаніе въ марксизмѣ общеобязательныхъ и неизмѣнныхъ нравственныхъ нормъ и признаніе эгоизма основнымъ началомъ, опредѣляющимъ поведеніе человѣка . . . . . —

в) Христіанскій идеалъ свободы, равенства и братства въ марксистскомъ освѣщеніи 44

Безнравственность средствъ, рекомендуемыхъ марксизмомъ для достиженія соціалистическихъ цѣлей 46

Несостоятельность марксизма съ утилитарно-практической точки зрѣнія 48

Отсутствіе яснаго представленія о будущемъ строѣ соціальной жизни человѣчества въ научной соціалистической литературѣ и вытекающая отсюда необходимость ограничиться при оцѣнкѣ этого строя разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ его основъ, указанныхъ Марксомъ 49

Практическая неосуществимость основныхъ соціалистическихъ требованій: 1) обобществленія орудій производства. 50

2) Невозможность общественно-планомѣрной организаціи производства на основѣ возможно полнаго демократическаго равенства. 52

Стр.

3) Затрудненія при распредѣленіи продуктовъ потребленія въ соціалистическомъ обществѣ 58
Невозможность культурнаго прогресса при соціалистическомъ строѣ жизни 62

Общія замѣчанія объ остальныхъ направленіяхъ въ соціализмѣ 70

Борьба церкви съ соціализмомъ.

Общій заключительный взглядъ на соціализмъи о предѣляемое этимъ взглядомъ отношеніе къ нему христіанской церкви 72
Долгъ пастырей православной церкви бороться съ соціализмомъ; краткій обзоръ способовъ веденія этой борьбы 73

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢРНОСТЬ“.

ПРОГРАММА

ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ СВѢДѢНІЙ

ПО ОБЛИЧЕНІЮ СОЦІАЛИЗМА.

СОСТАВИЛЪ
И. Г. Айвазовъ,
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Архіепископа Антонія Волынскаго.

Цѣна 15 коп., съ пересылк. 20 коп.

МОСКВА.
„Русская Печатня“. Садовая-Тріумфальная, домъ № 170.
1909

ПРОГРАММА

для преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ свѣдѣній по обличенію соціализма*).

1. Выясненіе *понятія о соціализмѣ вообще*, какъ объ ученіи, требующемъ замѣны частной собственности на средства производства соціализаціею или обобществленіемъ производительныхъ силъ. Въ такой соціализаціи всякій соціализмъ видитъ единственное и истинное счастье человѣка или его „земной рай". Отъ такого строя матеріальной жизни человѣка всякій соціализмъ ставитъ въ зависимость всю духовную его жизнь. Отсюда началомъ и концомъ жизни человѣка является земля. Отсюда всякій соціализмъ является матеріалистическимъ и атеистичнымъ.

2. *Различныя направленія въ соціализмѣ*, какъ-то: такъ-называемый „христіанскій соціализмъ", современный научный или Марксовскій соціализмъ, иначе называемый еще соціалъ-демократическимъ, государственный, или Лассалевскій соціализмъ, ревизіонистскій, аграрный, революціонный и пр.,— зависятъ отъ способовъ достиженія разными соціалистами общей для всякаго соціализма цѣли.

3. *Наибольшаго вниманія заслуживаютъ:* такъ-называемый „христіанскій соціализмъ", какъ ведущій свое дѣло подъ знаменемъ и во имя Христа съ цѣлью уловленія христіанъ, а затѣмъ соціализмъ Марксовскій, или такъ-называемая соціалъ-демократія, какъ самая боевая, мощная и самая опасная отрасль соціализма.

---

*) Эта программа утверждена опредѣленіемъ Св. Синода отъ 4—6 іюня 1909 г. за № 4899-мъ („Церк. Вѣдом." № 26-й 1909 г.).

4. Такъ-называемый *„христіанскій соціализмъ“*. Общность его цѣлей и задачъ съ другими соціалистами. Главное отличіе его въ томъ, что онъ старается поставить себя подъ защиту Христа. Ложь утвержденія этихъ соціалистовъ, что якобы Христосъ былъ соціалистомъ и революціонеромъ. Полная противоположность и несовмѣстимость христіанства съ соціализмомъ, какъ ученіемъ матеріалистическимъ и атеистическимъ. Неудача попытокъ въ различныхъ странахъ создать систему „христіанскаго соціализма“. Такія попытки завершались или: а) полнымъ отдѣленіемъ вѣрующихъ христіанъ отъ соціализма, какъ отъ ученія нечистаго, или б) потерею христіанами вѣры въ Бога и Христа. Сознаніе несовмѣстимости христіанства съ соціализмомъ присуще и многимъ соціалистамъ. Другіе же лицемѣрно, а иные по недомыслію твердятъ о возможности „христіанскаго соціализма“.

5. Такъ-называемый *„современный“ или „научный соціализмъ“ Маркса*, иначе именуемый просто *соціалъ-демократіей*. Время его образованія. Краткое изложеніе его ученія. Сильное развитіе его въ Россіи особенно въ наше время. Атеистичность и крайняя матеріалистичность соціалъ-демократическаго міровоззрѣнія.

6. *Христіанство и соціалъ-демократія*. Христіанское міровоззрѣніе и соціалъ-демократія взаимно уничтожаютъ другъ друга; они до крайностей противоположны между собой: и въ мірѣ идей религіозныхъ, моральныхъ, правовыхъ, государственныхъ, политическихъ, общественныхъ, семейныхъ, индивидуальныхъ, и въ сферѣ научно-философской мысли, и въ мірѣ творчества и т. д. Христіанство связуетъ себя съ внутреннимъ человѣкомъ, почему и прогрессъ христіанскій — внутренній, качественный; онъ завершается небомъ или загробной жизнью. Соціалъ-демократія, какъ и всякій соціализмъ, наоборотъ, связываетъ себя съ внѣшнимъ человѣкомъ, ея прогрессъ—внѣшній, матеріальный, количественный и замыкается землею. Въ христіанствѣ мате-

ріальное благо является лишь приложеніемъ къ внутреннему совершенству человѣка; самоцѣнное блаженство—въ сердцѣ человѣка, напоенномъ любовью и единствомъ духа со всѣми во Христѣ. Соціалъ-демократія, наоборотъ, на всю духовную жизнь человѣка смотритъ какъ на случайную надстройку къ его экономикѣ, почему поставляетъ ее въ исключительную зависимость отъ того или другого состоянія экономической жизни людей, которая одна только имѣетъ собственную цѣнность въ глазахъ соціалъ-демократовъ. Царство сытаго желудка—въ этомъ соціалистическій рай. Отсюда: а) провозглашенныя христіанствомъ идеи свободы, равенства и братства глубоко враждебны однозвучнымъ съ ними соціалистическимъ идеямъ. Нося исключительную печать матеріальности, соціалистическая свобода завершается рабствомъ, равенство превращается въ тираннію, а братство—въ нравственное одичаніе; б) въ то время какъ христіанство зоветъ къ всеобщей любви, къ миру и благоволенію,—соціалъ-демократія устраиваетъ междоусобную кровавую бойню и объявляетъ кровопусканіе своимъ догматомъ. Христіанскія пѣсни любви и милосердія она силится заглушить своими пѣснями войны и криками ненависти, зовущими на бой для захвата власти и богатствъ. Христіанство—это религія любви, „религія человѣческаго состраданія“, а соціалъ-демократія—это „религія человѣческой ненависти“.

7. *Отношеніе соціалъ-демократіи къ религіи вообще и къ христіанству особенно.* Нелѣпость принципіальнаго воззрѣнія соціалъ-демократовъ на религію вообще и на христіанство въ частности, какъ на случайные продукты экономики времени появленія у каждаго народа религіи и въ частности христіанства. Крайняя тенденціозность соціалъ-демократовъ и ихъ безцеремонность въ обращеніи съ фактами христіанской исторіи. Религія, какъ самый сильный тормозъ для торжества соціалистическихъ идей. Соціалъ-демократія изгоняетъ всякую религію, какъ враждебную ея существу. Это изгнаніе осуще-

ствляется различными путями, совокупность которыхъ составляетъ особую *программу соціалъ-демократической церковной политики*. Главные пункты этой программы: а) извращеніе историческихъ событій въ христіанствѣ и даже отрицаніе самаго факта жизни Іисуса Христа, б) извращеніе идей христіанской благотворительности, равенства, свободы и братства, в) извращеніе всей христіанской морали и ея цѣлей, г) кощунственное отрицаніе Бога и всякой вѣры въ Него, д) прямые призывы къ уничтоженію Бога, религіи и особенно христіанства, е) вооруженіе народныхъ массъ противъ христіанства путемъ внушенія народу мысли, что христіанство стоитъ на сторонѣ враговъ бѣднаго народа — капиталистовъ и правителей. Съ тою же цѣлью борьбы съ христіанствомъ соціалъ-демократы объявляютъ то „нейтралитетъ къ Церкви", то „религія есть частное дѣло", то особыя „государственныя педагогическія требованія", то „свободу совѣсти" и т. д.

8. *Отношеніе инославныхъ церквей* къ соціалъ-демократіи, какъ къ принципіальному и злѣйшему врагу религіи, Церкви христіанской, государства, общества, семьи и личности.

9. *Несостоятельность основной идеи* соціалъ-демократіи—это ея ученія объ „экономикѣ". Нельзя въ зависимость отъ экономическихъ отношеній между людьми ставить всю духовную или культурную ихъ жизнь: религію, мораль, право, науку, искусство и т. д. Самая идея соціалистическаго строя жизни людей образовалась у соціалъ-демократовъ прежде, чѣмъ наступили потребные для того матеріальные факторы. Изобрѣтеніе производительныхъ силъ предваряетъ собою ихъ появленіе и вліяніе ихъ на духовную жизнь человѣка. Аналогія между развитіемъ общественнаго строя и развитіемъ въ области явленій природы непріемлема, потому что въ первомъ развитіи главнымъ фактомъ является сознательная и творческая личность человѣка. Сами соціалъ-демократы, не ожидая „естественнаго" теченія экономики

и наступленія ихъ „общечеловѣческаго соціальнаго союза“, какъ необходимаго продукта сложившихся экономическихъ соотношеній между трудомъ и капиталомъ, употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы названный строй явился и плодомъ ихъ личнаго творчества, чѣмъ въ корнѣ рушатъ свой „экономическій“ принципъ. Несостоятельность „экономики“ въ дѣлѣ выясненія соціалъ-демократіей вопроса о происхожденіи религіи вообще и христіанства въ частности, для чего потребовалось имъ извращать факты христіанской исторіи.

10. *Критика соціалистическаго государства*, или „общечеловѣческаго соціальнаго союза“. Его строй. Распредѣленіе въ немъ обязанностей. Принудительность работы вообще и обязанность работы въ той отрасли труда, которую предпишетъ отдѣльному лицу общество, въ частности. Полное порабощеніе въ „союзѣ“ личности стадностью. Умственное одичаніе и нравственное разложеніе. Попраніе самаго священнаго права человѣка—вѣры въ Бога. Изгнаніе религіи изъ „союза“. Отсутствіе какой-либо гарантіи даже матеріальнаго благополучія, въ силу полнаго подавленія дѣятельности свободной личности, что влечетъ за собою уменьшеніе работоспособности.

11. *Принципіальное и практически жизненное отношеніе соціалъ-демократіи къ „пролетаріату“.* Понятіе о „пролетаріатѣ“, какъ о рабочемъ, по преимуществу, классѣ, въ противовѣсъ классу капиталистовъ. Стремленіе соціалъ-демократіи захватить повсюду въ государствахъ въ свои руки политическую власть съ помощью организованнаго и вооруженнаго пролетаріата. Цѣль захвата власти—якобы единственно этимъ путемъ возможно улучшеніе матеріальнаго быта пролетаріевъ. Ученіе о прогрессивномъ объединеніи пролетаріата и о невозможности улучшить его бытъ мирнымъ путемъ.—*Критика:* лживость утвержденія о „прогрессивномъ объединеніи пролетаріата“ доказывается и жизнью рабочихъ въ разныхъ странахъ и внутреннимъ разногласіемъ по

этому вопросу въ средѣ самихъ соціалъ-демократовъ. Ложь утвержденія о невозможности путемъ мирныхъ соглашеній между трудомъ и капиталомъ улучшить матеріальный бытъ рабочихъ. Примѣръ рабочихъ организацій въ Англіи, Франціи, Америкѣ. Отсюда вытекаетъ и ложь утвержденія, что только путемъ захвата политической власти можно улучшить бытъ рабочихъ. Проблематичность всемірной диктатуры пролетаріата. Иллюзорность пролетарскаго счастья при захватѣ политической власти. Сознаніе этого уже сказалось въ рабочихъ массахъ. Бѣгство рабочихъ изъ соціалистическихъ организацій. Появленіе чисто-трудовыхъ рабочихъ организацій, сторонящихся классово-политической борьбы. Стремленіе соціалъ-демократовъ затормозить ростъ подобныхъ организацій и бросить пролетаріатъ исключительно въ объятія борьбы за политическую власть. Отсюда ярко обнаруживается, что для соціалъ-демократовъ благо пролетаріата не является искомою цѣлью. Наоборотъ, у нихъ своя цѣль—это „ключъ къ властвованію", и пролетаріатъ является для нихъ только средствомъ къ достиженію этой цѣли. Для ослѣпленія же пролетаріата они манятъ его несбыточными посулами, всячески тормозя улучшеніе матеріальнаго быта рабочихъ другими путями, внѣ цѣлей соціалъ-демократіи. Полная противоположность между принципіальными и конечными цѣлями у соціалъ-демократіи съ опекаемымъ ею пролетаріатомъ подтверждается и самимъ укладомъ жизни лидеровъ соціалъ-демократіи, на соціалъ-демократическихъ предпріятіяхъ и прочее. То же подтверждается и интеллигентскимъ составомъ соціалъ-демократическихъ руководителей, чуждыхъ пролетаріату и по духу, и по плоти. То же подтверждается и тою легкостью, съ какою соціалъ-демократы бросаютъ толпы пролетаріатовъ въ объятія „кроваваго Марксовскаго рая".

12. *Необходимо для успѣшной борьбы съ соціализмомъ обратить вниманіе особенно еще на выясненіе съ христіанской точки зрѣнія слѣдующихъ жизнен-*

ныхъ вопросовъ нашего времени: а) о частной собственности и общности имѣній. б) о добромъ и преступномъ богатствѣ, а равно о доброй и преступной бѣдности; объ истинной христіанской благотворительности; в) о необходимости и значеніи для человѣка труда и работы: г) о христіанской семьѣ,—ея религіозной и соціальной задачѣ: д) о государствѣ—его цѣли, задачахъ и назначеніи. а равно о власти—ея происхожденіи, свойствахъ и и назначеніи, ея правахъ и обязанностяхъ; о необходимости повиновенія властямъ и о крайнемъ предѣлѣ повиновенія; е) объ истинной свободѣ, равенствѣ и братствѣ; въ частности,—о совмѣстимости свободы съ порядкомъ и законностью, а равенства и братства со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ; ж) о стачкахъ и забастовкахъ: з) о возмездіи за преступленіе въ связи съ оцѣнкою одного и того же дѣйствія съ точки зрѣнія преступленія и съ точки зрѣнія возмездія или наказанія за преступленіе. Съ особенною обстоятельностью надо раскрыть, что: а) христіанство является защитникомъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, а „не орудіемъ классоваго господства“, какъ то̀ учатъ соціалъ-демократы; б) христіанство спасаетъ людей отъ ужаснаго духовнаго и экономическаго рабства, въ которое повергаетъ ихъ соціализмъ; в) христіанство проповѣдуетъ любовь ко всѣмъ людямъ, оно является „религіею человѣческаго состраданія“, а соціалъ-демократія особенно проповѣдуетъ междоусобную кровавую бойню и является „религіею человѣческой ненависти“.

13. *Для практической борьбы съ соціализмомъ* надо внушить питомцамъ семинарій, будущимъ пастырямъ: а) потребность дѣятельнаго христіанства, какъ родника дѣлъ любви и благотворительности къ страждущимъ духовно и тѣлесно; б) потребность въ самомъ широкомъ содѣйствіи подъ кровомъ Церкви различнымъ религіозно-просвѣтительнымъ и благотворительнымъ организаціямъ, особенно въ мѣстахъ скопленія рабочаго класса; в) насущную

потребность въ отрезвленіи народа собственнымъ примѣромъ и посредствомъ организаціи подъ кровомъ Церкви „братствъ“ и обществъ трезвости; г) необходимость пастырскаго воздѣйствія на улучшеніе взаимоотношеній между работодателями и рабочими къ обоюдному ихъ соглашенію и тому подобное.

14. Вообще надо, чтобы каждый питомецъ духовной семинаріи шелъ въ пастыри съ твердою мыслью о неотложной необходимости дѣлами своими въ средѣ труждающихся и обремененныхъ прославлять Церковь свою и тѣмъ вырывать изъ коварныхъ сѣтей соціализма заблудшихъ чадъ Церкви.

Примѣчаніе. Указатель литературы по содержанію изложенныхъ пунктовъ въ обличеніе соціализма при семъ прилагается.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

къ программѣ преподаванія въ духовныхъ семинаріяхъ обличенія соціализма.

Пастырь Церкви долженъ стоять на высотѣ запросовъ современности. Онъ долженъ рѣшать ихъ въ духѣ ученія Христа и Его святой православной Церкви.

Наше время съ его рѣзкою соціально-экономическою и политическою борьбою выдвинуло на первую очередь много новыхъ вопросовъ, которые настойчиво требуютъ къ себѣ усиленнаго вниманія и со стороны нашей богословской литературы и со стороны нашей духовной школы, подготовляющей пастырей Церкви.

Къ числу такихъ вопросовъ прежде всего надо отнести вопросъ о соціализмѣ. Соціализмъ у насъ, какъ и на Западѣ, выступилъ въ качествѣ особаго міровоззрѣнія. Онъ быстро распространился преимущественно среди простого народа и рабочаго класса. Повсюду онъ породилъ новыя думы и произвелъ смуту въ умахъ, сердцахъ и жизни народа. За разрѣшеніемъ новыхъ думъ и сомнѣній православныя овцы идутъ къ пастырямъ Церкви.

Между тѣмъ, пастыри Церкви, по новизнѣ дѣла, очень часто сами стоятъ въ раздумьѣ и не знаютъ, что отвѣчать своей паствѣ на ея запросы о соціализмѣ. Положеніе пастыря Церкви особенно является тяжелымъ, когда онъ сталкивается съ искусною пропагандою соціализма, который часто ведетъ свое дѣло якобы подъ знаменемъ и во имя Христа, чтобы тѣмъ легче уловить въ свои сѣти христіанъ.

Вотъ здѣсь-то и должна прійти на помощь нашимъ пастырямъ духовная школа, особенно духовныя семинаріи, откуда выходитъ большинство нашихъ пастырей. Духовныя семинаріи обязаны ввести своихъ питомцевъ въ курсъ вопросовъ соціализма, обнажить предъ ними язвы соціализма, показать полную несовмѣстимость соціализма съ христіанствомъ и его враждебность ко Христу. Словомъ. духовныя семинаріи должны дать своимъ питомцамъ. будущимъ пастырямъ Церкви, духовный мечъ для борьбы съ соціализмомъ и указать путь дальнѣйшаго уже на приходѣ заостренія ими этого меча. Наибольшее вниманіе должно быть обращено на самый боевой соціализмъ,—это на научный соціализмъ, который проводится въ жизнь соціалъ-демократіей. Съ особенною тщательностью должно быть опровергнуто ученіе такъ-называемыхъ „христіанскихъ соціалистовъ“, утверждающихъ, что якобы Іисусъ Христосъ былъ соціалистомъ и даже революціонеромъ.

ЛИТЕРАТУРА ПО СОЦІАЛІЗМУ.

Къ программѣ для духовныхъ семинарій.

Антоній, архіеп. Волынскій. Противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, будто Іисусъ Христосъ былъ революціонеромъ. Изд. 1909 г. Ц. 25 коп. съ перес. Москва. Книгоизд. „Вѣрность", Лиховъ пер., Епархіальный домъ.

Амвросій, архіеп. Харьковскій. О павперизмѣ. О неравенствѣ состояній. О правѣ собственности по ученію христіанскому (Полн. собр. пропов. Харьковъ. 1902 г. Т. II. III).

Айвазовъ, И. Г. Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Москва. Книгоиздательство „Вѣрность". Ц. 25 коп. съ перес.

Проф. Ан. Л. Болье. „Христіанство и демократія. Христіанство и соціализмъ". С.-Петербургъ, книжн. магазинъ Тузова.

Владиміръ, митроп. Московскій. Къ богатымъ и бѣднымъ. Соціальная задача семьи. Работа въ свѣтѣ матеріализма и христіанства. Вечернія собесѣдованія между крестьяниномъ, фабричнымъ рабочимъ и священникомъ (Переработ. съ 3-го нѣм. изд. Хоссле). Наша пастырская задача въ борьбѣ съ соціалъ-демократическою пропагандою. — Всѣ изданія можно выписывать чрезъ книгоиздательство „Вѣрность". Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ.

Л. Вороновъ. Прегрѣшенія соціализма. Ц. 5 коп. Москва. Книгоиздательство „Вѣрность".

Прот. І. І. Восторговъ. Христіанство и соціализмъ. Ц. 25 коп. Можно ли христіанину быть со-

ціалистомъ. Ц. 5 коп. Христіанскій соціализмъ. Ц. 25 коп.—Всѣ эти изданія можно выписывать изъ Москвы, книгоиздательство „Вѣрность“.

Проф. А. И. Введенскій. Соціализмъ, какъ нравственная и теоретическая задача. Ц. 50 коп. Москва, книгоиздательство „Вѣрность“.

Велицынъ. Соціальное равенство. Торжество соціализма. С.-Петербургъ, книжный магазинъ Тузова.

Проф. Бронзовъ. Десятословіе и соціалъ-демократическая мораль („Странникъ“, 1906 г. Окт.).

А. Генцъ. Соціализмъ. Ц. 1 р. 20 к. Можно выписывать изъ Москвы. Книгоиздательство „Вѣрность“.

Свящ. І. Галаховъ. Соціалистическія утопіи и христіанскія начала человѣческой жизни. Ц. 30 к. Харьковъ. Редакція журн. „Вѣра и Разумъ“.

Проф. Григорьевъ. Разборъ мнѣній представителей современнаго соціализма о происхожденіи христіанства („Правосл. Собесѣдн.“ 1903 г. № 2).

Д. А. Н. Нищета и богатство по ученію Спасителя („Вѣра и Церковь“—1900 г. № 7).

Проф. прот. А. Иванцовъ-Платоновъ. Христіанское ученіе о любви къ человѣчеству сравнительно съ крайностями ученій соціалистическихъ. За 20 лѣтъ священства. Москва. 1884 г.

Катрейнъ. Соціализмъ (Авторизован. перев. съ 9-го нѣм. изд. свящ. Н. Липскаго). Ц. 1 р. 50 к.—Харьковъ, Пушкинская ул., 50.

В. А. Кожевниковъ. Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности. Ц. 45 коп. Можно выписыв. чрезъ книгоиздат. „Вѣрность“.

Л. З. Кунцевичъ. Изложеніе и разборъ ученія соціализма. Ц. 10 коп. Новочеркасскъ. Дух. Консисторія.

Свящ. А. Полозовъ. Экономическій матеріализмъ и религія. („Вѣра и Церковь.“ 1903 г. №№ 3 и 5).

Пибоди. Іисусъ Христосъ и соціальный вопросъ. С.-Петербургъ, книжный маг. Тузова.

Н. Розановъ. Соціально-экономическая жизнь и Евангеліе („Православно-Русское Слово“, 1904г. № 7).

Рихтеръ. Соціалъ-демократическія картинки будущаго. С.-Петербургъ, книжный маг. Тузова.

Прот. Стеллецкій. Соціализмъ — его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія. Кіевъ. Духовная Академія.

А. Тихомировъ. Демократія матеріальная и соціальная. Москва, 1906 г.

Л. Тихомировъ. Соціально-политическіе очерки.

Очеркъ I. Гражданинъ и пролетарій. Ц. 10 коп.

Очеркъ II. Заслуги и ошибки соціализма. Ц. 10 к.

Очеркъ III. Плоды пролетарской идеи. Ц. 10 коп. Книгоиздательство „Вѣрность".

Флейшманъ. Противъ соціалъ-демократіи. Перев. съ нѣм. М. В. Москва. Книгоиздательство „Вѣрность".

С. Шараповъ. Соціализмъ, какъ религія ненависти. Москва. Ц. 5. коп.

Г. Щелчковъ. Можно ли отождествлять христіанство съ соціализмомъ. Ц. 20 коп. Харьковъ. Дух. Конс.

Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" за 1908 г. второе полугодіе подробно описаны сужденія и постановленія четвертаго Всероссійскаго Миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ по вопросамъ обличенія соціализма *).

---

*) Эти сужденія и постановленія изданы и въ особой книгѣ И. Г. Айвазова: „Обновленцы и Староцерковники". Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб. „Москва Книгоиздательство Вѣрность"

Книгоиздательство „Вѣрность“ имѣетъ цѣлью:

1) изданіе и распространеніе брошюръ и книгъ съ цѣлью раскрытія и уясненія *общихъ основъ* русской монархической государственности, покоющихся на религіозно-нравственныхъ, научныхъ и историческихъ началахъ, и

2) изданіе и распространеніе брошюръ и книгъ, отвѣчающихъ запросамъ текущихъ интересовъ даннаго момента, разъясняющихъ эти моменты съ упомянутой точки зрѣнія.

Изданіе не коммерческое. Цѣна брошюрамъ и книгамъ возможно дешевая.

Адресъ книгоиздательства „Вѣрность“: Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ.